АЗБУКА ВЕРЫ

Р.А. Дериглазов

Подвиг любви и смирения

Художественная литература · azbyka.ru

Подвиг любви и смирения – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/podvig-lyubvi-i-smireniya

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Подвиг любви и смирения

Р.А. Дериглазов

Оригинал

О протоиерее Анатолии Малинине и этой книге

Чрезвычайно важно, что в последнее время на Новгородской земле все чаще появляются воспоминания о священнослужителях, которые оставили глубокий след в памяти своих прихожан. До революции много было священников в Новгородской епархии, но страшные репрессии 20-х и 30-х годов, война практически извели память о тех, кто верой и правдой служил своему народу, в молитвах предстоя пред Престолом Божиим. И вот пришло время благодарной памяти… Конечно, много имен предано забвению, память о них как бы потухла в истории, но для Бога нет мертвых. Этим, может быть, можно было бы себя утешать, но мы должны понимать, что дорогие нам образы ушедших ко Господу людей, и особенно священнослужителей, должны быть еще и поучительным примером для наших современников и последующих поколений.

В этом отношении книга воспоминаний о митрофорном протоиерее Анатолии Малинине, который так много самых тяжелых богоборческих лет прослужил в Великом Новгороде, имеет очень большую ценность.

Его становление как человека верующего проходило в простой крестьянской семье на Псковщине. Если бы не война, кто знает, может быть, был бы он простым что называется советским юношей, но даже, казалось бы, запредельное человеческое зло Господь иногда направляет к тому, чтобы пробудить человеческую совесть, веру, жертвенную любовь для спасения многих и многих потерявших себя в жизненной суете.

На оккупированной территории стали открываться храмы, и юный Анатолий волею судеб оказался приобщенным к приходской жизни. Он видел, как священнослужители Русской Православной Церкви, идя навстречу желаниям своего народа, совершая пастырское служение, открывали не только храмы, но и воскресные школы при них, пытаясь спасти израненные атеизмом и жестокостью души русских людей. Организовывалась социальная помощь детям, потерявшим в пламени войны своих родителей, собиралась гуманитарная помощь военнопленным, о которых некому было позаботиться.

Все это произвело большое впечатление на возрождающуюся к вере юную душу Анатолия. Год он проучился в Виленской семинарии, а после войны, с большими трудностями, поступил в духовную школу тогдашнего Ленинграда.

Прошли долгие годы служения, когда священнику не дозволялось практически ничего, кроме богослужений и треб в пределах храма, но те впечатления от дерзновенного служения, которые он получил в тяжелые годы войны, отец Анатолий забыть так и не смог. На том семинарском курсе, где он учился, было много студентов, которые прошли через аналогичный опыт деятельности Русской Православной Церкви Московского Патриархата в условиях оккупации. Вглядываясь в фотографии тех времен, понимаешь, как, вероятно, хорошо они понимали друг друга, хотя и вряд ли могли безбоязненно делиться своими воспоминаниями даже между собой.

Но когда в нашей стране все стало меняться, отец Анатолий первый стал, еще в храме апостола

Филиппа, учить православной вере всех желающих. Несмотря на свой преклонный возраст был активнейшим участником устраиваемых в Великом Новгороде катехизаторских курсов для взрослых. Но главное, он очень много служил и проповедовал.

Зачастую, пытаясь дать спасительные ответы на многочисленные вопрошания прихожан, он не столько, может быть, учил, сколько смиренно, с постоянной улыбкой на лице, благословлял своих пасомых. Любовь к храму, умение дерзновенно молиться, быть снисходительным к людям, сохраняя себя в смирении, — особый дар, которым владеют немногие, но который воистину спасителен для каждого священника, и особенно для тех, кто еще только начинает свое служение.

И еще, хотелось бы подчеркнуть одну особенность его характера: он был человеком послушания и почти никого не осуждал. Это был священник, который сам много пережил, перестрадал, и поэтому мог и «искушаемым помогать».

Книга, которую читатель держит в руках, есть не просто книга памяти, но и живое выражение любви тех, кто знал его и прибегал к его духовной помощи. Конечно, человеческое восприятие действительности бывает часто достаточно субъективным, но это никак не может повредить нашей благодарной молитвенной памяти о митрофорном протоиерее земли Новгородской отце Анатолии Малинине.

Вечная ему память и вечный покой в селениях праведных.

Лев
Архиепископ Новгородский и Старорусский

От редактора-составителя

Уже больше шести лет нет с нами приснопоминаемого протоиерея Анатолия Малинина. С течением времени все яснее становится, какого светильника Церкви лишились мы здесь, на земле, — и какого молитвенника за нас, грешных, приобрели на небесах, пред Престолом Господним. Книга, которую Вы держите в руках, призвана посильно свидетельствовать об этом.

Книга рождалась очень непросто, на что были как субъективные, так и объективные причины. Но как бы то ни было, наконец-то, она завершена. И сколь ни несовершенен и недостаточен, как я осознаю, этот мой труд, остается только возблагодарить Господа, неизреченною милостию Которого он все же исполнен.

Приношу благодарность всем, кто помогал мне в его осуществлении.

И первому — Владыке нашему Высокопреосвященнейшему Льву, архиепископу Новгородскому и Старорусскому, по благословению которого я решился в свое время приступить к этому труду и чья духовная поддержка сопутствовала всей работе над книгой.

Сердечная признательность — священнику Тимофею Малинину, написавшему по моей просьбе содержательный очерк о жизни и служении своего отца, подобравшему основной иллюстративный материал н всячески содействовавшему мне в работе.

Ну и, естественно, — всем тем. кто отозвался на мои призывы н чьи воспоминания и составили собственно эту книгу.

Отдельная благодарность Галине Сергеевне Соболевой, Маргарите Евгеньевне Антоновой и Анатолию Сергеевичу Анурову за большую помощь на начальной стадии сбора материалов, а также — Галине Николаевне Гиржевой, внимательно прочитавшей рукопись перед сдачей в печать и сделавшей ряд существенных замечаний, и Андрею Владимировичу Коткину, выполнившему компьютерную верстку.

Выражаю признательность Людмиле Анатольевне Павловой за прекрасную организацию предпечатной подготовки книги, за внимание и терпение, и Людмиле Валентиновне Ларионовой, благодаря которой стала возможна печать тиража.

Наконец, не могу не сказать спасибо моим дорогим жене и дочери, помогавшим мне на всем протяжении моей работы.

Сознавая все свое недостоинство, я тем не менее вдохновлялся любовью к моему дорогому духовному отцу и старался в меру сил составить книгу, достойную его светлой памяти. Что получилось — судить читателю. Прошу прощения за все огрехи и недоработки, допущенные мной, и испрашиваю Ваших молитв о мне, грешном рабе Божием Рустике.

Жизнь и служение протоиерея Анатолия Малинина

Царство Божие не в слове, а в силе (1Кор.4:20)

Протоиерей Анатолий Иванович Малинин родился 14 октября 1925 года, в день Покрова Пресвятой Богородицы, в деревне Кудрово Карамышевского района Псковской области, в семи километрах от Порхова. Родители его Иван Степанович и Мария Яковлевна были крестьяне, люди простые, трудолюбивые и добросердечные. Кроме Анатолия в семье было еще четыре сына. Иван Степанович любил ходить в церковь, но детям его религиозность как-то не передалась.

Толя был тихим, углубленным в себя, сторонился мальчишеских ватаг, отвращавших его своим озорством. Он предпочитал одиночество. Любил ходить в лес, по полям. Любовался природой, восхищавшей его своей красотой и пробуждавшей поэтические мысли. У него было врожденное тонкое чувство красоты. В чем бы она ни проявлялась: в природе, в музыке, в слове… Когда стал постарше, вид звездного неба и желание понять, как устроена вселенная, пробудили в нем интерес к астрономии. Анатолия рано начали занимать поиски смысла жизни. Он много читал. Любознательность привела деревенского мальчишку к увлечению… индуизмом: была в нем какая-то манящая тайна… Увлечение это оказалось недолгим. Господь вскоре открыл ему истинные пути познания смысла жизни.

С началом коллективизации, которая многих крестьян сорвала с места, Иван Степанович перебрался в Порхов, где устроился работать плотником. В 1936 году Анатолий, отучившись в Кудровской начальной школе, переехал к нему и поступил в школу-семилетку, которую окончил в 1941 году, буквально перед самой войной. Жили они с отцом в сторожке при закрытой Никольской церкви в Порховской крепости. Здесь же жил и священник этой церкви, вернувшийся из тюрьмы и лишенный властями права служить.

Когда началась война и немцы заняли Порхов, они разрешили, как и на всех оккупированных ими территориях, совершать богослужения в Никольском храме. Иван Степанович стал работать церковным сторожем, а кроме того — прислуживать священнику. Народу на службы приходило все больше, и отец начал привлекать в помощники сына: «Пойдем, помоги батюшке почитать, поминаний много». Да мало ли дел в храме: лампады зажечь, на колокольне позвонить… Присутствуя на службах, Анатолий стал прислушиваться к пению. Слух и

музыкальность у него тоже были врожденными. Церковное пение ему очень понравилось. Сначала просто подпевал, что запомнилось, потом стал вникать в смысл песнопений и богослужения — и так постепенно, милостью Божией, пришел к вере православной. Пережив духовное преображение, шестнадцатилетним юношей вступил он в жизнь Церкви. Шел 1942 год.

В Порхове появилось много беженцев. Среди них была Анна Ивановна Ильина, которая с четырьмя детьми приехала из Пушкина Ленинградской области. Будучи глубоко верующим человеком, она часто ходила в церковь, где Анатолий и познакомился с ней. В этом знакомстве проявилось смотрение Божие о Его будущем служителе.

В 1943 году Анатолий отправляется в Вильнюс и поступает на пастырские курсы при Виленском Свято-Духовом монастыре, где проучился всего один год. Но этот год стал поистине определяющим в его судьбе. Интересно, что среди насельников монастыря тогда был и Николай Гурьянов, поступивший на те же курсы годом раньше. Наверняка они встречались, но познакомиться Господь не привел. Зато познакомился и на всю жизнь подружился Анатолий с Евгением Ефимовым, ныне известным, уважаемым протоиереем, клириком Петербургской епархии.

Когда советские войска начали наступление на Вильнюс, курсы закрылись. Не зная, что делать, и не решаясь пересекать линию фронта, недоучившийся курсант пишет о своем положении Анне Ивановне, переписку с которой поддерживал все эти годы. Она приглашает его к себе в латвийский город Лудзу, где жила с тремя детьми (одного из сыновей она похоронила в Порхове) и работала прачкой в немецком госпитале. Анатолий с благодарностью принимает это спасительное приглашение и вливается, таким образом, в радушную семью Ильиных. Он разделяет с ними все их труды, усердно помогая во всем. Так они и дожили до самой победы 1945 года. Тогда вернулись на родину: Ильины — в Ленинград, а Малинин — к родителям в Порхов.

По возвращении он устроился псаломщиком в Покровскую церковь села Жаборы Порховского района и вскоре решил поступать в Ленинградскую духовную семинарию. Однако удалось это далеко не сразу: его не хотели принимать из-за того, что в годы войны он жил на оккупированных территориях. Но, следуя призыву Божию, молодой человек не сдавался, — и Господь не оставил его: в 1947 году, с третьей попытки, его все-таки приняли. Причем сразу в третий класс. Сказалось обучение на пастырских курсах: он знал и Типикон, и гласы, да и все почти основные предметы семинарского курса. Поэтому учиться ему было легко (учился он на одни пятерки). Но и интересно. Впоследствии он признавал, что семинария обогатила его знаниями, которых он прежде не имел, многое дала[1].

Столичные духовные школы всегда отличались высоким уровнем образования не только по богословским, но и по гуманитарным наукам (языки, литература, история, философия). Часто вспоминал батюшка семинарских преподавателей, имевших еще дореволюционное образование и воспитание, — Сакарду, Купрссова, Зборовского, еще кого-то. Семинаристы получали всестороннее развитие — посещали музеи, выставки, концерты, бывали на оперных и балетных спектаклях. В семинарии проводились литературные вечера. Плодотворным было и общение с одноклассниками, среди них были будущий Святейший Патриарх Алексий Ридигер (+2008), с которым он дружил, будущие протоиереи Евгений Ефимов, Василий Ермаков (+2007), Игорь Ранне (+1982), Владимир Сидоров и другие. Их выпуск 1949 года запомнился батюшке редкостным *единодушием* («как одна душа были все», вспоминал он), теплым взаимным сочувствием и соучастием. Много значило и духовное общение с преподобным Серафимом Вырицким, которого Анатолий посещал вместе с другими семинаристами и

который благословил его на служение Богу и людям.

В Ленинграде он сразу же отыскал добрую свою покровительницу Анну Ивановну и часто виделся с ней. В то время ее брат протоиерей Александр Ильин служил в Луге. Анна Ивановна много рассказывала Анатолию о брате, предлагала познакомить с ним. И в 1948 году он поехал с ней к отцу Александру. Яркая личность высокообразованного и духоносного пастыря произвела такое глубокое впечатление на семинариста, что на всю жизнь он стал примером для подражания. Надо сказать, и тихий, застенчивый семинарист поглянулся взыскательному отцу Александру: почувствовал он в нем родственную душу, прикровенное, не напоказ, истинное горение ко Христу.

Большое влияние на семинариста Малинина оказало знакомство с молодым целибатным священником Иоанном Ивановым, впоследствии епископом Кировским (+1966), быстро переросшее в дружбу. Сначала тот служил в Спасо-Преображенском соборе, а потом — в поселке Лисий Нос, настоятелем Троицкой церкви на Охте. Лето, прожитое с отцом Иоанном в Лисьем Носу, когда Анатолий сослужил ему как псаломщик, очень много дало ему в постижении тонкостей богослужебной практики.

Окончив семинарию, Малинин в том же 1949 году поступил в духовную академию. Но проучился на очном отделении лишь два года. Встретив юную красавицу Ирину Егорову, он решает уйти на приходское служение. Летом 1951 года у них состоялась свадьба. Вскоре Анатолий был рукоположен во диакона, а 15 июля 1951 года епископ Лужский Симеон (Бычков) (+1952) возвел его в сан пресвитера. Свой первый приход отец Анатолий получил недалеко от Гатчины, на станции Суйда. Здесь, в Воскресенской церкви, он прослужил всего четыре месяца, а затем его перевели в храм во имя Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище Ленинграда. Шум и суета большого города тяготили молодого священника, и при первой же возможности — в феврале 1952 года — он перевелся в село Черное на берегу Ладожского озера, между Ладогой и Петрокрепостью. Приход был большой, селения, которые приходилось объезжать отцу Анатолию, были разбросаны на большие расстояния. Чтобы добраться до нужной деревни, приходилось ночевать на полпути: транспорта не было — когда на лошадке кто подвезет, когда на лодке. Служить было трудно, но с каким удовольствием вспоминал батюшка это время: как люди тянулись тогда к Церкви! какая у них была потребность в богослужении, в церковных Таинствах и требах! Не просто жили — горели верой православной. И каким необходимейшим человеком был тогда для них священник! Надо ли говорить, что прихожане помогали и храму и батюшке чем кто мог. (Нынешние верующие — по сравнению с теми, послевоенными, — нередко огорчали батюшку своей теплохладностью).

По-прежнему поддерживал Малинин отношения с Ильиными. Они стали еще ближе после того, как лучший друг-однокашник Евгений Ефимов стал зятем отца Александра.

В феврале 1954 года отца Александра Ильина перевели из Луги в Новгород — настоятелем в единственный действовавший тогда в древнем русском городе Никольский собор на Ярославовом дворище, который был восстановлен трудами прихожан послевоенного города. При получении нового назначения он попросил митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) (+1955) дать в помощь четвертого священника. Владыка согласился, и отец Александр тут же отправил приглашение отцу Анатолию в Черное, которое было с радостью принято. Давнее знакомство и глубокое уважение к отцу Александру служили достаточными основаниями для того, чтобы молодой священник воспринял эту перемену в жизни как отрадную. В сентябре 1954 года отец Анатолий Малинин переехал в Новгород, едва ли предполагая, что навсегда свяжет с ним свою жизнь.

Служить в одном из древнейших русских храмов (построенном в 1113 году) под руководством одного из выдающихся пастырей своего времени — это было счастьем для молодого старательного иерея.

19 сентября 1956 года он стал участником великого — незабываемого — события: в Никольский собор из Новгородского музея были переданы мощи святителя Никиты, епископа Новгородского (+1108). Вместе с мощами передали и древнюю раку, в которой, по преданию, некогда покоились святые мощи благоверной княгини Анны Новгородской, а теперь в нее положили святые останки святителя Никиты. Это чудо, иначе не назовешь по советскимто временам, стало возможным благодаря десятилетним усилиям многих людей: от первого послевоенного настоятеля собора протоиерея Александра Здравомыслова до Святейшего Патриарха Алексия I (который дошел до тогдашнего Председателя Совета Министров СССР Булганина)[2]. Сказались, возможно, на заключительном этапе и личные качества Ильина как настоятеля, который, по воспоминаниям отца Анатолия, «умел найти верный тон в общении с внешними, например музейными работниками, вместе с которыми отбирал в закрытых, порушенных храмах памятники древности, уцелевшие иконы, предметы церковной утвари»[3].

Отец Александр Ильин был — и остается — для всех священников примером ревностного служения Церкви Христовой и духовного совершенства. На всю жизнь усвоил отец Анатолий многое из богатейшего пастырского опыта этого духоносного старца-священника, ставшего его духовником. Вот как вспоминал о нем отец Анатолий: «Митрополиты Григорий и Елевферий относились к отцу Александру с большим уважением. <…> По строго аскетическому образу жизни он давно был монахом. В его жизни все было очень мерно. <…> Можно сказать, что вся его жизнь была постом. <…> Современники отмечали у батюшки Александра особую сдержанность, военную выправку, чувство такта, сравнивали его с офицерами Царской армии. Никто никогда не видел его в гневе, в раздражении, вышедшим из себя. Отец Александр был крайне молчалив, ровен, лишь по необходимости отвечал на вопросы. Однако, отвечая, всегда находил ясные и точные определения.

После лагерей батюшка Александр уже не имел своего собственного жилья. <…> Скромность, простота, даже убожество обстановки поражали посетителей отца Александра»[4].

Когда отец Александр овдовел, «владыка Елевферий назначил ему день пострига, для батюшки уже приготовили четки, мантию, клобук. Владыке хотелось увидеть отца Александра архиереем. Однако Господь судил иначе, и постриг был отложен. Наступило время хрущевской «оттепели», когда предполагалось оставить одного «попа» в качестве музейной редкости»[5]. Для Церкви опять наступила пора гонений.

В 1961 году Совет по делам РПЦ при Совмине СССР заставил руководство Московской Патриархии провести через Собор новый порядок управления приходами и принять Устав, лишивший духовенство какой-либо юридической власти в приходе и значительно урезавший хозяйственные полномочия правящих архиереев.

Повсеместно закрывались храмы. «…В Новгородской епархии закрыли пятнадцать храмов, крупные церковные общины переводили в маленькие, плохо приспособленные для служения помещения»[6]. В 1962 году закрыли Никольский собор.

Вспоминая то богоборческое время и переезд в другой храм, отец Анатолий так объяснял действия властей: они рассчитывали на то, что скоро прекратится всякая православная религиозная деятельность, с верой в Бога будет покончено. Поэтому выделили совершенно неприспособленный храм на краю города. Переезд назначили ночью, чтобы не было народных возмущений. Ночью, в праздник Воздвижения Креста Господня, после акафиста

Животворящему Кресту, иконы, святые мощи и вся церковная утварь из Никольского собора были на грузовике перевезены в церковь апостола Филиппа. Расчеты безбожников не оправдались, верующих стало ходить еще больше. «В нижней церкви… разрешалось только отпевать покойников. Богослужения проводились в небольшом верхнем храме, который не мог вместить всех верующих. Зимой те прихожане, которые не могли войти в церковь, мерзли на улице, но продолжали молиться. Приходилось служить три литургии: в шесть, в восемь и в десять часов утра. В четыре часа утра служащие священники приходили совершать проскомидию, поскольку поминальных записок было очень много. <…> В те годы в Новгороде жило много подвижников благочестия: архимандрит Валентин был духовником Царской Семьи, отец Петр (Чесноков), которому еще святой Иоанн Кронштадтский предсказал священство, протоиерей Иосиф Потапов, суровый уставщик (его духовником был архиепископ Афанасий (Сахаров). — *Т.М.*)…

По словам протоиерея Иоанна Миронова, в те годы у новгородских священников “было единое сердце и единые уста”»[7].

В 1966 году протоиерей Александр Ильин по болезни ушел за штат, в связи с чем указом архиепископа Новгородского и Старорусского Сергия (Голубцова) (+1982) от 25 января 1967 года протоиерей Анатолий Малинин был назначен настоятелем церкви апостола Филиппа. Трудно ему было заменить своего духовного наставника, но Божия благодать, «немощные врачующая и оскудевающие восполняющая», направляла батюшку на жертвенное служение Богу в новом послушании.

По благословению митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) (+1978) отец Анатолий восстанавливается в Ленинградской духовной академии — на третий курс заочного отделения. Нелегко далось ему, обремененному священническими обязанностями и с каждым годом все возраставшими семейными заботами, получение высшего духовного образования — и надолго затянулось. Тем не менее в 1970 году протоиерей Анатолий Малинин закончил академию со степенью кандидата богословия, защитив диссертацию по ветхозаветной археологии «Иудейская секта ессеев в свете новых открытий».

В так называемые «застойные» годы уполномоченные Совета по делам религий всецело управляли церковной жизнью. Они отдавали устные распоряжения епископам, настоятелям храмов и церковным старостам не допускать какого-либо участия детей и подростков до 18 лет в храмовых богослужениях. Священнослужитель не знал, с какой стороны и от кого мог последовать наговор или прямой донос властям. Неоднократно церковные осведомители сообщали «нужным людям» о присутствии детей священника Анатолия Малинина на богослужении. В его личном деле мы находим предупреждение от уполномоченного такого содержания: «Настоятель церкви ап. Филиппа Малинин А.И. систематически привлекает своих несовершеннолетних детей для участия в богослужении в церкви. В частности 7 января (праздник Рождества Христова) 1980 года три несовершеннолетних сына Малинина принимали участие в чтении и прислуживании в церкви, а несовершеннолетняя дочь пела в хоре. Подобные действия противоречат советскому законодательству…»[8]. За пару таких предупреждений могли лишить регистрационной справки, и священник оставался без права служить в церкви, то есть фактически без средств к существованию. Как же отрадно видеть сегодня открытые воскресные школы при храмах, радостно за маленьких детей — они могут беспрепятственно обучаться Закону Божию, участвовать в богослужении!

А тогда религиозное воспитание детей сводилось лишь к семье. Несмотря на все запреты дети отца Анатолия получили начальную духовную и богослужебную подготовку и обрели призвание от Бога к служению Церкви в разных послушаниях. Четверо священников, диакон и

псаломщик служат в разных церквах, наследуя и продолжая духовную школу своего отца.

Бог дал Малининым восьмерых детей. Старшая дочь Лариса родилась 6 апреля 1952 года, когда батюшка Анатолий служил на приходе в селе Черное. А 30 сентября 1953 года в Ленинграде родился старший сын Иван. Как и во всех многодетных семьях, Лариса и Иван, быстро взрослея, становились помощниками родителей и в домашней работе, и в воспитании младших детей. Выйдя замуж за Александра Гладкого (+1993), Лариса на многие годы посвятила себя приходской жизни своего супруга-священника. Иван Малинин после службы в армии поступил в Ленинградскую духовную семинарию, а потом и в академию, по окончании которой связал свою жизнь с городом на Неве. Сейчас он служит в храме Сампсона Странноприимца, являясь его настоятелем.

Второй сын Николай появился на свет 27 апреля 1955 года уже в Новгороде, где родились и все остальные дети. По окончании службы в армии Николай женился и уехал в Тверь, тогда еще Калинин. Поступил учиться в мединститут, но совмещать учебу с работой не получилось, и учебу пришлось оставить. Стал ходить в храм и участвовать в богослужении в качестве иподиакона у митрополита Калининского и Кашинского Алексия (Коноплева) (+1988), пел в единственном тогда действовавшем в городе Троицком кафедральном соборе и работал завхозом в епархиальном управлении. Вернувшись в Новгород, был рукоположен во диакона. Николай Малинин много лет прослужил диаконом в Валдае, в церкви апостолов Петра и Павла. По болезни ушел за штат, сейчас живет в селе Полново, посильно помогая в богослужении в местном храме.

Семен родился 29 января 1959 года. По окончании школы он не колебался с выбором пути, зная: его призвание — быть на клиросе. Сначала служил в церкви апостола Филиппа, а с открытием Покровского собора перешел в него — и по сей день служит Богу в этом храме псаломщиком.

У Константина, родившегося 4 февраля 1963 года, с раннего детства были влечение и способности к изобразительному искусству. Он закончил художественную школу, а после службы в армии — и художественное училище. Познакомившись с известным тверским протоиереем Анатолием Волгиным, он переехал к нему в деревню Васильково. Дело в том, что отец Анатолий, сам талантливый иконописец, создал у себя на приходе иконописную школу для одаренных молодых людей. Константин прошел эту школу, а вместе с тем получил и хорошую богослужебную практику, исполняя послушания алтарника и псаломщика. В конце концов он выбрал для себя путь монашеского подвига. Сейчас игумен Корнилий служит настоятелем храма Николая Чудотворца в Торжке.

Младшая из дочерей София увидела свет 19 марта 1965 года. После школы она выучилась на медицинскую сестру, работала в больнице, потом окончила Новгородский мединститут. Став врачом, лечит не только телесные болезни своих пациентов, но и души, направляя их к Богу, единственному истинному источнику здоровья.

Предшествующий мне Роман родился 15 июля 1968 года. Закончив медицинское училище, он работал медбратом, а после службы в армии уехал в Тверь, где в свободное время трудился в церкви. С годами Господь привел его к священническому служению. Сейчас отец Роман, как и брат, отец Корнилин, служит в Тверской епархии: на двух приходах Селижаровского района — в Крестовоздвиженском храме поселка Селище и известном храме чудотворной Оковецкой иконы Божией Матери.

Мне как последнему ребенку в семье суждено было дольше других моих братьев и сестер жить в родном доме и общаться с родителями. Да и решение остаться в Новгороде не было для меня

затруднительным. Ведь кто-то из детей должен быть рядом, поддерживать престарелых отца и мать.

Многие думают, что дети священников находятся в каком-то особом положении, в полной изоляции от внешнего мира, поэтому они без всяких колебаний, следуя примеру родителей, становятся служителями Церкви. Это глубокое заблуждение. Дети священников, как и все другие дети, воспитываются и общаются не только в семье, но и в той среде, где учатся и проводят свое время. Они, правда, более тонко и глубоко воспринимают окружающую жизнь, им дано видеть и понимать, где фальшивая и безбожная действительность, а где Божья правда. Факт существования Бога для них абсолютная истина, а живое общение с Ним — непреложная жизненная реальность. Родителям только нt следует навязывать детям своего духовного и религиозного опыта, заставлять их жить в соответствии с ним. Их задача — дать ребенку необходимые духовные и религиозные знания, показать возможные жизненные пути, а дальше пусть он сам, опираясь на полученные знания, обретает свой жизненный и религиозный опыт, а самое главное, учится через это любить своего Создателя. Ведь невозможно научить или заставить полюбить, это действие добровольное и свободное, а без любви к Богу невозможно исполнить ни одной заповеди Закона.

Такой именно подход к воспитанию, исключавший навязывание своих ценностей и личного религиозного опыта, я наблюдал в жизни нашей семьи. Родители с раннего детства заложили в каждого из нас ответственность *быть верующим человеком,* очень серьезно относиться ко всему, что связано с Церковью, христианскими ценностями. Можно так сказать: родители привили нам благоговейное чувство страха Божия и христианскую любовь к ближним, научили видеть в каждом человеке «образ Божий». Отец никогда не говорил мне, что я должен служить и трудиться только в храме. Я окончил медицинское училище, несколько лет работал фельдшером — и лишь через многие искания и испытания *сам* пришел к тому, что необходимо посвятить себя служению Богу, и только в этом я увидел смысл своей жизни. Так Господь привел меня в лоно Церкви, где я с глубоким чувством своего недостоинства служу в пастырском послушании.

Вернусь, однако, к своему повествованию о жизни отца.

Тогда как советская пресса на весь мир возвещала, что в СССР царит свобода совести, свобода вероисповедания, в стране самым жестоким образом преследовались верующие. Вспоминает отец Анатолий: «Дело дошло до того, что в некоторых епархиях священнослужители под давлением уполномоченных Совета (по делам религий. — *Т.М.*) перестали причащать детей. Рукоположение в сан епископа, пресвитера и диакона совершалось только после санкции чиновников Совета. Настоятели церквей и священнослужители были отстранены от церковного управления и считались лицами, которых староста церкви как бы нанимал для совершения богослужений. Если священник пытался вмешиваться в управление церковной жизнью, то по жалобе старосты, подчиненного уполномоченному Совета, у него отбиралась регистрационная справка. А без нее невозможно было служить.

Любые требы (отпевание покойника, молебен, крестины и т.д.) разрешались только в храмах, но ни в коем случае не на дому. Вызывать священника на дом можно было лишь для причащения и соборования больного. Даже на совершение крестного хода в ограде храма надо было спрашивать позволения уполномоченного Совета. Была введена регистрация крестин, отпеваний и других треб, совершаемых в храме. Акты этих регистраций регулярно просматривались местными органами власти, а затем использовались для грубой травли тех, кто заказывал эти требы»[9].

За всем происходящим в церкви следили «специальные люди». Они видели в каждом

священнике антисоветчика, а в верующих — его пособников. В личном деле отца Анатолия есть справки и докладные записки в адрес уполномоченного о содержании его проповедей. При этом старались зацепиться за каждое слово. Вот в докладной записке уполномоченному «тов. Ветюкову» от 21 марта 1965 года некто К. Савельев, подробно излагая содержание проповеди отца Анатолия перед исповедью, к словам «поститься надо и ушами нашими, не слушать всякое что против веры, греховное, расшатывающее веру в Господа Бога», дает пояснение в скобках: «Это призыв к тому, чтобы верующие не посещали всякие доклады», а в заключении, «обобщая», еще раз с топорным усердием, переходящим в угрозу, напирает на то же самое:

«Следует отметить, что священник Малинин в своих проповедях пытается противопоставлять, хотя и в завуалированной форме, религиозную мораль моральным правилам нашего государства. Особенно это было заметно, когда он говорил, что верующие не должны слушать ушами своими все греховное. Если еще это будет сказано, я буду настаивать на вызове Малинина на собеседование к вам…»[10].

Были и священнослужители, охотно сообщавшие «кому надо» «о методах развития религиозного фанатизма у верующих настоятелем Новгородской церкви Малининым А.И.», писавшие на него доносы[11].

Однако к концу жизни, вспоминая все пережитое, отец Анатолий пришел к убеждению, что-то страшное время имело и свой положительный духовный смысл. В годы гонений каждый христианин проходил проверку крепости своей веры, буквально становился исповедником Христовым. В церкви практически не было случайных людей. Люди шли в храм не по традиции или по какой-то внешней необходимости, а по глубокой вере и жертвенной любви к Спасителю своему Господу Иисусу Христу. Верующие той поры отличались детской открытостью ко всему доброму и святому, чистотой понятий, нелицемерным общением, мужественным терпением, христианским состраданием и любовью к ближним. Лица христиан-исповедников всегда излучали теплоту взгляда и духовную радость от получаемой Божией благодати. Прихожане отличались сплоченностью, единодушием со священноначалием. У послевоенных верующих не было страха перед безбожной властью — ведь они пережили войну, видели смерть, а главное, множество живых свидетельств чудес Божиих, происходивших в годы войны с ними и их близкими. Все жили, с одной стороны, уверенностью в бессмысленности и безумии безбожной советской идеологии, а с другой, ожиданием скорых перемен в обществе.

Семидесятилетний период богоборчества и языческого «вавилонского плена» заканчивался. После празднования Тысячелетия Крещения Руси отношении власти к Церкви начало меняться. Стали меняться и люди, осознавая, что все мы, русские, наследники Святой Руси. Люди потянулись к духовному, к Церкви Христовой. Отца Анатолия стали приглашать с религиозными беседами в школы, в разные общественные организации. В церкви апостола Филиппа открылась первая воскресная школа, в которой проходили занятия по Закону Божию и для детей и для взрослых. Многие новгородцы обрели веру Христову и укрепились в ней благодаря духовно-просветительным беседам батюшки.

Тридцать лет прослужил отец Анатолий в церкви апостола Филиппа, и в 1992 году был переведен во вновь открывшийся собор Святой Софии, где и совершал свое пастырское служение до последнего дня своей жизни.

Отец Анатолий очень любил богослужение и храм, сочетавшие в себе все церковные искусства. Будучи настоятелем он лично следил за соблюдением церковного устава. Филипповская церковь была известна в епархии строгим исполнением устава и соблюдением новгородских традиций. Имея хороший слух и навыки церковного пения, сам лично руководил будничным хором, читал каноны, обучал пению и чтению новичков, приходящих в хор, раскрывал смысл

богослужебных текстов. В Филипповской церкви была традиция общенародного хора — когда пелись акафисты, и каждый прихожанин мог поучаствовать в богослужении.

Благодаря настойчивости отца Анатолия и по благословению нашего владыки архиепископа Льва и в Софийском соборе, и в других храмах Великого Новгорода сохранились певческие традиции древних новгородских богослужебных распевов, собранных еще митрополитом Арсением (Стадницким) в изданном им в 1914 году «Спутнике псаломщика» (сборнике всех необходимых для псаломщика песнопений, изменяемых и неизменяемых, вечерни и утрени, Литургии).

Батюшка воспитал в себе какое-то особенное, трепетное и строгое, отношение к богослужению и с сердечной болью переживал всякий раз, когда нарушали уставные традиции, когда проявлялось нерадение и невежество в службе, когда из богослужения делали религиозный «спектакль», пышный снаружи и пустой внутри. В богослужении батюшка, можно сказать, достигал какой-то телесно-духовной полноты, в его молитве происходило взаимопроникновение тварного и духовного миров, встреча с Богом. Освящаясь Божественной благодатью и радостью богообщения, он все, что имел, плоды пастырского и духовного опыта, щедро раздавал всем нуждающимся в его наставлениях, советах, молитвах.

Отец Анатолий никогда не принимал идеи православного триумфализма, ему претили «фестивали духовности». Быть православным это не значит демонстрировать себя миру и навязывать свои убеждения всем. Быть православным — значит трудиться над собой, нести духовный подвиг, потому что «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11,12). Правильное прославление Бога в его понимании заключалось в тяжелом духовном труде, постоянном побуждении себя к нему, во внутреннем духовном преображении, чтобы быть способным принимать Бога в своем сердце. Евангелие всех призывает познать и встретить Бога в своей жизни и указывает путь к этому — необходимо очистить свое сердце: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф.5:8). А чтобы очистить сердце, необходимо научиться жить по заповедям Христовым. Через тщательное исполнение заповедей человек учится смирению. Христианское смирение это вовсе не раболепство, не забитость, не никчемность — нет, это мужество, это борьба с тем эгоистическим началом, что господствует в душе каждого человека от рождения, это борьба со злом. Только при истинно христианском смирении человек обретает подлинную православную духовность, которая дает ему возможность правильно относиться к жизни, научиться любить Бога и ближних, вернуть счастье богообщения, утерянное первыми людьми в Едемском саду. Только в таком состоянии человек может полноценно жить — *жить* именно, а не существовать, — потому что он видит смысл своей жизни, он живет с радостью и любовью.

В современном обществе очень мало радости, а если она и есть, то какая-то фальшивая, неестественная, лицемерная. Человек, живущий без Бога, находится в постоянном поиске радости. Он жадно ищет ее всю жизнь — и нет, не находит, перебирает одно за другим всяческие развлечения, которым ныне несть числа, но вместо радости его постигает в конце концов разочарование, тоска, одиночество…

Видя оскудение духовной жизни, отец Анатолий душевно скорбел — и вместе с тем искренне радовался за тех людей, которые проявляли интерес к духовному деланию и стремились к духовному совершенству. Приводя слова Пимена Великого «человек — тот, кто познал себя», он учил своих духовных чад, что в первую очередь каждому нужно увидеть самого себя. Сравнить себя, свою жизнь с евангельским нормами. Понять, что имеешь глубоко сидящие в душе грехи и страсти — и что без помощи Божией не можешь исправиться. И чем сильнее человек устремляется к Богу — тем явственнее он видит болезненность и страстность своей души. Покаяние — это вовсе не добросовестный отчет на исповеди о своих грехах, нет,

истинное покаяние — это когда совершенный грех ранит и мучает душу, когда человек становится способен чувствовать боль от греха. Если же человек не хочет видеть в себе грехи и страсти, его душа как бы засыпает, он свыкается с греховной жизнью. Такой человек духовно мертв. Его бесчувственность ко греху можно сравнить с состоянием человека, который потерял тактильную чувствительность: на морозе он может получить обморожение, при прикосновении к раскаленной поверхности — ожог. В такое состояние человек может впасть не только при порабощении грехами, но и при мнимо добродетельной жизни и переоценке своего духовного преуспеяния, что нередко бывает в церковной среде. Духовно бесчувственный человек может иметь прекрасное образование — как светское, так даже и богословское, может быть внешне вполне воспитанным и культурным, но при этом *не иметь понятия о правильной духовности*, то есть о самом главном — законах духовной жизни. Апостол Павел бездуховных именует *душевными* людьми: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем [надобно] судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор.2:14–15).

Отец Анатолий был убежден, что говорить о духовном через душевное так же абсурдно, как говорить о психике человека на основе химических реакций, происходящих в организме человека. Душевный разум может рассуждать и воображать: находить сходства и связи, идти от частного к общему, находить определенные причинно-следственные связи явлений и т.д., но истины как цельной картины бытия он постигнуть не в состоянии. Душевный проявляет себя в религиозной области как рационалист, он мыслит и рассуждает о духовном по-душевному, о Божественном — по-человечески. Батюшка Анатолий с надеждой смотрел в будущее христианской Церкви, уповая на то, что все же душевное, плотское высокоумие не может быть поставлено выше области духовного.

Характерной особенностью пастырской деятельности протоиерея Анатолия было трепетное отношение к таинствам Покаяния и Причастия Святых Христовых Таин как к главному источнику полноценной жизни человека. Убежденность в необходимости частого Причащения для духовной жизни отец Анатолий воспринял от своего духовного наставника протоиерея Александра Ильина. В богоборческие времена были у Ильина противники в этом отношении даже среди церковнослужителей, не говоря уж о советских надзирателях из чиновников, недовольных тем, что духовные чада часто исповедуются и тайно общаются с батюшкой. Отец Александр был продолжателем традиции святого праведного Иоанна Кронштадтского. Он настолько глубоко изучил этот вопрос, что написал диссертацию «Причащение Святых Таин в жизни православного человека», защитив которую в 1959 году в Ленинградской духовной академии, получил степень кандидата богословия. На многие годы эта работа стала бесценным пособием для нескольких поколений пастырей. В ней необходимость частого Причащения Святых Таин обоснована Священным Писанием, канонами Церкви, суждениями святых отцов и опытом святых подвижников. «Чем чаще кто причащается, — был убежден отец Александр Ильин, — тем ближе бывает ко Господу, тем лучше ему бывает, и сам он лучше становится. Только в неразрывном единении этих двух сторон: постоянного общения с Господом в Святом Причащении и непрерывном личном подвиге внимания к себе, исправления, хранения себя, — может нормально идти и развиваться жизнь во Христе…»[12]. Это убеждение всецело разделял и отец Анатолий. Сам он до последнего дня своей жизни совершал Божественную Литургию и только в таинстве Евхаристии почерпал духовные силы. Многие наблюдали, какой духовной радостью, любовью был наполнен батюшка после приобщения Пречистых и Животворящих Таин. Божественный Свет и Благодать изливались от всего умиротворенного, бесстрастного и смиренного облика старца-священника. Духовные чада отца Анатолия и поныне исполняют его пастырские наставления: стремятся чаще посещать богослужения и приобщаться Святых Христовых Таин.

Понимая всю серьезность и ответственность призвания православного священника, отец Анатолий очень строго относился к своей духовной жизни. Сам он не считал себя достойным быть духовным руководителем других, но люди тянулись к нему как к источнику света и путеводителю ко спасению. В своем дневнике батюшка размышляет: «Как можно судить людей, разбирать чужие дела, когда свою душу никак не разобрать? Своя душа — потемки, а чужая — дремучий лес. Как сложно и в то же время просто в жизни! Как тяжело иногда бывает разобраться в лабиринте этой жизни. Вся беда в том, что мы людей или идеализируем или презираем, не можем относиться с любовью к человеку, чтобы исполнить заповедь Божию о любви к человеку...».

Почитая авторитет и учение святых отцов, батюшка и своим чадам внушал, что чтение и изучение святоотеческих творений важнее совета духовника. В этом отношении он следовал за глубоко уважаемым им святителем Игнатием (Брянчаниновым), который так наставлял одного из своих духовных детей: «Прибегайте больше к чтению святых отцов: пусть они руководствуют Вас, напоминают Вам о добродетели, наставляют на путь Божий. Этот образ жительства принадлежит нашим временам: он заповедан, предан нам святыми отцами позднейших веков. Жалуясь на крайний недостаток в богопросвещенных наставниках и советниках, они повелевают ревнителю благочестия руководствоваться в своей жизни отеческими писаниями»[13].

Отец Анатолий с неодобрением относился к тем людям, которые без конца ездят по всей стране, по разным монастырям и храмам, в поисках каких-то необыкновенных старцев — и жаждут от них себе откровений и пророчеств. «Ищут чудес, а не Бога», — говорил о таких батюшка. Бывает, верующие ищут себе духовника с тем, чтобы переложить на него ответственность за свою жизнь, уйти от решения жизненно важных проблем, — или создать себе объект поклонения.

Духовное руководство батюшки ничего общего со всем этим не имело. Оно было направлено не на внешнее, а на внутреннее. И происходило не в виде возложения на духовное чадо определенных внешних обязательств — таких, как послушание, пост, вычитывание молитв, точное выполнение его указаний, — а как предложение ему мудрого совета. Его духовный совет прихожанам всегда отличался простотой, глубоким смыслом, он был чужд всяких собственных религиозных умствований, но преподавал с душевной теплотой и христианской любовью евангельские истины и опыт подвижников благочестия. Если он не мог сразу дать ответ на вопрос, он так и говорил, никогда не забывая вернуться к нему какое-то время спустя, чтобы дать исчерпывающий ответ. Многие духовные чада отца Анатолия замечали, что уже в самом начале беседы он знал, с чем человек к нему пришел и о чем хочет спросить. Еще не договорив, вопрошающий — так получалось — *сан* отвечал на свой вопрос. Батюшка своим словом передавал одному ли собеседнику, многим ли слушателям свою духовную силу, приобретенную в личных духовных подвигах.

Исповедь у него тоже была особенная. Отец Анатолий был способен *видеть* внутренний мир человека. Отношение его к духовному чаду больше напоминало отношение врача к больному. Поверхностное восприятие человека для него было немыслимо. Он не обличал кающегося и не ужасался тому, в чем тот раскаивался, чтобы не оттолкнуть человека от Церкви и не ввести в страх. Он не налагал наказания за грехи в виде непосильной епитимьи, а сострадал человеку и предлагал ему помощь в виде совета — как избавиться от грехов и страстей. Указывая, к чему нужно стремиться, давал надежду, успокаивал страждущую от грехов душу. С большой гибкостью подходил он к каждому человеку, видя в нем не грехи, а потускневший образ Божий, который должен — с его помощью — просветиться. В беседе с духовными чадами умел всегда терпеливо выслушать, не прерывая, давал возможность изложить свои мысли, взгляды,

нужды. Наставлял их иметь рассудительность и меру во всем, не раз приводя слова преподобного Антония Великого: «Есть люди, которые изнурили тело свое подвижничеством и однако ж удалились от Бога, потому что не имели рассудительности». Имел батюшка опыт постепенности в духовном воспитании и развитии человека, мог показать красоту человечности на примерах как из евангельского учения, так и из жизни Церкви.

Всех особенностей духовного наставника, какими обладал отец Анатолий, невозможно перечислить. Это был истинный пастырь и служитель Церкви Христовой, воин Христов, который боролся за спасение каждой человеческой души, пришедшей в церковную ограду.

Отец Анатолий всегда имел живой интерес ко всему происходящему в Православной Церкви и в современном мире. Скорбел об умножении безнравственности в обществе и об оскудении любви, но в то же время имел и добрую надежду на восстановление в нашей стране поруганных христианских духовных ценностей.

Таким был новгородский заслуженный протоиерей Анатолий Малинин. Можно сказать, что вся его жизнь была Богу-служением. Он являлся духовным наставником многих священников нашей епархии и сотен благочестивых мирян не только Новгорода, но и других городов. Отец Анатолий был одинаково открыт всем, свое пастырское духовное богатство дарил с радостью и любовью, зажигал искру живой христианской веры в душе каждого, кто искренне искал Бога. Батюшка, по словам апостола Павла, благовествовал «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера… утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божьей» (1Кор.2:4–5).

Имея богатый духовный и богословский опыт, протоиерей Анатолий Малинин всегда был верным послушником и помощником нашего правящего архиерея Высокопреосвященнейшего архиепископа Новгородского и Старорусского Льва.

Отец Анатолий прожил долгую и богатую разными событиями жизнь. Он запомнится в истории новгородской церкви. 53 года прослужил батюшка Богу и людям в Благовестии Христовом. Причем полвека в Новгороде: 8 лет — в Никольском соборе, 30 лет — в церкви апостола Филиппа, 12 лет — в Софийском соборе. Последние годы своей жизни был духовником Спасо-Преображенского Варлаамо-Хутынского монастыря. За ревностное служение отец Анатолий был награжден двумя церковными орденами — Преподобного Сергия Радонежского и Благоверного князя Даниила Московского III степени. В 2001 году Президент России В.В. Путин вручил новгородскому протоиерею Анатолию Малинину государственную награду — орден Дружбы. В 2004 году, за месяц до своей кончины, он удостоился высокой Патриаршей награды — «права ношения второго креста с украшениями». Смиренно принимая эти бесспорно заслуженные награды, он не то что не гордился ими, но даже как-то смущался. Потому что совсем не за награды жил и служил людям, Церкви и Богу. Высшей наградой для него всю жизнь было спасение души раскаявшегося грешника. Господь знает, сколь многих он привел ко спасению. И увенчал, думается, верного Своего служителя венцами вечными.

В этом кратком повествовании о жизни приснопамятного протоиерея Анатолия Малинина мне хотелось передать основные события из жизни досточтимого батюшки и особенные духовные качества моего отца и духовного наставника. В свой последний день Ангела, 3 декабря 2003 года, отец Анатолий вот так, смиренно и кратко, сам охарактеризовал свою жизнь:

«Прежде всего я хочу возблагодарить Господа Бога. Он меня сохранял с самого детства и привел в ограду Церкви. В лютые годы Великой Отечественной войны, когда война все разрушала, Господь меня призвал в Церковь. И с того времени я нахожусь в Церкви Божьей. Как могу — так служу. Много раз я пережил смертельную опасность, был рядом со смертью, но

Господь сохранил меня для того, чтобы мне принести достойные плоды покаяния. С того времени, как я служу в храме, прошло более шестидесяти лет, и только и надо сказать: слава Богу за все! За то, что Господь сохранил меня и сподобил еще служить и быть в общении с Ним. И пусть милость Божья и благословение Господне да пребудет со всеми вами. И да сохранит и вас Господь в благости и добром здравии!»

Священник Тимофей Малинин

Из воспоминании об отце

Блажен путь, воньже идеши днесь душе, яко уготовася тебе .место упокоения.

(Прокимен: глас шестый)

К сожалению, о духовно-пастырской жизни отца Анатолия я почти ничего не могу сказать, потому что очень рано покинул родительский дом, и виделись мы с отцом от случая к случаю. Однако о том, что за человек был отец Анатолий, каким он был христианином, как его воспитание повлияло на меня и прочих братьев и сестер, я могу рассказать.

Отец Анатолий, выросший и воспитавшийся в деревне, был родителем строгим, но справедливым. Его строгость была совершенно лишена жестокости, чего не скажешь о воспитании детей в некоторых современных, даже интеллигентных и, более того, «очень православных» семьях. Ведь главную роль в нормальном воспитании и развитии детей играет любовь. Не та расслабленная, всепотакающая родительская любовь, какую чаще всего можно наблюдать в повседневной жизни, — такое отношение родителей к детям надо называть не любовью, а чадоугодием, которое является разновидностью греха человекоугодия. Нет, я имею в виду подлинную христианскую любовь.

В нашей многодетной семье чадоугодия не было: ни со стороны мамы, ни со стороны папы. Как не было у нас никогда ни в чем и никакого насилия. Детей не принуждали ни молиться, ни поститься, но обязанности все-таки у каждого были. «Не принуждали» — вовсе не значит, что к постам, молитве, участию в богослужениях в нашей семье относились безразлично. В насилии просто не было нужды, поскольку перед детьми всегда стоял живой пример — жизнь отца. Разумеется, именно им задавался тон воспитания. Как-то на ходу что-то схватить и поесть, не прочитав «Отче наш», а после еды не поблагодарить Бога и родителей, — такое в нашей семье было просто не принято.

В далекие уже хрущевские шестидесятые годы Советский Союз решил догнать и перегнать Америку по производству продовольственных товаров, особенно по мясу… Тогда со двора у нас свели корову, а на мясокомбинате приняли ее за бесценок. Чтобы купить мотороллер, папе пришлось занимать еще столько же. Таким образом, коровы мы лишились, а свой транспорт папе, действительно, был крайне необходим.

Почти каждый день рано утром, еще до того как пойдут автобусы, он уходил на службу сначала в Никольский собор, а после его закрытия — в церковь апостола Филиппа, что отстоит от нашего дома более чем на пять километров. Перед уходом в холодное время года ему надо было еще затопить печь водяного отопления, которая протапливалась углем. Чтобы его малолетние дети отправлялись в школу из теплого дома. Да и вечером добираться до церкви было не проще — автобусы ходили очень плохо. И это притом, что ноги у папы были испорчены с детства и постоянно болели.

…Да, Америку тогда мы и догнали и даже перегнали по «производству» мясных продуктов, но

после этого «рывка» в городе не осталось даже лошадей, на которых в мелкие магазинчики подвозились товары. Обогнали… на один год, а потом хлеба, особенно белого, было в магазине не купить, и муку выдавали по карточкам по 2,5 кг в месяц «на голову».

Тогда и у нас в семье стол от обилия пищи не ломился, а в доме были постоянно маленькие дети, и все время болела мама. Тогда как-то о посте для детей особо вопрос и не стоял — лишь бы выжить. Сейчас, когда вспоминаешь о том, что в шестидесятых годах в городе муку давали по карточкам, а хлеб выпекали в русских печах дома (кому, конечно, удавалось ржаной муки добыть и у кого печь была), многие не верят.

Может показаться странным, что в семье, где детей не принуждали ни ходить в церковь, ни молиться, ни поститься, где мама все время болела и поэтому физически не имела возможности заниматься не то что детьми, но даже и стряпней, а папа вечно на службе в церкви, — в такой семье вдруг все дети становятся, так сказать, набожными. Как же так получилось? В первую очередь, думаю, по молитвам папы. И денно и нощно он был занят молитвой (и «нощно» здесь употреблено отнюдь не для красного словца).

Сказать, что папа с нами не занимался и не давал нам должного духовного воспитания, было бы абсолютной неправдой. Каждое слово, каждое движение, даже каждый взгляд его — все было направлено на формирование в детях определенных черт будущих личностей.

Да, у нас не было в достатке обычных детских игрушек, но мы имели то, чего не имели наши сверстники даже в обеспеченных семьях. Во-первых, глубоко верующих родителей — это в духовном плане, а в материальном — ну, например, свои грампластинки с разными сказками, которые покупал нам папа. Покупал он нам и художественную литературу. У нас были книги и Жюля Верна и многие другие — из тех, что тогда читать можно было только в читальных залах детских библиотек; «на руки» детям такие книги не выдавались. Мы имели «Детскую энциклопедию», которую я до сих пор люблю как источник разносторонних знаний именно для детей. А еще мы могли беспрепятственно пользоваться его неплохой библиотекой, где кроме прочего было много и художественной литературы — классики, разумеется…

Для полноты представлений об окружавшей нас жизни постоянно выписывалась газета «Пионерская правда», и мы, воспитываясь как в светско-советской образовательной традиции, так и в традиции национально русской — православной, имели возможность различать: где правда искусственная, то есть ложь, а где настоящая — правда Божия.

Сейчас уж всего и не припомнить, что отец делал для нас, но в памяти запечатлелись теплые воспоминания о всяких подарках, пусть это были и не игрушки, а просто гостинцы, подложенные под подушку в ночь под Рождество… А однажды, когда мы все свалились, заболев корью, он принес нам в утешение настоящий глобус.

Когда мама попадала в больницу, надо было поддерживать в доме порядок, в частности мыть посуду. И вот, представьте, вечером, после ужина, как организовать трех малышей сделать это дело, когда нет водопровода, канализации, горячей воды, никому не хочется, и все уже прошли свою череду? Отец организовывал конвейер: один моет, другой споласкивает, третий вытирает насухо, а он в это время читает нам что-то из художественной литературы.

Да что там говорить, он мне, пятнадцатилетнему подростку, вложил в руки роман «Братья Карамазовы» — чтобы я поменьше спорил, чем меня на долгое время очень сильно озадачил и заставил о многом задуматься. Это было характерно для отца Анатолия: он никогда не навязывал того, что надо было донести до сознания ребенка, но осторожно подталкивал к тому, что помогло бы ребенку самому во всем разобраться.

Из нас никто не был пионером (что нам было совершенно безразлично), зато мы были свободны в выборе занятий и могли посещать любой кружок в Доме пионеров. Нам этого было достаточно. Старший брат Иван, например, занимался в радиотехническом кружке, где была любительская радиостанция, на которой работали школьники и вполне официально устанавливали связь даже с Владивостоком (это в то-то время!). Мы с братом Семеном учились в музыкальной школе, а Константин окончил художественную школу. Кроме того, я занимался в Клубе юных моряков на штурманском отделении; тогда КЮМ только еще основывался, и занятия проходили все в том же Доме пионеров. В том, что дети священника ходят в Дом пионеров заниматься в разных кружках, никто, а главное сам отец Анатолий, ничего зазорного не находил.

Мы хоть и учились в одной школе, но постоянно ходили в разные смены, а потому нам всем вместе собираться удавалось довольно редко. Но когда все-таки удавалось — садились, скажем, все вместе обедать или ужинать, то обязательно кто-либо из старших читал вслух Евангелие. И так постепенно, вероятно, весь евангельский текст прочитывался, а может быть, и не раз. Сейчас уж не помню. По крайней мере, уже в начальных классах я неплохо был знаком со смыслом новозаветного повествования. Сказывалось, конечно, и наше все-таки довольно частое, при всей школьной загруженности, посещение богослужений. Кроме того, помню, папа читал нам жития святых из Пролога, переводя текст с церковнославянского на русский, и мы знакомились, таким образом, с православным духовным наследием.

У отца Анатолия, насколько я понимаю, применительно к каждому ребенку была своя методика воспитания, свой индивидуальный подход. Со мной это выглядело так. Очень хорошо помню, как отец говорил мне: если не можешь найти себе духовного руководителя, руководствуйся Евангелием, особенно обращая внимание на Нагорную проповедь и на наставление ученикам, когда Иисус Христос посылает их в мир, как «овец среди волков». В Библии, говорил он, можно найти ответы на все вопросы жизни.

К изучению Евангелия я, действительно, отнесся довольно серьезно. Именно знание Евангелия и умение руководствоваться Его учением помогли мне выжить, в буквальном смысле этого слова, во время службы в армии, где духовная обстановка (по крайней мере, тогда, когда я служил — в 1974–1976 годах) была такой, что нормальным русским языком описать ее практически невозможно. Даже и вспоминать об этом не хочется. Многие ломались там и даже гибли…

Папа старался привить мне любовь к святоотеческой литературе. И он же вложил мне в руки папку с самиздатовским машинописным текстом труда архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), теперь уже канонизированного, «Дух, душа и тело». И если я дерзаю представить, хотя бы приблизительно, духовный образ отца Анатолия как человека-христианина, то во многом опираясь на этот труд.

Когда-то отец мне говорил (возможно, не теми словами, которыми я выражусь, но суть я хорошо запомнил), что тело человека живет телесным, дух — духовным, а душа — посредник между тем и другим. Если в человеке телесное более активно, то душа потянется к телесному и может оказаться порабощенной им. «Где богатство ваше, там и сердце ваше», сказал Господь. Такая душа в духовном плане омертвеет. Если же в человеке преобладает духовное начало, то душа его потянется к духовному и способна будет побороть телесное. И только в этом случае возможно гармоничное сосуществование и духа, и души, и тела; только тогда человек может быть счастлив. Пока душа не определилась, она не будет знать покоя: она будет метаться между двумя этими полюсами, порываясь то в одну сторону, то в другую. Такой человек несчастен вследствие противоречивости и неустойчивости собственной жизненной позиции. Душа такого человека будет разрываться, ища успокоения и не находя его. Она —

больна. У такого человека или ослаблен духовный иммунитет, или отсутствует вовсе. Лечебница одна — Церковь, а лекарства — Таинства Церкви, вот наивернейшая панацея от всех духовных бед и болезней. Человек, не соприкасающийся со святыней и не причащающийся Святых Божественных Таин, живет в постоянной опасности, впитывая в себя ядовитое «составляющее» окружающей его действительности, перед которым он оказывается совершенно беззащитен.

Протоиерей отец Анатолий жил только той составляющей человеческого естества, что называется духом. Он хорошо знал, что надо для его подпитки и где искать достойную снедь, а душу свою и особенно тело он держал на постоянной строгой диете. И все они вкупе были всегда направлены в сторону Всемилостивого Бога и не уклонялись никогда от Него, как лепестки прекрасного «крина сельнаго» всегда смотрят в сторону сияющего солнца.

И для того, чтобы подчеркнуть все эти три человеческие фактора, олицетворяющие и характеризующие любую личность, мне хочется привести один эпизод из жизни отца Анатолия, глубоко запечатлевшийся в моей памяти.

Дело было в начале шестидесятых годов, в пору хрущевской «оттепели», когда после некоторого «затишья» с новой силой возобновилось давление государственной власти на Церковь. Тогда вновь стала активно раскручиваться агрессивная кампания по дискредитации Православия, ну и, разумеется, не обошлось без возбуждения в народе всеобщего «презрения» к священнослужителям, да и ко всякому верующему.

Стояла холодная дождливая осень.

Мы с отцом шли на вечернюю службу. И вот когда проходили по деревянным мосткам, служившим своего рода тротуарами в весьма грязном тогда Завокзальным районе Новгорода, вдруг от пьяной компании отделился мужчина средних лет, подбежал к отцу и, ухватив его за бороду, стал поносить самыми непристойными словами. Причем его брань была адресована не только отцу Анатолию лично, — она была обращена ко всем «попам-церковникам» вообще и к самой Церкви.

Я тогда был еще совсем маленьким, и со страхом и недоумением наблюдал происходящее.

Отцу в ту пору было около сорока лет. Он был достаточно силен и смел, так что мог бы одним движением руки отправить этого «героя» в канаву, вдоль которой мы проходили. Но нет, отец Анатолий стоял, как солдат в строю на смотре — руки по швам, и терпел, выслушивая брань пьяного хулигана, который вдобавок еще и трепал его за бороду. О чем мог думать священник в такую минуту? Скорее всего, его ум был обращен к Богу с молитвой за его несчастного оскорбителя.

Очень скоро тот сам, без посторонней помощи, оказался в глубокой илистой канаве. Здесь я со всей ответственностью могу засвидетельствовать, что отец Анатолий не приложил к этому ни малейшего усилия. Просто хулителя нетрезвые ноги подвели. Ничего особенного с ним не случилось: окунувшись с головой в холодную грязную воду, он благополучно выбрался из канавы у нас на глазах. Правда, после этого ему уже было не до ненавистного священника.

Этот случай запечатлелся в моей памяти именно потому, что отец Анатолий поступил так, как и должен был поступить настоящий христианин. Он стерпел физическое унижение — раз, перенес душевную травму, нанесенную словесными оскорблениями, — два, и, наконец, соблюл Христову заповедь: «не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф.5:39), а это уже является проявлением истинно христианского духа — это

три. Мало кто сейчас из считающих себя православными христианами на такой подвиг способен.

Для меня этот случай на всю жизнь стал впечатляющим примером проявления настоящего христианского духа.

Духом христианской любви было наполнено сердце протоиерея Анатолия Малинина, и именно этой любовью ко всему и всем его окружающим он и жил. Проявления таких его душевных качеств, как чуткость, внимательность и готовность помочь каждому в любую минуту, в которых и выражается настоящая христианская любовь, я видел своими глазами. Достаточно вспомнить его отношение к новгородским блаженным — людям Божиим: Васе-барину, Игнаше, Ванечке, Федору Псковскому… Папа всегда принимал их с любовью. И чаем угостит, и трапезу с ними разделит и беседу, при всей своей загруженности, и на ночлег устроит, предоставив гостям отдельную комнату. Об этом можно было бы много написать, но здесь мне хочется ограничиться тем, как его жизнь повлияла на нас, его детей.

Ну, а если говорить о бытовых «пристрастиях» отца Анатолия, он был неприхотлив во всем, что касается физиологического существования человека, более того, — ко всему этому он был практически равнодушен. Этим, мне кажется, сказано все о его отношении к материальному миру, и добавить тут нечего.

О недугах, которые одолевали отца Анатолия в конце его тяжелого жизненного поприща, и говорить не приходится: он был болен — до чрезвычайности, однако это не лишало его мужества до последнего дня нести свой нелегкий священнический крест и исполнять обычные гражданские и человеческие обязанности.

Приведенный здесь дикий по своей несообразности и нелепости случай, конечно же, был не единичен в жизни отца Анатолия, и сколько еще подобного ему пришлось претерпеть. А какие скорби остались в его душе нераскрытыми для людей и навсегда ушли с ним, — одному только Богу известно. Однако для всех, кто знал протоиерея Анатолия Малинина, несомненно, что он принадлежал к той когорте верных и честных тружеников на ниве Христовой, деятельностью которых, с Божией помощью, укреплялась вера православная, сохранялась в самые тяжкие времена и восстанавливалась Церковь Христова, к когорте воинов Христовых, которые всегда были, есть и будут до скончания века.

Вечная память и вечный покой приснопамятному священнику отцу Анатолию «в селениих праведных… и в недрех Авраама». «Блажен, яже избрал, и приял еси Господи, и память его в род и род… Душа его во благих водворится…».

Диакон Николай Малинин

Каким он был папой

Не мне судить, каким отец Анатолий был священником, — зато я знаю, каким он был папой.

Помню его, кажется, от самого моего рождения, он был всегда.

В молодости папа был очень веселый и часто хохотал, а мама его укоряла, что батюшкам так себя вести неприлично. Он смущался и начинал оправдываться, а мама, глядишь, не выдержит — прыснет и сама рассмеется.

У нас дома всегда было много народу, я даже не знала, кто чужой, кто родной: приходили,

уходили, пили чай, обедали, разговаривали, что-то делали. Мама не любила, когда папа кого-нибудь приводил с собой из церкви, а он приводил всегда; мама потихоньку ворчала на папу, а папа всегда оправдывался: то приехал откуда-то, то переночевать негде, то покормить надо… Или отца своего вспоминал: «Приведет кого-нибудь на ночлег к себе домой, всех уложит, а самому негде лечь, так и ходит всю ночь».

Как папа любил гостей! Редкий день, чтобы у нас никого не было. И так — до самой его смерти.

А жили мы бедненько: папа один работал, все дети были еще маленькие. Но обед, завтрак и ужин были у нас каждый день, иногда только картошка «в мундирах» с солью или каша какая-нибудь, овсяный кисель, самый простой пустой суп, но суп был каждый день. Мама вспоминает те времена: «Все утро молишься, чтобы Бог надоумил, чтобы сготовить, а потом еще намолишься, пока готовишь, — чтобы вкусный обед получился из ничего». Надо сказать, мама всегда сервировала стол полностью — ставилась вся посуда, раскладывались ложки, вилки, ножи, розетки и все прочее, что полагалось. И все это потом надо было мыть. А ведь нас было десять человек, да еще обязательно и какие-нибудь гости, неудивительно, что мама успевала только готовить и мыть посуду, все остальное в доме делал папа. Он и сам любил готовить, готовил всегда вкусно. А еще мама часто болела, так что ему нередко приходилось вообще все делать самому. Ну тогда, конечно, он и нас, детей, организовывал помогать.

Я всегда мешала маме, поэтому постоянно была с папой, соседи меня называли «папин хвостик» (видимо, поэтому отсутствие мамы я как-то особенно не замечала, зато отсутствие папы переносила очень болезненно: когда он куда-либо уезжал, мне казалось, что я его больше никогда не увижу). А он, надо сказать, был строг со мной, и я его боялась ужасно, но любовь его ко мне чувствовала физически — и до сих пор удивляюсь, как он мог мне во всем отказывать. Я очень любила мороженое, и вот вспоминаю, как мы раз с папой шли из церкви домой пешком, и я просила его купить мне мороженое, уж так просила!.. И что же он? — пришел домой, спросил у мамы, можно ли мне мороженое, и только после этого послал кого-то из старших и купил всем.

По вечерам он брал меня с собой в церковь. Я, понятно, не могла стоять на одном месте и постоянно бегала по церкви, бабки жаловались ему, но он только слегка журил меня за это (к слову, когда моя дочь бегала по церкви и я стала ее ругать, он сказал мне: «Не ругай — она с Ангелами играет»). После службы обычно папа исповедовал. Исповедь всегда начиналась со слов «Согрешил пред тобою я, Господи, маловерием…» (я этого не понимала, мне казалось, или есть вера или ее нет, и только став взрослой я поняла, что все грехи наши — от маловерия). В то время приход церкви св. апостола Филиппа был как одна большая семья, все друг друга знали. Я всегда ждала папу и наблюдала, как он исповедует — кого-то поругает, кого-то пожалеет, кому-то ничего не скажет, если кто даст ему записку — прочитает и порвет, а иногда и не прочитает и порвет, бабушка-исповедница завозмущается: «Как же не прочитал!», а он засмеется и скажет: «Бог тебя простил». Основной вопрос на исповеди был: «Всех простил? ни на кого не сердишься?». Когда на исповеди перечислял грехи, мне всегда казалось, что он меня увидел и перечисляет именно мои грехи — специально, чтобы я лучше покаялась; дома рассказала как-то маме, а она говорит, что и ей тоже так казалось. А потом и от прихожан услышали то же самое…

Вставал папа всегда в четыре-пять утра, читал каждый день Библию, святых отцов, жития святых, готовился к проповеди. Бывало, когда я вставала рано и заходила к нему в комнату, он читал вслух Евангелие. Он считал, что Евангелие нужно читать каждый день, и всех к этому призывал. А если в этот день он не служил, то к восьми утра уже обед был готов.

На службу папа одно время ездил на мотороллере, бывало, ездил и на велосипеде, иногда и

пешком ходил, но за все годы служения в Церкви никогда не опаздывал, служба у него всегда начиналась точно вовремя. На Литургию приходил за два часа. Когда он брал меня с собой, а я спрашивала, почему так рано, он отвечал: «Так ведь сколько записок-то, сколько молитв-то надо прочитать, только-только успеваю». А после службы то крестины, то венчание, то отпевание, а то и все по очереди. Иногда он просил какую-нибудь прихожанку забрать меня к себе до вечерней службы, а иногда вечером, перед праздником, когда много записок и много исповедников, отправлял меня к кому-нибудь ночевать.

Весь порядок богослужений папа знал, по-моему, наизусть. Бывало, придем на службу, а никого нет, он один начинал служить — и петь, и читать, и кадить, потом кто-нибудь прибежит помогать. Он только спросит: «Ну что ж ты опаздываешь?».

Домой любил ходить пешком. Его всегда окружали вопрошающие. Он шел медленно и отвечал на вопросы, а мне очень не нравилось, что до папы было не добраться. Кто-нибудь брал меня за руку, и я шла и слушала, как он разговаривает.

Случалось, папа брал меня с собой на именины, на поминки. Однажды пришли на поминки, а на столе стоит водка. Папа так рассердился, сказал, что сейчас же уйдет, если не уберут. Очень он не любил, когда на поминках пьют, всегда возмущался: «Вместо молитв за покойного пьянку организовывают».

После службы приходил домой, обедал, немного отдыхал и занимался домашними делами. Он умел делать все — ремонтировать электроприборы, класть печки, стирать, шить, фотографировать, крыть крыши, чистить трубы, стеклить окна, перебирать пол… — я не знаю, чего бы он не умел.

У папы почему-то были очень мягкие руки. Один мой коллега после того как подошел к нему под благословение, спросил меня: «Почему у твоего отца такие мягкие руки? Наверно, он ничего не делает». У меня даже дар речи пропал от такого вопроса. Это он-то ничего не делает! Да я никогда не видела его без дела.

Когда я пошла в школу, он контролировал мои домашние задания. Я не понимала, зачем их вообще задают, а он не объяснял — просто сажал меня их выполнять, а сам пел потихоньку церковные песнопения. В более старших классах помогал мне решать задачи, объяснял их, учил со мной наизусть заданные стихотворения. Давал мне какую-нибудь кишу: «Хорошо бы тебе прочитать», — обычно это была классика.

Еще когда мы были маленькими, перед сном папа ставил нас на молитву, сам читал или кто-то из старших братьев. Потом укладывал спать и уходил к себе, наверно молиться, готовиться к службе, а мы начинали баловаться — кидались подушками, иногда дрались. Мама на это ничего не говорила, звала папу. Он приходил, пел нам молитвы, мы успокаивалась и засыпали. После ужина он всегда нам что-нибудь читал: или из Библии (не все подряд, а лишь наиболее интересные для детского восприятия истории из нее), или из книг, житий святых на каждый день, или исторические рассказы, сказки, классику, учил нас петь, читать по-церковнославянски. У него было много пластинок классической музыки, он ставил их нам и рассказывал, «про что» они. — «Лебединое озеро», «Иван Сусанин», «Борис Годунов» и другие. Много было и детских пластинок со сказками.

Родители всегда обращались с нами, детьми, как со взрослыми — никаких сюсюканий не было. Нам запрещалось не то что обзываться, а даже называть друг друга огрубленными именами (Машка, Сашка). А если обзывались, дрались, то наказывали. Посадят на стул — и сиди, не смей сойти с него; или в ванной закроют: думай, что можно, а что нельзя. Бывало, и ремнем

попадало, за непослушание.

Папа запрещал покупать игрушечное оружие. Однажды кто-то подарил нам пистолет, — и все, кто «стрелял в людей», были строго наказаны, а пистолет отобран. И внукам тоже просил не покупать никакого «оружия». Кубики, машинки, конструкторы — вот были наши игрушки, ну и, конечно, книги.

Детям телевизор смотреть запрещалось всегда. Да и, став взрослыми, мы боялись включить при папе что-то, что могло бы показаться ему безнравственным. Если он заставал нас за просмотром какого-нибудь «модного» художественного фильма, он не ругался, нет, он эмоционально выражал свое отвращение: «Фу, какая гадость! Впустую тратите время. Чему этот фильм вас научит?». Так же папа относился и к компьютерным играм. Сижу как-то, играю на компьютере сына. Он подходит, спрашивает: «Ты чего делаешь?» — «Играю». Он стоит, какое-то время наблюдает (а игра абсолютно безобидная), потом говорит: «Ты в своем уме? Это же пустая трата времени!». Так стыдно стало! И у детей моих, присутствовавших при этом, мне кажется, тоже пропал после этого интерес к компьютерным играм. Как-то умел он так сказать, что все плохое отсекалось раз и навсегда.

Одна прихожанка рассказывала: «Подхожу к батюшке под благословение (а я курила страшно — и что только не делала, как только не лечилась, чтобы бросить курить, — ну никак), а он говорит, да еще с таким отвращением: «Фу, как накурилась...» — и все! я уже никогда не то что курить, даже думать об этом не могла». Или вот еще один бывший неисправимый матерщинник вспоминал: «Набрал как-то много грибов в лесу. Думаю, снесу батюшке, пусть помолится за меня. Так-то я счастливый, довольный всем, да молитва лишней не бывает. Прихожу, а сам что ни слово, то мат. Батюшка и говорит: «Что ж ты так материшься-то, как сапожник? Это нехорошо». И все, как отрезало. Я так ему благодарен за это!».

Многие обращались к нему за молитвенной помощью — и всегда получали ее.

Как-то приходят к нам прихожане: «Батюшка, помолись. Дождя давно не было, все сохнет на огородах». Папа посмотрел на небо. «Да, — говорит, ни одного облачка. Ну пойдем молиться». Завел всех в комнату — и пока служили молебен, полил проливной дождь. Все, радостно удивленные, вышли на крыльцо. А я это запомнила, потому что первый раз в жизни увидела тогда радугу: она была такая яркая и красивая! И все мы стояли на крыльце и любовались радугой.

В детстве я часто и сильно болела. Однажды услышала, как папа маме сказал: «Наверно она не выживет», — я поняла, что это обо мне и что они за меня переживают. Не сказать, правда, чтобы я уж очень страдала от болезней. Помню, как-то раз думала, что умираю, но ночью увидела около себя маму, которая заботливо поила и крестила меня, я уснула и, мне кажется, сразу поправилась. Когда мы, дети, заболевали, мама нас лечила в основном святой крещенской водой, артосом и заворачивала в большую белую косынку, которую ей подарила какая-то монахиня, — и мы поправлялись, а мама говорила, что монахиня, наверно, была святая.

Помню, тяжело заболела мама, — врачи поставили диагноз: миозит (воспаление скелетных мышц). Она не шевелилась, я ее кормила с ложечки. Папа пособоровал ее и она выздоровела.

До 35 лет я ни разу не соборовалась. Папа относился к этому так: если не болеешь, так и не надо. А тут вдруг заболела так сильно, что не могла ходить. А Папа мне позвонил: «Приходи собороваться». Я говорю: «Не дойду». Он настаивает: «Приходи. Буду соборовать недалеко от твоего дома» — и сказал, у кого. Не помню, как и собралась. А он ходил на все требы не позже

семи часов утра. Еле-еле дошла, папа был уже там и ждал меня, не начинал. Он поставил меня рядом и сказал: «Пой вместе со мной». А я так кашляла, дышала и то с трудом, но за послушание пела, как могла. После причастия стало легче, я быстро дошла до дому и легла спать. А дня через два поправилась.

Запомнились крестины моего младшего (на три года) брата Ромы. Его крестным стал сам митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим. Священник, который крестил, так волновался, что постоянно путался, а потом и вообще замолчал — не мог читать, окончательно оробев перед митрополитом. Тогда владыка сам стал читать молитвы чинопоследования наизусть, а после крестин пришел к нам в гости. Это, наверно, был самый большой в жизни стресс для мамы. Как она тогда переживала! как ей хотелось угодить владыке! А я тогда полюбила митрополита Никодима всей душой и на всю жизнь — такой он был добрый и умный. Папа всегда восторгался им, рассказывая каждый раз, как съездит к нему на прием, как много он работает и не жалеет себя, так сильно болеет, а никаких поблажек себе не дает, сколько языков знает, какой он во всем ответственный человек… И мне хотелось тоже быть такой же.

В последнее время, где-то с конца 1990-х годов, среди православных распространилась «мода» ездить по разным монастырям — то ли на экскурсии, го ли на молитву… Папа этого не одобрял и меня не пускал. Разрешил лишь однажды съездить в Москву, когда туда привезли голову целителя Пантелеймона, да и то только потому, что я врач.

Всех нас, детей и внуков, папа всегда (кроме поста, конечно) угощал молоком, у него всегда дома были молоко и свежий хлеб. А в посту не запрещал есть рыбу. Нам часто рыбаки приносили свежую рыбу. Он купит килограммов двадцать — и зовет меня во двор чистить. Вот мы чистим с ним судаков, щук, лещей, а папа рассказывает, как они жили в Черном. И как им тоже приносили рыбу, как ее солили, какая там корюшка и снетки! Как мама ничего не умела делать, а прихожанки учили ее всему, и тогда она научилась топить русскую печь, печь хлеб, кормить домашнюю птицу, гусей и уток. А мама-то тогда была, как сама она говорит, петербургская дама, воспитанная на романах, и как же ей там тяжело было! Нигде, вспоминает, она так не молилась, как тогда, в Черном. Папа уедет на требы почти на неделю по всем окрестным деревням, а она одна с детьми. Ночью страшно: ветер в трубе воет, залив шумит… Так под папины рассказы незаметно и перечистим всю рыбу. Потом он голыми руками нарвет крапивы и обложит ею рыбу, а она уже на кусочки порезана — только на сковороду клади.

На каждый церковный праздник он писал всем знакомым письма с поздравлениями — и ему тоже приходили горы писем и телеграмм. Умер он перед Пасхой. Так ведь всем успел отправить поздравления. Люди звонят ему, чтобы поблагодарить, а он уж похоронен. «Как же так? — удивляются. — Только что получили от него письмо…»

Таким вот был наш папа — отец Анатолий. Он был человек Любви.

София Малинина

Вся его жизнь была подвигом

Память об отце Анатолии всегда со мной. Он заменил мне отца, которого я никогда не видел.

Вспоминаю детство — и всегда встает перед глазами светлый образ церкви. Жили мы с матерью в Пролетарии, и первой моей церковью была Преображенская церковь в Броннице, с которой связано все мое детство. В большие праздники я приезжал в Новгород и имел счастье участвовать в архиерейских службах (стоял на посохе). Епархией управлял тогда владыка

Сергий (Голубцов). Залитый светом Никольский собор, прекрасный иконостас, замечательный хор, торжественность архиерейского богослужения… все это незабываемо. Я весь горел от духовного восторга. Священники, такие добрые, внимательные, видя мое рвение, другой раз и похвалят. Ну тогда вообще домой как на крыльях возвращаешься. И думаешь только о том, когда же следующий раз удастся съездить…

Там, в Никольском соборе, и привлек к себе мое внимание молодой красивый священник с длинными темными волосами, небольшой аккуратно постриженной бородкой и мягким голосом. Он так мне нравился, что хотелось быть похожим на него. Это был отец Анатолий Малинин.

Личное мое знакомство с ним состоялось в 1968 году, когда я начал петь в филипповском хоре. Ближе узнать его помогли обстоятельства: для поступления в семинарию нужна была рекомендация, и мне посоветовали обратиться к отцу Анатолию. Он отнесся к моей просьбе с сочувствием, при первой нашей беседе много говорил о священстве, о трудностях поступления. Времена тогда, после хрущевской «оттепели», были очень тяжелые для Церкви. Ленинградская духовная академия была на грани закрытия, а потом собирались закрыть и семинарию. Несколько раз приходил я к отцу Анатолию, беседовал с ним, и в конце концов он написал все-таки мне рекомендацию. Надо сказать, тогда это был большой риск для него как для священника. За эту рекомендацию его могли запретить в служении, а у него уже было семеро детей. Тогда я этого не понимал — понял позже. И всегда буду признателен отцу Анатолию, благодаря мужеству которого я смог посвятить свою жизнь служению Богу.

Вся его жизнь была подвигом. Помню хорошо, как отец Анатолий, придя со службы, готовил обед для семьи, возил воду на больших санках с бочкой на них, иногда я помогал ему. Сегодня одного-двух не каждый решается завести, а у него было восемь детей, и все были одеты-обуты, накормлены, обстираны и обогреты его отеческой заботой. Конечно, это было нелегко. Но отец Анатолий с великим терпением и смирением нес свой семейный крест.

В 1972 году митрополит Никодим (Ротов) рукоположил меня во диакона и направил служить в церковь апостола Филиппа, где настоятелем тогда был отец Анатолий Малинин. И прослужили мы вместе 32 года.

Я многому учился у отца Анатолия, в первую очередь, конечно, старался перенимать его богослужебный опыт.

Есть священники, которые хорошо говорят проповеди; есть священники, которые больше любят само богослужение. Отец Анатолий совмещал в себе то и другое. Он очень любил служить. И всегда был в церкви. Даже если он был свободен по череде, а праздновался великий святой, он приходил и служил. И всегда говорил проповеди. Есть проповедники, которые говорят много и красиво, но вот закончилась проповедь — и ты забыл ее. А отец Анатолий, будучи и вообще человеком немногословным, говорил емко и просто, но так, что до сердца каждого доходил нравственный урок его проповеди. Потому что подтверждался всей его жизнью.

А еще отец Анатолий имел незаурядный музыкальный дар. В советское время в церкви апостола Филиппа не было будничного хора, это послушание нес отец Анатолий. Соберемся мы, любители пения, и под его руководством поем службу. Великопостное пение в будние дни он всегда регентировал сам. Если у нас что-то не так получалось, он с улыбкой мягко поправлял. Но при всей его снисходительности очень строго приучал нас, всех сослуживших ему, к безусловной тишине в алтаре при богослужении, не терпел никаких разговоров в это время.

Тяжелым крестом для отца Анатолия было настоятельство. За все, что происходило в храме, он был в ответе не только перед правящим архиереем, но еще и перед уполномоченным, без разрешения которого банку краски нельзя было купить. Один Господь знает, сколько и чего ему пришлось перенести за годы его настоятельства. Беды тогда сыпались на него со всех сторон. Помню, вызвал его уполномоченный — устроил ему дикий разнос и пригрозил, что если такое повторится, он будет уволен из церкви. И за что же? За то, что сын его в стихаре прислуживал архиепископу Тихвинскому Мелитону (Соловьеву). Тихо, безропотно, со смиренной молитвой нес отец Анатолий свое служение — и все делал для церкви во славу Божию.

За его молитву, пост, послушание, любовь к Богу и к людям Господь дал ему трудную, но счастливую жизнь. Наградил его сыновьями-священниками, которые за него молятся. Всегда он был с Богом, служил Ему буквально до последнего своего дня. И Бог прославил его в людях — все его помнят и молятся за него. А он — мы верим — молится за всех за нас.

Протоиерей Виктор Петернев

Мир водворялся в душе

В 1990 году мы с женой оказались в Новгородской области, тогда это была еще Ленинградская епархия. По благословению нашего ленинградского духовника мы отправились в Крестцы на приход — помогать недавно рукоположенному священнику, хотя сами еще мало что умели. Но я мог читать, петь, так что стал псаломщиком. Так сложилось, что я не мог исповедоваться своему священнику, а до Ленинграда далеко, и к своему духовнику я редко когда мог попасть. Поехал в Новгород искать батюшку, которому можно было бы исповедоваться. Пришел в церковь апостола Филиппа и тут же увидел отца Анатолия, который служил в это время панихиду. Как-то сразу было видно, что это человек духовной жизни. После панихиды я подошел к нему и попросил у него разрешения исповедаться, он не отказал. После исповеди я спросил у отца Анатолия разрешения (поскольку на следующий день у нас в Крестцах службы не было) остаться и причаститься. Он разрешил. Спросил, где я буду ночевать. Я сказал: еще не знаю (знакомых у меня в Новгороде не было). Он пригласил к себе. Отец Анатолий жил тогда в домике рядом с церковью. Так я оказался у него в доме — и был поражен какой-то особой внутренней тишиной и молчаливостью батюшки.

С этой встречи и завязалось мое знакомство с отцом Анатолием.

Я довольно часто приезжал к нему исповедоваться. Ему можно было говорить обо всем — всегда встречалось понимание по всем проблемам. Он понимал меня зачастую лучше, чем я сам себя. Узнав, что я служу псаломщиком, начал меня экзаменовать по гласам. Он говорил, что самое главное для псаломщика — это знать все гласы, уметь все петь с листа. Однажды предался воспоминаниям о том, как сам когда-то был головщиком в хоре, еще до того как стал священником. Тут я узнал, что так, как мы поем у себя в Крестцах, по своему разумению, это не совсем верно. Увидел, что и служба в церкви апостола Филиппа построена иначе. Батюшка сам читал канон на всенощной. Повсеместно Псалтирь при чтении кафизм сильно сокращается, а тут она читалась вся последовательно, без сокращений. И видно было, как все служащие в церкви любят отца Анатолия. Да и вообще, можно сказать, атмосфера любви царила в храме…

Потом у нас возникли такие проблемы на приходе, что по благословению одного старца нам пришлось уехать оттуда. Владыка Лев вызвал нас в Новгород и предложил служить в Леохнове. Назначил меня псаломщиком, причем — указом (чтобы мы, наверно, никуда не сбежали). О

Леохнове мы раньше слышали. Приехали сюда — были в ужасе от того, что здесь увидели. Казалось, нам здесь не выжить: просто умрем с голоду. Население от нас отворачивалось, от чужаков, не зная цели нашего приезда, не понимая, надолго ли и зачем. А вместе с тем благодать была такая, что мы не могли развернуться и уехать, оставить все, потому что поняли, что привел нас сюда Промысл Божий. Отец Анатолий тогда успокаивал меня: «При церкви еще никто с голоду не умирал» — и на все мои сетования только посмеивался и рассказывал мне о своей тоже нелегкой жизни в те годы, когда служил священником на Ладожском озере.

По поводу исповеди у отца Анатолия. Батюшка был очень немногословен, и когда я говорил о каких-то своих проблемах, нередко он просто молчал. Я не мог понять, то ли он не хочет отвечать на эти вопросы, то ли не знает, что ответить. Бывало, после исповеди он приглашал меня пить с ним чай. И тут, во время чаепития, он вдруг начинал отвечать на все мои вопросы, заданные и не заданные, причем очень аргументированно, со ссылками на Священное Писание. Значит, все это время мой вопрос у него где-то укладывался, и он обдумывал, как ответить, и когда у него созревал ответ совершенно точный, он тогда говорил.

Да, отец Анатолий был очень молчаливым и говорил лишь тогда, когда его спрашивали, когда была нужда и действительная польза от того, что он говорил.

Несколько раз случалось так, что, получив совет от батюшки — не такой, как ожидал или мне хотелось, я начинал уточнять подробности, полагая, что отец Анатолий, видимо, не до конца вник в ситуацию. Ни на чем никогда не настаивая, он говорил: «Поступай тогда как сам знаешь». Со временем я понял: первое, что отвечал батюшка, было не от ума, а от Бога, от озарения Духом Святым, и только так это и следовало принимать, с безусловным доверием, а я своими уточнениями и подробностями добивался всего лишь немощного человеческого мнения, согласного с моим. Сегодня, надо сказать, это очень распространенное явление: приходит человек к духовнику за советом, но при этом имеет свое представление о том, каким этот совет должен быть, и вот вместо того, чтобы смиренно услышать волю Божию о себе, он навязывает духовнику свое решение, разными убеждениями старается вытянуть из него благословение на то, как ему хочется…

Часто я приезжал к отцу Анатолию, чтобы пожаловаться на невзгоды разные, которых немало было у нас в Леохнове в первые годы. Он выслушивал меня и вместо того, чтобы как-то наставлять или утешать в скорбях, начинал читать какую-нибудь свою очередную статью, которую он готовил в журнал «София» или в газету. И из этой статьи чаще всего я получал ответы на свои недоумения и вопросы. Он сам считал эту свою литературную деятельность — писание статей — очень важной. В статьях батюшки духовные вопросы освещались очень лаконично и вместе с тем всесторонне, с богатыми ссылками на святых отцов. Таким образом многие его статьи я услышал прежде чем они были опубликованы.

Батюшка сидел в своей крохотной келье, где он обычно молился, и на старенькой пишущей машинке печатал эти тексты, обложившись книгами, главным образом трудами святых отцов, которыми он пользовался постоянно. Книг у него было много. Иногда, когда на исповеди возникал какой-то вопрос, он просто открывал книгу и давал мне прочитать. Очень ценил и часто цитировал святителя Игнатия (Брянчанинова). Несколько раз зато время, что мы были знакомы с ним, давал мне читать Послесловие к «Отечнику» святителя Игнатия, в котором говорится о современных опасностях духовной жизни и о пути спасения.

Иногда когда я приходил к нему, один или вдвоем с матушкой, он ставил какой-нибудь фильм. Однажды, помню, вместе с нами он просидел-просмотрел большой фильм об экуменизме. В другой раз я пришел к нему сетуя, что многие батюшки из епархии поехали в Иерусалим, а у меня не получилось. Денег не было, да и возможности-то, с другой стороны, тоже не было:

реставрация шла, столько проблем!.. Отец Анатолий поставил видеокассету о Святой Земле и сказал: «Твой Иерусалим на небесах, не надо в земной Иерусалим рваться. Давай сядем посмотрим. Я тоже там не был, ничего страшного. Твой Иерусалим на небесах будет». И мы два часа вместе смотрели эту кассету. Такое вот участие он принимал во всем.

Однажды в Великий пост я приехал к нему на исповедь. После исповеди батюшка предложил поесть. Мы пошли на кухню. Никого дома не было. Какая-то сковородка стояла на плите. Не глядя, что в ней, он зажег газ и стал разогревать. Потом открыл крышку и стал накладывать себе и мне… макароны по-флотски! Я говорю: «Отец Анатолий, ну как же, сейчас ведь Великий пост!». — «А для меня, — отвечает, — пост заключается в том, что я не разбираю, что мне дают. Что дают, то и ем». И неоднократно еще я был свидетелем такого его отношения к пище. Однажды мы вместе с ним оказались на торжестве по случаю открытия после реставрации Воскресенского собора в Старой Руссе. Прием в честь этого события проходил на курорте. В большом зале было накрыто с десяток длинных столов. Множество официантов сновали туда-сюда, обслуживая всю эту массу гостей. Одна официантка приносит что-то, другая уносит, третья еще что-то приносит… И вот в этой сумятице — при всем разнообразии блюд — отцу Анатолию три раза (!) ставили суп — и он безропотно съедал этот суп. Лишь в третий раз, правда, тяжело вздохнув…

Когда он как-то раз гостил у нас в свой отпуск, матушка моя его тоже потчевала с большой любовью, и он безропотно ел все, что ему накладывали. Но однажды, когда у него вырвалось «Ой, но сколько же еще можно!..», я понял, что он это делал просто-напросто из любви и по большому терпению. Это у него, видимо, отношение такое было, проявление его вообще глубокого смирения. Не хотел обидеть человека, который угощал его, или просто не придавал действительно значения всему этому и поступал просто как бы по послушанию…

Довелось мне несколько раз участвовать с батюшкой и в чисто житейских делах. Однажды я приехал к нему, а он как раз собирается куда-то уходить. Я говорю: «Давайте, батюшка, я вас свезу куда надо». Он согласился: «Хорошо, поехали. Мне нужно в магазин». И мы поехали с ним по магазинам — он, оказывается, решил купить пылесос, чтобы облегчить жизнь своему семейству. И проявил себя очень практичным, хозяйственным человеком. Для меня это было внове — до той поры я знал его лишь с чисто духовной стороны.

Однажды, когда батюшка приехал к нам провести несколько дней отпуска, он предложил мне съездить на его родину. Я, конечно, с радостью согласился. И вот на нашей церковной машине мы отправились в Псковскую епархию. Там мы проехали по всем тем деревням, где он жил, служил когдато. Приехали на то место, где был его родной дом. Дома уже и в помине нету, кустами все заросло. Соседи указали нам то место, на котором когда-то действительно стоял их дом. Были мы и в Порхове, в Никольской церкви, где он начинал свое служение псаломщиком. Он много при этом вспоминал о крестных ходах, которые помнил, в Никандрову пустынь. Целый день мы проездили по Псковщине. Он очень рад был тому, что посетил все эти дорогие его сердцу места.

Помню, отец Анатолий приехал к нам летом с матушкой Ириной и внучкой Аней. Жара была жуткая, и моя матушка предложила им всем поехать на озеро. «Это зачем?» — неодобрительно отозвался батюшка. — «В лесу, около воды, там прохладнее». — «Так там же голые». — «Ну не везде же там пляж…» — «Нет, — решительно положил конец обсуждению батюшка, — там все равно голые. Не надо».

Как-то летом вез я батюшку в Софию на всенощную. И предложил подъехать со стороны Волхова, к мосту пешеходному. «Нет, — возразил он, — давай подъедем со стороны площади». Я говорю: «Но там же ближе». «Ну что вы, там же пляж, там голые ходят. Зачем мне на это

смотреть?». Настолько внимательно относился он к своему внутреннему миру, к духовному состоянию — чтобы ни взглядом, ни помыслом не осквернриться…

Когда батюшка к нам приезжал один и ночевал в келье, матушка моя, заходя к нему утром, всегда спрашивала: «Батюшка, а вы сегодня спали?». Кровать была так аккуратно застелена, как далеко не всякая женщина застелет. И было такое впечатление, что он вообще не спал. И не то что не ложился, даже не садился на кровать. Матушка всерьез сомневалась: может, он сидя или стоя спал… Потому что — ну невозможно так застелить постель, тем более что он в возрасте уже был. Так в недоумении и остались.

Когда батюшка приезжал в Леохново, мы с ним служили. Помню, служили Литургию, а потом молебен преподобному Антонию решили послужить, у мощей. Был будний день. У нас в ту пору шел ремонт, и рабочие приступали к работе с 12 часов. И вот молебен идет, батюшка молится… А тут наступает полдень, и рабочие на крыше начинают грохотать железом. Мне и стыдно, и как-то неудобно выйти, да и что я там буду кричать рабочим, чтобы они прекратили стучать. Грохот был страшный в храме. Закончился молебен. Я после, за обедом, батюшку спрашиваю: «Простите уж, что так получилось: мешали, наверно, вам рабочие?» — «Кто?» — переспрашивает. Я ему стал объяснять, что там рабочие на крыше работали, грохотали железом. «А я, — говорит, — что-то и не заметил». Либо так погружен в молитву был, думаю я, либо по своей скромности специально не акцентировал внимания, считая, что такие вещи внутренней молитве не мешают.

Однажды у нас совпали два престольных праздника — Казанской иконы Божией Матери и преподобного Антония Леохновского. Казанская–21 июля, Антоний — вторая пятница после Петра и Павла. Совпадают раз в шесть лет. Должен был приехать владыка, но, к сожалению, не смог. И, видимо, он тогда благословил поехать сюда отца Анатолия. Священство на праздник собралось со всего нашего благочиния…

Запомнилась проповедь батюшки после службы. Говорил он о смиренномудрии. Причем вот в какой неординарной ситуации. Как только закончилось богослужение, молодой человек, которого мы поставили на колокола, начал сразу звонить. Звонит себе — и не смотрит, что народ-то из храма еще не идет. А в летней церкви у нас громко слышно. Звонит и звонит. А отец Анатолий стоит и говорит проповедь так, как будто бы ему ничего и не мешает, так вот — совершенно невозмутимо. И у меня не было никакой возможности вмешаться: никого не видел, кого бы послать на колокольню, и сам не мог уйти… Так что всю проповедь сопровождал громкий колокольный звон. Но слова проповеди были слышны, конечно. Для меня, скажем, это было бы большой помехой — я бы сбивался с мысли, нервничал… А отец Анатолий совершенно невозмутимо сказал проповедь. Как ни в чем не бывало.

Я несколько раз служил с отцом Анатолием в Софии, в разных приделах, и всенощную служил, и Литургию. И всегда было такое ощущение, что он совершенно отрешен от мира, весь в молитве. И службы его всегда были очень возвышенные. Часто бывает в алтаре и суетно, и даже разговоры какие-то начинаются. А у него все всегда очень сосредоточенно, очень возвышенно было. И благоговейно. Он скучал без Литургии, когда не был чередным. До последнего дня служил. И приходил всегда очень рано, чтобы подготовиться…

И как он был рад, что служит в Софийском соборе!

Рассказывал, как переносили мощи святителя Никиты из Никольского собора в церковь апостола Филиппа. А потом участвовал в перенесении их из церкви апостола Филиппа в Софийский собор. Облачал. Потом однажды переоблачал. С большим благоговением обо всем этом рассказывал. Прикасался к такой святыне!

Несколько раз слышал в Софийском соборе его проповеди перед исповедью и общую исповедь. Они всегда были четко продуманы, и всегда в них поднимались очень жизненные вопросы, которые наверняка были важны для всех, кто слушал. Это не было просто каким-то отвлеченным перечислением грехов. Адресовано было людям, у которых есть конкретные проблемы… Причем было такое впечатление, как верно подметила моя матушка, что он говорил и о себе. То есть и сам каялся. Сам каялся — и всех увлекал за собой.

Особенно каких-то ярких событий, связанных с отцом Анатолием, вроде и не было. Но как радостно было всегда встречаться с ним! Даже просто рядом с ним находиться. Благодать осеняла. И совершенно внутри все менялось, и многие проблемы снимались просто сами собой.

Перед кончиной отца Анатолия у меня несколько раз было очень сильное желание к нему поехать. И все было никак: Великий пост, перед Вербным воскресеньем службы идут подряд, там соборование было, пятница, суббота… Думал в Вербное воскресенье после службы все-таки поехать. И не смог: было много народу, очень устал… Ну, думаю, ладно, отслужу в понедельник — и поеду. А утром в понедельник батюшка упокоился. Так вот и не довелось увидеться перед его кончиной. Рассказывают, что он был в таком приподнятом настроении, радостный, со всеми поговорить старался. Я думаю, что он предчувствовал свою кончину…

Еще вспоминаю, что, бывало, долго не удавалось поехать. И вдруг звонит отец Анатолий и начинает заботливо расспрашивать: «Ну что? Ну как у тебя дела? Что-то ты давно не приезжал…». Мне стыдно становилось тогда, что я сам-то не догадывался ему позвонить, чтобы батюшка не волновался. А он так вот проявлял свою заботу.

И каждое посещение батюшки было очень поучительно в духовном отношении. Мир, главное, водворялся в душе после общения с ним. Приезжаешь к нему в смятении чувств всяких, мыслей, а уезжаешь всегда мирно настроенный. Это было самое большое, что было в нашем общении.

Священник Александр Муринсон, настоятель Преображенского храма в Леохнове

(По аудиозаписи священника Тимофея Малинина)

Наш отец во Христе

Образ буди верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою. (1Тим.4:12)

Стяжи дух мирен, и около тебя спасутся тысячи.

Прп. *Серафим Саровский*

Милостию Божией хоть и поздно — в 46 лет, но все же пришел я к православной вере. Да нет, не сам, конечно, пришел — Господь привел. И тем спас меня от погибели, на краю которой я к тому времени уже находился.

Вскоре после Святого Крещения, имевшего место 23 мая 1991 года, озаботился обретением духовника. В той стадии духовного невежества, в котором я пребывал тогда, это было совершенно естественно: наставник в вере мне был действительно насущно необходим… Но что это такое — *духовник,* как и где его искать, я представлял себе весьма туманно. При случае спросил совета у Владыки Льва. «Молитесь — и Бог даст вам духовника». И Бог и в самом деле дал. И — почти сразу. Да я-то тогда был не в состоянии понять это: глаза имел и не видел, уши имел и не слышал…

С отцом Анатолием Господь свел меня по журналистским делам. В газетах, где я в те дни работал, сначала в «Земле Новгородской», а потом в «Провинциале», открылись — в соответствии с веянием времени — духовные рубрики, для участия в которых нужен был «пишущий» священник. Владыка Лев порекомендовал познакомиться с протоиереем Анатолием Малининым, который служил тогда в церкви св. апостола Филиппа.

Наше знакомство состоялось рано утром 28 декабря 1991 года, еще до службы, в Никольском приделе.

Это была главная встреча всей моей жизни, но тогда я еще не знал этого, и в памяти мало что осталось.

Первое впечатление на меня (с моими тогдашними богемными «заскоками» и пристрастиями) батюшка произвел, можно сказать, самое заурядное: простоватый такой, неречистый, никакого внешнего блеска и лоска, держался со мной суховато приветливо, перед началом разговора, услышав неправославное имя, уточнил лишь, крещеный ли я. Но для меня тогда главным было то, что безо всяких отговорок он сразу согласился помочь с подготовкой материалов для газеты. Дал свой телефон, сказал, когда лучше звонить («вечером, после десяти»).

И оказался на редкость обязательным автором. 3 января 1992 года я заказал отцу Анатолию первую статью — к Крещению Господню, а уже 7-го он позвонил мне: статья готова. И так — на протяжении всего года. Им были написаны статьи практически ко всем двунадесятым праздникам. Если материал заказывался к определенному сроку, значит, батюшка точно к назначенному дню и делал. Причем — ни тени столь обычного в журналистской среде авторского самолюбия: он очень спокойно относился к тому, что по техническим причинам приходилось иногда сокращать его текст. Я переживал в подобных случаях за его статьи больше, чем он сам. Что передо мной воплощенное смирение, я тогда просто не понимал.

С 1992 года отец Анатолий стал служить в Софийском соборе.

Первое впечатление «заурядности» батюшки скоро, очень скоро сменилось иным. Буквально через две недели после знакомства. Поговорив с ним после обедни и взяв благословение, я ушел *как бы омытый светом и воздухом святости* (как записал тогда же в дневнике). Не понимая подлинных масштабов личности отца Анатолия (да и не мог я ничего такого тогда понимать), я уже очень скоро, тем не менее, стал воспринимать его как старца.

Так он располагал к себе, что постепенно, не ограничиваясь лишь деловым общением, начал ходить на службы в Софию. 26 апреля 1992 года впервые был у батюшки на исповеди, в следующий раз и дочку привел. Скоро газеты одна задругой закрылись, и работа наша с отцом Анатолием прекратилась. Но не прекратилось общение, хотя в 1992–1994 годах было оно весьма эпизодическим. Однако, как я потом понял, батюшка уже не терял меня из поля зрения и был в курсе моих обстоятельств.

Когда я надумал выпустить к Великому посту 1994 года книжку с Великим Каноном св. Андрея Критского и чином Торжества Православия (тогда, в начале 90-х, с духовной литературой было еще плохо) — и мне понадобился церковнославянский текст Канона, батюшка не только его мне дал, но и подарил маленький молитвенничек и капитальный том «Творений Святаго Отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимскаго» (10 ноября 1993 г. передал через жену, потому что я болел). Меня это тогда и тронуло, и поразило. Это было первое его такое благословение мне, новоначальному.

Потом их было много — батюшка был щедр на внимание и ласку, дарить он любил, и делал это

всегда с радостью, со светлой и слегка застенчивой улыбкой.

Время шло. Я все продолжал не то что искать, но думать о духовнике, никак, однако, не связывая свои помыслы с отцом Анатолием.

В 1993–94 годах ходил постоянно в церковь св. Бориса и Глеба, благо она рядом с домом. Именно с ней связано начальное мое воцерковление под руководством о. Олега Архипова. Протекало оно сложно, с разными искушениями и скорбями, постоянными преткновениями и падениями, остужавшими неофитский пыл. В Софию заходил изредка (за весь 1994 год виделся с отцом Анатолием несколько раз, да еще по телефону случалось разговаривать). Вроде и не забывал о нем, но и не приближался к нему.

И лишь в мае 1995 года Господь как бы заново свел меня с отцом Анатолием. Он был назначен в Борисоглебский храм на время отпуска настоятеля о. Олега. Встреча была радостной — больше года мы не виделись! Словно наверстывая упущенное, я жадно использовал всякую возможность побеседовать с батюшкой. Именно тогда я впервые услышал от него о преподобном Симеоне Новом Богослове, которого он почитал и очень любил. И старался свою любовь передать другим. «Не знание — свет, а Свет — знание», — эти слова прп. Симеона он привел мне как-то в противовес атеистическому «знание — сила»… Святых Отцов он читал постоянно.

В Духов день 12 июня после богослужения батюшка впервые подарил мне просфору, да большую, — ив каком же восторге я вернулся домой! А 18 июня — это было воскресенье, батюшка последний раз служил у Бориса и Глеба, — после службы, светло и ласково улыбаясь, он вручил мне два маленьких томика — Четвероевангелие и Апостол на церковнославянском 1883 года издания! Я ахнул внутренне: и за что мне, невеже темному, много грешному, такие милости! — и, потрясенный до глубины души, не знал, как и благодарить… Разумеется, такой подарок не мог оставаться втуне — он подвиг меня на куда более серьезное, чем прежде, освоение церковнославянского языка, а потом — и на постоянное по возможности чтение Евангелия и Апостола, причем именно по-церковнославянски. Томики эти мне вскоре переплел в темно-малиновый бархат друг-художник, украсив их чеканкой. Храню их как дорогую память о незабвенном батюшке.

Этот месяц общения с батюшкой произвел во мне настоящий духовный переворот. К концу 1995 года я уже явственно чувствовал необходимость для себя видеться с отцом Анатолием, потребность беседовать именно с ним о постоянно возникающих душевных и духовных проблемах. Начал прозревать. *Знал уже*, что мне надо к нему и ни к кому другому. Знал — и почему-то не мог, никак не мог сделать последнего шага… Опять больше полугода не виделся с ним.

Всемилостивый Господь управил. В начале февраля 1996 года мы снова встретились с отцом Анатолием у Бориса и Глеба: о. Олег уехал на похороны отца — батюшка служил за него. И какая же это была радость для меня! Теперь можно было, наконец, выговориться. На исповеди, терпеливо выслушав скопившиеся у меня вопросы и недоумения, он настоятельно посоветовал мне прочесть книгу Премудрости Иисуса сына Сирахова. И я прочел — и, действительно, получил ответы на вопросы, мучившие меня тогда. Это было настоящее просветление. Так бывало потом неоднократно: отец Анатолий всегда знал, что именно из Священного Писания тебе следовало в данный момент прочесть…

После этой встречи в дневнике появилась запись: «давно чувствую (знаю), что прибиваться надо к о. Анатолию, и — не могу!». Целый месяц потом писал в ежедневнике: *позвонить о. Анатолию!* — каждый день записывал — и день за днем все почему-то не мог позвонить.

Мучился этим — и, нет, не мог. Что мешало, не знаю… враг, должно быть, препятствовал … 11 в Софию — тоже почему-то — пойти не мог…

Наконец 12 марта — выпутавшись все же милостью Божией из незримых тенет — позвонил отцу Анатолию. На следующий день был в Софии, после вечерни разговаривал с батюшкой. Рассказал ему о своем духовном (а одновременно и творческом) кризисе, подарил ему несколько своих книг и публикаций. Он внимательно и сочувственно выслушал, непосредственно по моим скорбям и проблемам ничего не сказал, посоветовал только прочесть «Столп и утверждение Истины» о. Павла Флоренского…

После Пасхи вопрос о переходе к батюшке решился для меня окончательно. И вот 23 мая 1996 года, в день Вознесения Господня и в пятую годовщину своего крещения, я *обрел наконец духовного отца* в лице батюшки Анатолия. Для него мой приход не стал неожиданностью. Он принял его как должное, так, как будто давно *знал, что я приду.* Я был готов к решительной перестройке всей моей духовной жизни. Однако батюшка вопреки моим ожиданиям (и даже к некоторому разочарованию) ничего в сложившемся к тому времени духовном обиходе моем менять не стал. Кроме одного — и, пожалуй, самого существенного: он с первого дня благословил меня *причащаться всякий раз как бываю в храме за богослужением* (так именно он и сказал).

И началась другая жизнь. Как будто блуждал, блуждал — и вот наконец пришел к желанному приюту. И обрел наконец покой.

Это был поистине великий день для меня. С него начинается мое подлинное воцерковление. Возрастание в духовной жизни под благодатными лучами батюшкиной любви, под его смиренномудрым руководством.

Это был великий дар милосердия Божия о мне многогрешном. Я не знал еще, какие испытания и скорби надвигаются на меня, — и не представляю сейчас, как бы я пережил их — и пережил ли бы — без отца Анатолия. Без него я скорее всего погиб бы — и духовно и физически. А с ним эти жестокие испытания обернулись в конце концов великим благом — школой духовного обновления, очищения, укрепления в любви и вере.

Восемь лет, прожитые рядом с батюшкой и под его духовным руководством, его советами и молитвами, с одной стороны, дают богатую пищу для воспоминаний, а с другой, воспоминания эти носят настолько личный характер и касаются таких сокровенных сторон жизни моей и моих близких, что никак не могут быть выставлены на всеобщее обозрение. Именно самое существенное-то, самое заветное — и не высказать!.. Поэтому поневоле придется ограничиться самыми общими характеристиками и впечатлениями.

Эти восемь лет — со всеми их скорбями, искушениями, испытаниями и душевной сумятицей — стали для меня, тем не менее, блаженным временем духовного покоя, обусловленного обретением чувства твердого пути под ногами, ведущего к спасению. (Вообще, что такое *духовный покой,* я узнал только благодаря батюшке, а без него не знал бы и до сих пор). 11оддерживаемый и направляемый любящей батюшкиной рукой, я шел как бы от вешки к вешке, не сомневаясь в правильности пути, указываемого моим пастырем; при этом я и оступался, и запинался, и ушибался… но духовно оставался покоен: батюшка не даст сбиться с пути… Главное было слушаться наставника, не терять его из виду, не отбиваться от него. А это было нетрудно.

Только тогда, когда наш дорогой Авва ушел от нас в жизнь вечную, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, я по-настоящему осознал — что же он значил для меня. Такое чувство,

что — топчусь теперь все на том же месте, где он меня оставил, и боюсь, как бы не стоптаться совсем с пути, указанного им мне. При каждом недоумении, смущении или соблазне стараюсь представить — а что сказал бы мне батюшка… И так в меру сил стараюсь не терять духовной связи с ним.

Об отце Анатолии Малинине можно сказать так же кратко, как некогда было сказано об одном великом египетском старце: «В нем была любовь, и многие приходили к нему».

Действительно — многие. И не только новгородцы. Духовные чада у него были в Москве и Санкт-Петербурге, в других городах России, в Белоруссии и на Украине…

Любовь к Богу и людям — главное в жизни и личности отца Анатолия. Он жил для людей, приводил их к Богу, ко спасению — ив этом был смысл его жизни. Можно сказать — подвиг всей его жизни. Более чем полувековым беззаветным служением Господу и людям батюшка стяжал величайшую христианскую добродетель — смирение. И настолько был совершенен в ней, что — ею, уверен, и спасен, и молится о нашем спасении пред Престолом Божиим.

Иногда он мог показаться строгим, но на самом деле был мягок и снисходителен к слабостям своих чад. Не столько строгостью, сколько любовью врачевал он наши грешные души.

Все к нему тянулись, потому что чувствовали особую благодать, исходящую от него.

Стоило только побыть с ним рядом, и на душе становилось легко и радостно. Или, во всяком случае, покойно. Ничего, бывает, и говорить не надо — как-то сами собой разрешаются все вопросы, с которыми шел к нему, — все становится ясно и понятно. Такие от него исходили свет и теплота духовная, что каждый мог получить и утешение, и умиротворение, и разрешение всех сомнений… Отрадно и легко было следовать его советам, чувствуя на себе благодатную силу его молитв…

Нередко он вразумлял молчанием. Ты горячишься, излагая свои обиды или жалобы, а он — молчит. И так как-то молчит, что ты начинаешь остывать, опоминаться, приходишь в себя — и тоже замолкаешь. 11ногда и со стыдом. Водворяется тишина не только между нами, но и в душе. Морок страстей, только что терзавших тебя, рассеялся. Батюшка, думаю, молился в это время — и его молитвами мир водворялся в сердце. И тогда, как ни в чем не бывало, он мог заговорить и о чем-то своем…

Знания отец Анатолий имел поистине обширные — и в церковных науках (кандидат богословия) и в некоторых светских, много читал, житейский опыт — огромный, но никогда никого не поучал, никому не навязывал собственного мнения. Интересовался в первую очередь мнением собеседника: а вы как считаете? И с большим интересом выслушивал. *Никто неумел слушать так, как он.* Особенно тогда, когда ты высказывал ему нечто духовно особо значимое и существенное для тебя — душу открывал. В такие исключительные минуты физически явственно чувствовалось, до осязаемости, как он моментально концентрировал все свое внимание. И воспринимал не только слухом и сознанием, но всей душой. Слушал, можно сказать, в *духе.*

Назидательность батюшке была чужда. Будучи человеком чрезвычайно деликатным, безусловно уважающим и высоко ценившим Богом дарованную каждому свободу, он никого ни к чему не понуждал, а если и вразумлял, так собственным примером. Примером всей своей жизни во Христе. Отец Анатолий в полной мере отвечал, я считаю, тому идеалу пастыря, который был сформулирован еще святителем Григорием Богословом: «Надо сначала очиститься, потом очищать; умудриться — потом умудрять; стать светом — потом просвещать;

приблизиться к Богу — потом уже приводить к Нему других; освятиться — потом освящать». Ему хотелось подражать.

Вспоминается такой вот случай.

В августе 1997 года отец Анатолий работал над статьей о Великом Инквизиторе для журнала «София», и мы с ним не раз обсуждали эту тему. У него тогда ноги болели, отекали. Но он, тем не менее, служил практически каждый день. После Успенской всенощной я был у него, беседовали о Достоевском, и он показал мне свои ноги — распухшие, сизо-желтые — ярко выраженная аллергия, и с ног по всему телу распространялся зуд, да еще и давление поднялось. А он, оказывается, в этот день с утра был в Хутыни — исповедал монашек как монастырский духовник. И вот в этом состоянии — с *такими* больными ногами — батюшка служил на моих глазах больше двух недель, пропустив, может быть, две или три службы (когда, видно, уж совсем невмоготу было), и причем *так* служил, что большинство софийских прихожан ничего и не подозревали.

Такой пример терпения болезни, стойкости духа не мог не восхищать — и действовал сильнее всяких слов.

И это один лишь случай. А сколько было подобных даже на моей только памяти!..

Все мы читаем Евангелие, но многие ли из нас живут по нему? А вот батюшка жил по Слову Христову. У него было евангельское понимание жизни — евангельское отношение ко всем и ко всему.

Отец Анатолий сторонился суеты мира сего, лежащего во зле, с его похотью плоти, похотью очес и гордостью житейской — и нас, чад своих, призывал к тому же. Вместе с тем он всегда был в курсе того, что происходило в стране и мире. И гражданские, патриотические чувства были ему не чужды. Он болел за судьбу России и русских, за братские православные народы. Помню, как остро он переживал гибель «Курска» и захват заложников на «Норд-Осте», гонения на православных на Украине. Скорбел, когда в мае 1999 года — на православную Пасху! — НАТО начал бомбить преданную ельцинским режимом Сербию.

Тогда в Новгород приехал известный сербский пианист Иван Тасовац, приглашенный дирекцией Международного Рахманиновского фестиваля дать мастер-классы для юных новгородских музыкантов. В своем интервью одной из новгородских телестудий он рассказал о варварстве американских и европейских носителей «общечеловеческих ценностей», уничтожавших православные храмы и монастыри, о бесстыдном цинизме политиков и выразил благодарность за моральную, духовную поддержку со стороны большинства простых русских людей.

Иван был на всенощной в Софии (хотя, с сожалением надо признать, что, будучи крещеным, православным по корням и в душе, гордясь родной православной культурой, он все еще оставался тогда, — не знаю, как сейчас, — фактически вне Церкви). Мы познакомили его с отцом Анатолием. Не знаю, о чем батюшка говорил с ним, но отошел Иван от него растроганный почти до слез и просветленный. И даже выразил желание на следующий день быть на Литургии, исповедаться и причаститься — чего не делал уже, оказывается, много лет. Батюшка благословил. Всю ночь он не спал — готовился к исповеди, волновался. Волновался он и на исповеди. Сподобившись причаститься Святых Христовых Таин, наш гость был по-настоящему счастлив. А еще отец Анатолий благословил его большой служебной просфорой, которую Иван увез как великую святыню в страждущий Белград. И туда достиг свет батюшкиной любви…

При всей внешней сдержанности, строгости (некоторым он казался даже суровым) отец Анатолий любил и пошутить, и посмеяться мог, улыбка вообще была у него всегда наготове. Каждому своему чаду он всегда улыбался навстречу, улыбаясь благословлял. И не было улыбки светлей и чудесней! Она озаряла тебя всего и омывала, и душа твоя благодарно отзывалась на этот свет, и просветлялась, и пела и радовалась долго еще после…

Его улыбка, свет благодати, исходивший от него, — это, по сути, было то же самое, что «Христос Воскресе, радость моя!» преподобного Серафима Саровского. Он не произносил этих слов, но он источал ту же пасхальную радость.

У отца Анатолия было еще одно удивительное прикровенное качество. Казалось, он обладал какой-то властью над временем. Как бы много людей ни собралось на исповедь, он всегда неизменно ровно, спокойно и без всякой спешки вычитывал *все* чинопоследование исповеди, включая пятидесятый псалом и повседневное исповедование грехов. Все, без малейших исключений. И, конечно, обязательно говорил проповедь. Сегодня многие священники, особенно молодые, молитвы перед исповедью (случается, и с пропусками) вычитывают в таком совершенно немолитвенном темпе, такой скороговоркой, как будто боятся куда-то опоздать… А батюшка Анатолий никуда не спешил — и всегда все успевал, даже когда служил один при большом стечении народа.

Проповеди отца Анатолия (имею в виду его устные проповеди) были внешне неэффектны, просты, но до чего же проникновенны! Особенно проповеди перед исповедью. Их можно, пожалуй, сопоставить с проповедями о. Иоанна Кронштадтского, о которых в свое время знатоки гомилетики говорили, что они слишком уж банальны, неинтересны якобы. Но ведь сила проповеди не в риторических красотах, а в ее духе. А дух безыскусной батюшкиной проповеди был таков, что доходил до каждого верующего сердца. Его проповеди не были пространными (уже потому, думаю, что он вообще был немногословен), но были убедительными.

И еще одной поразительной особенностью обладали проповеди отца Анатолия. Читал, помню, о редком старческом даре отвечать на вопросы своих чад на проповеди. Могу свидетельствовать, что не раз получал такие ответы на проповедях батюшки перед исповедью. И не только я.

Это был наш новгородский истинный старец, доступный для всех.

* * *

Поскольку отец Анатолий как духовный наставник входил во все мои житейские обстоятельства (то есть я сам, разумеется, посвящал его во все частности и подробности своей личной жизни), довольно скоро — и совершенно естественно — батюшка стал фактически духовником всей нашей семьи. С начала 1998 года его чадом стала жена. Дочь предпочитала ходить в храм апостола Филиппа, но во всех серьезных случаях, перед принятием каких-то ответственных решений обязательно приходила за благословением к отцу Анатолию. Батюшка бывал у нас дома — освящал квартиру, соборовал несколько раз. При каждой нашей встрече обязательно интересовался делами жены и дочки, передавал им свое благословение. Радовался, когда видел нас всех вместе в храме. Последнее великое благое дело, совершенное батюшкой для нашей семьи, было наше с женой венчание, с которым мы затянули донельзя, все откладывая и откладывая по разным причинам, а тут вдруг спохватились — и, слава Богу, отец Анатолий венчал нас на последней неделе перед Великим постом 2004 года, последним в его жизни. Мы с Любой оказались последними повенчанными им…

И каждому из нас, грешных, были явлены великие милости Божии по батюшкиным молитвам.

Всего не перечесть и не перечислить, но все же кое о чем хочется сказать.

Для меня замечательным в этом отношении оказался первый же день моего «чадства» у отца Анатолия. Исповедавшись, приложившись ко Кресту и Евангелию и взяв уже благословение у батюшки, услышал вдруг от него: «А вы курите?» — (тут много можно было бы порассказать о том, *как* (!) я курил и докурился до криза, какими невероятными усилиями мне удалось все же бросить и как несколько лет я не курил вообще, а потом снова начал покуривать… и вот, втянулся опять) — «Да так, — смутился я, — покуриваю». — «Ну разве можно православному-то», — с легкой укоризной сказал батюшка, и я отошел. Только и сказал. Но — с этого дня я больше не выкурил ни сигареты — потому что никогда уже и не хотел. Причем произошло это как-то само собой, безо всяких усилий с моей стороны, поэтому, можно сказать, незаметно для меня самого. Так что и осознал я, *что же произошло,* только спустя какое-то время…

Его молитвенную помощь я получал в самых разных обстояниях, в том числе и в болезнях. Я и жив-то доселе, без всяких преувеличений, только молитвами отца Анатолия. Его же молитвами моя мама в 75 лет успешно перенесла онкологическую операцию и облучение после нее, на удивление скоро поправилась и прожила после этого еще семь лет (почти на год пережив своего благодатного молитвенника).

Жена в своей работе директора Международного Рахманиновского фестиваля не раз сталкивалась с такими проблемами и трудностями (известно, в каком положении находится сегодня российская культура), что в пору было все бросать и уходить. Но после обращения к отцу Анатолию: за советом и духовной поддержкой, не более (не дерзая уповать на чудо: и в мыслях не было), она получала разрешение если не всех, то большей — и самой существенной — части проблем, а значит, и все необходимое для дальнейшей работы. Это было явное, несомненное чудо для нас, знающих истинное положение вещей. И только для нас, потому что никого больше не касалось. И мы знали, по чьим молитвам оно совершилось. «Слава Богу!», «Это все Господь», — только и говорил, радуясь вместе с нами, отец Анатолий в ответ на наши благодарности…

В конце 1997 года жена получила грант Президента РФ на проведение очередного, третьего фестиваля. Грант запрашивался на приобретение хорошего концертного рояля, однако вопреки ожиданиям выделенная сумма оказалась недостаточной. Что делать? Пошла к батюшке. Его молитвами все устроилось: неожиданно пришли на помощь известные деятели культуры, и в декабре 97-го концертный рояль фирмы «Блютнер» был приобретен в Москве. Но тут возникла новая проблема — с его доставкой в Новгород. Зима 1997/98 года выдалась морозной, с редкими оттепелями, под которые никак не подгадаешь, чтобы заказать машину и грузчиков для перевозки рояля. А везти инструмент по морозу никак нельзя было. Люба пошла к отцу Анатолию со своими тревогами: как вывозить рояль? А он разулыбался и говорит: «Вези в начале марта». Ну как он благословил, так и сделала. Привезли «Блютнер» по оттепели. И, надо же, на следующее утро опять завернул мороз!..

А вот что значило батюшкино благословение.

В начале 2002 года дочка определялась на работу в студию архивных и фондовых программ канала «Культура». Она уже работала фактически в студии третий месяц, и вполне успешно, но тут возникли серьезные осложнения. Настолько серьезные, что ее оформление оказалось под угрозой. К тому времени она уже второй год жила в столице, и пресловутый «квартирный вопрос» ведом был ей уже не только по Булгакову. Сначала они с подругой снимали квартиру, недорого, и все было чудесно — до тех пор, пока их по каким-то не зависящим от них причинам не попросили с этой квартиры. Сколько-то перебивались у знакомых. Все время искали квартиру, но подходящей (главным образом но деньгам) никак не находили. Сочувствующие

Алинины сослуживцы тоже искали, и тоже безуспешно. К началу февраля квартирный вопрос у юных новгородок настолько обострился, что со дня на день они могли оказаться просто на улице. И тут Алина на выходные приехала домой — отметить с родителями собственный день рождения, ну и немного отдохнуть душой от всех этих столичных неурядиц. В понедельник она была в Софии, и после Литургии отец Анатолий благословил ее на дорогу и на успешное устройство большой просфорой. На следующий день приходит дочь на работу, а ей говорят: иди, посмотри на доске объявлений — один из сотрудников канала сдает очень хорошую однокомнатную квартиру рядом с метро и совсем недорого. А документы ее — в отделе кадров на оформлении. Можно представить радостное потрясение, в котором дочь находилась, сообщая все это маме.

И ведь подобное происходило в жизни всех чад отца Анатолия. Да и не только чад. К нему люди просто на улице подходили со своими нуждами… Когда пытаешься представить, какому количеству людей он так или иначе помог за более чем полвека пастырского служения, — начинаешь понимать, какую поистине зиждительную роль играли батюшкины молитвы во всеобщей нашей жизни. В том, что она сложилась так, а не иначе. Вся она оказывается прогрета, озарена и освящена батюшкиными молитвами.

* * *

«Честна пред Господем смерть преподобных его» (Пс.115:7).

Кончина отца Анатолия была столь же смиренна и праведна, как и вся его жизнь. Поистине «безболезненна, непостыдна, мирна». Что-то ему было открыто, видимо, потому что он говорил некоторым, что этого Великого поста он уже не переживет. Батюшка болел, но Господь укреплял его и давал ему силы служить буквально до последнего дня. Все обратили внимание, каким просветленным, исполненным тихой радости был он и в Лазареву субботу и в Вербное воскресение. С какой любовью благословлял! А на следующее утро 5 апреля 2004 года — в Великий Понедельник — тихо отошел в вечность, ко Господу.

И скорбь Страстной недели была усугублена для нас, батюшкиных чад, потерей любимого духовного отца, потерей ни с чем не сравнимой и невосполнимой. Прощались с ним сначала в церкви апостола Филиппа, где отец Анатолий отслужил 30 лет, потом в Софийском соборе.

Отпевание, совершенное архиепископом Новгородским и Старорусским Львом в сослужении около 30 священников из всех благочиний епархии, не случайно пришлось на Благовещение Пресвятой Богородицы: вся жизнь батюшки, родившегося в праздник Покрова, прошла под благодетельной защитой и водительством Божией Матери.

Надо было видеть людской поток, который тек и тек ко гробу с телом этого смиренного православного пастыря, почитаемого, как оказалось, чуть ли не всем городом. Шли стар и млад, люди разных общественных слоев и состояний, несли и вели с собой маленьких детей. До того не раз доводилось присутствовать на проводах в последний путь выдающихся, знаменитых граждан Новгорода, но никогда не было такого людского прилива, озаренного тихим светом благодарной любви и памяти. I I радостно было видеть, хоть и сквозь слезную пелену, ощущать эту всеобщую любовь, — и радость эта удивительным образом соседствовала со скорбью, и — вопреки привычной логике, против подавленной горем воли — придавала печальному событию характер некоего торжества. Тогда, сразу, было не понять и, тем более, внятно не сформулировать, но спустя два дня, вспоминая это многолюдье (почти как на Пасху) и атмосферу необыкновенного какого-то духовного подъема, ясно осознал: это было — воистину — *торжество Православия.*

«Можно узнать, что почивший под милостью Божиею, — писал почитаемый батюшкой святитель Игнатий (Брянчанинов), — если при погребении тела его печаль окружающих растворена какою-то непостижимой отрадою». Все присутствовавшие на отпевании в Софии и на погребении в Хутыни пережили это. Милость Божия, сопутствовавшая отцу Анатолию в жизни, не оставила его и по смерти.

Завершая эти беглые заметки, благодарю Бога за неизреченную милость Его ко мне, многогрешному, даровавшего мне такого духовного отца и незабываемые восемь лет жизни под его благодатным руководством, которое все же, хочется верить, как и любовь, «не перестает». Даже и по смерти.

Помяни, Господи, душу усопшего отца моего духовного протоиерея Анатолия, в селениях праведных, в кровах вечных да молится за всех нас, грешных, и меня, окаяннейшего, недостойнейшего из чад его да не оставит святыми молитвами своими.

Руслан Дернглазов, член Союза писателей России

В дополнение решаюсь приложить ряд извлечений из своих дневников 1996–2004 гг. Из более чем тысячи записей, связанных с отцом Анатолием, для публикации я отобрал те, в которых пусть по крупицам, но отражаются характерные черты и особенности личности Батюшки, его взгляды и мнения, мысли и суждения. Причем дневник передает их с той непосредственностью, которая присуща живому общению и свободному впечатлению. Подчеркну лишь, что это МОИ субъективные впечатления (без претензии на обобщение). Записи по необходимости сильно сокращены, поэтому в них так много многоточий. В квадратных скобках в тексте приводятся необходимые дополнения и пояснения, сделанные при подготовке к публикации. Фрагменты внедневникового изложения событий, служащие связками между записями или необходимые для их восприятия, набраны другим шрифтом.

Восемь лет и три дня (из дневника)

1996

29.05, ср. К 6 ч. в Софию. Отец Анатолий служил в приделе Рождества Богородицы. Народу совсем немного. Батюшка позвал меня в алтарь — поговорили. Он после службы должен был венчать еще…

15.06, сб. Всенощную с каноном всем святым, в земле Российской просиявшим, служил о. Анатолий. Под дождем проводил Батюшку до автобусной остановки. Он говорил о «Белом иночестве» архиеп. Иоанна Сан-Францисского (Шаховского) (дома потом прочитал), вспоминал митр. Гор Ливанских Илию, который приезжал в Новгород где-то в 1958 г.

16.06, вскр. …Записался в Софийскую библиотеку — и по совету о. Анатолия взял 1 -й том прот. Валентина Свенцицкого «Монастырь в миру» (дома начал читать — книга потрясающая!..). Из храма проводил Батюшку немного.

23.06, вскр. (Собор Новгородских святых). …Отец Анатолий награжден орденом Благоверного князя Даниила Московского…

3.07, ср. …Перед исповедью Батюшка позвал меня и дал книгу архим. Иустина (Поповича) «Православная Церковь и экуменизм» (М.,1993, репринт) и ЖМП № 1, 1996 с мемуаром об о. Иустине…

21.07, вскр. (Казанская). После службы проводил Батюшку на автобус. Свенцицкпй ему нравится, но считает его слишком большим ригористом («Так всех можно разогнать...»)... У нас большая близость во взглядах на мир и мирское.

11.08, вскр. Со службы с Батюшкой — к нему домой. [Впервые был у него в келии]. Показал мне привезенную из Питера автобиографию архим. Фотия, другие книги, дал почитать — и надолго — Толковую Псалтирь Евфимия Зигабена. (Пер. с греч. Киев, 1883)... У Батюшки, оказывается, правый глаз тоже не видит.

19.08, пн. Преображение Господне.

<...> Батюшка, как подошел ко кресту, подарил мне два яблока. Из храма шли вместе с Г.Я., о. Георгием и еще одной женщиной... Батюшка рассказывал, как в молодости ходили крестными ходами за 20 верст (часов десять) — из Порхова в Никандрову пустынь.

22.09, вскр. ...Когда подошел к Батюшке под благословение, первым делом: — А вы почему сегодня не причащались? — Подождал его, пока отслужит панихиду, — и проводил до пр. К. Маркса.

3.11, вскр. ...Сослужил еще и маленький незнакомый священник — оказывается, из Лондона (Батюшка сказал), знал автора книги о старце Силуане, архим. Софрония. Проводил Батюшку на автобус — и в просветленном состоянии духа отправился домой, решив завтра идти па Казанскую...

9.11, сб. С утра читал в «Софии» статью Г. Столовой о св. благоверном князе Владимире Ярославиче и матери его Анне... — и вдруг поразился: а ведь акафиста им нет!..

[После всенощной] проводил Батюшку до машины — он подтвердил, что акафиста князю Владимиру и вел. княгине Анне нет; потом засмеялся: — Напишите возьмите, а мы будем читать!.. — и еще сказал, что надо бы Новгородский патерик издать.

24.11, вскр. Поминали [на Литургии] новопреставленного протоиерея N. <...> Когда шли из храма, Батюшка говорит: о. N. в свое время мне много крови попортил. Я ему на это — легко таю «А вы молитесь за него». О. Анатолий в ответ поднял на меня глаза и — очень серьезно, строго: «Я молюсь». (И мне стало стыдно за мой легковесный тон).

11.12, ср. [с 4 декабря заболел; а в этот день, 11-го, узнал сначала из письма, потом по телефону разговаривал, что у мамы, вероятно, рак–14-го сестра везет ее в Читу на операцию] ...Вечером — РАДОСТЬ-ТО КАКАЯ! — звонил Батюшка: интересовался, что со мной. Я сказал, что болею, попросил помолиться о маме, рабе Божией Александре. Во вчерашней службе [на «Знамение»] участвовало более 20 священников, но Батюшка огорчен безразличием к *новгородскому* празднику интеллигенции.

1997

2.02, вскр. Стою в ожидании исповеди. Знаю уже, с вечера, что Батюшка болен. Слышу, сзади мужчина пожилой (вижу его постоянно в Софии), давно, видно, знающий о. Анатолия, разговаривает с какой-то женщиной о том же — что вот, мол, заболел... простудился, наверно... и что-то еще там — я как-то и не прислушиваюсь: что доходит, что не доходит. Потом слышу (мужчина же, с чувством): — Я его (о. Анатолия) за святого считаю! — И женщина немедля подхватывает: — А его все так считают.

27.02, чт. На исповеди (в ответ на мои сокрушения) Батюшка сказал как-то загадочно: ну

ничего, потерпите еще… — и этим словно осчастливил; непонятно (невнятно), но — обнадежил.

Денег совсем нет, купил и поставил лишь одну свечечку за 1500, *даже поминанье не подавал*. И переживал про себя… что уйду без просфор. А перед отпустом вдруг так захотелось, чтобы Батюшка пожаловал просфорой (ах, вот бы!..). Ко кресту подходил одним из последних; а до того, я видел, Батюшка одному, другому что-то давал — может быть, и просфоры, я не вглядывался, да и неудобно; да и мало ли что мне хотелось… Ко кресту я подошел, уже вполне смирив свое вожделение. И вдруг — Батюшка, словно прочитав мои мысли и пожалев меня, — вручает мне богородичную просфору! И я так обрадовался (потрясенно), так растерялся… Почти до слез.

После службы, как всегда, подошел под благословение… Сказал о. Анатолию, что взял в Софийской библиотеке «Творения» Симеона Нового Богослова. Он сразу оживился, засветился весь — так он почитает преподобного, даже, можно сказать, увлечен им…

1.03, сб. После службы проводил Батюшку на автобус… Мне эти, даже краткие, общения с ним чрезвычайно душеполезны (вовсе не темой беседы, не ее каким-то практическим толком или смыслом — чем-то «над» или «за» этим, несказуемым…).

28.04, Светлый Понедельник. …Но самое замечательное — после 10 вечера Батюшка позвонил: поздравил со Святой Пасхой (я его после Пасхальной службы не видел), интересовался, как встретил, как дела, — я обсказал и просил молиться — он пообещал. Милый Батюшка! Как я благодарен ему за звонок — это лучший пасхальный подарок мне. Надо обязательно попасть на Светлой на богослужение…

29.04, Светлый Вторник. …Как сегодня хорошо молился [с утра] — давно так не молился: после Батюшкиного-то звонка. Свет внутри…

10.05, сб. После всенощной проводил Батюшку на автобусную остановку. Он рассказывал [впервые] о блаженном Иоанне (Максимовиче), архиеп. Шанхайском и Сан-Францисском… Я рассказал ему, как графоманов обидел [участников радиоконкурса]. — Ну и правильно, — сказал Батюшка, — что есть, то и сказали. Что же теперь, каждому льстить?..

<…>

Какой скудный день; хорошо, что с Батюшкой немного поговорил — это единственное, что делает день небесполезным.

18.05, вскр. Батюшка на исповеди сказал, что — *христианин никогда ничего о себе думать не должен* (всецело положившись на Бога).

28.05, ср. Около Софии встретил о. Анатолия. Он ждал чего-то или кого-то прежде чем уехать домой. Постояли поговорили (редко можно так вот тихо, спокойно поговорить с ним): о Флоренском (почитаемом Батюшкой), прп. Григории Паламе и прочих Святых Отцах, о нашей сегодняшней жизни… Ничего особенного — но я так рад!

Когда о. Анатолий отправился домой, я поднялся в Софийскую библиотеку и взял там — по совету Батюшки — книгу архим. Киприана (Керна) «Антропология св. Григория Паламы».

15.06, вскр. Святая Троица.

На исповеди Батюшка преподал мне урок. Из-за этой проклятой жары, сказал я ему, я совершенно изнемогаю — и впадаю в уныние». Батюшка живо откликнулся: — Нельзя говорить

«проклятой»! — надо за все благодарить Господа… А будете проклинать — еще хуже будет…

В одном каюсь — в другом согрешаю. Ну что за нелепый я человек! Прости, Господи!

Отстоял утреню Духова дня… После службы проводил Батюшку на машину на пл. Труда.

Тягостное впечатление у него от кладбища: «Народу много, но панихиды никому не нужны! — едят, пьют… А в 60-х годах чуть не в драку — из-за того, к кому идти на могилку. Помню, диакона на руках принесли, поставили — служи!., а сейчас…» (с сокрушением рукой махнул).

5.07, сб. Проводил о. Анатолия до автобуса. Он рассказал, как ездил на родину, в деревню в Порховском районе; сын возил на мотоцикле; не был там с 40-х годов — ничего теперь, говорит, не узнать, и то место, где дом родительский стоял, заросло; церковь, в которой его крестили, разрушается — брошена…

19.07, сб. От Батюшкиных книг, всегда, особый запах; затрудняюсь определить (церковный, ладанный?..) — Божественным пахнет, как сказал бы маленький герой шмелевского «Лета Господня».

2.08, сб. …Батюшка, милый, так со мной поговорил [на исповеди], что я отошел от него в светлом восторге — и всякая сонливость куда-то делась [спал меньше 4 часов] — и первые полчаса или более Литургии я отстоял в состоянии необычайного душевного подъема — потом постепенно этот свет попригас — чтобы воспрянуть со Святым Причащением: слава Богу!..

16.08, сб. В конце утрени Батюшка позвал меня в Рождественский придел, сообщил, что собирается писать о Великом Инквизиторе, немного поговорили об этом. Книга архим. Феодора (Бухарева) ему не понравился, Розанова вообще не принимает…

Проводил его после службы. Он высказал следующую мысль: «Такая свобода, кажется мне, дана нам (Церкви) ненадолго и сменится новыми гонениями и преследованиями… а скоро ли — нам знать не дано; *настоящее* же христианство всегда гонимо…».

Пожаловался: ноги болят, отекают.

13.10, пн. …Перед всенощной встретился с Батюшкой, благословился (этого, я заметил, достаточно, чтобы на душе стало светлее — и службу стою иначе, лучше).

15.10, ср. Самое замечательное — звонил Батюшка: поздравил меня с днем Ангела, спаси его Господь. Поговорили — он завтра едет в Чудово читать лекцию о Богослужении на катехизаторских курсах; а здесь, в Софии, по субботам с сентября он читает по Ветхому Завету.

18.10, сб. После елеопомазания Батюшка позвал меня в диаконник, и мы обменялись с ним книжками. Пожаловался ему на ухудшение самочувствия, на сильные боли в правом плече и руке [обострение остеохондроза]: по грехам мне!., (даже креститься больно). Он вдруг заулыбался: — Ничего. Все хорошо будет! (Я, про себя, удивился).

Достоял службу до конца.

19.10, вскр. Службу отстоял неплохо. После службы о. Анатолий дал мне книжку о. Анатолия (Берестова) «Число зверя».

И только по дороге домой до меня дошло: *рука-то у меня совсем почти не болит!*

26.10, вскр. Проводил Батюшку на автобус. Разговор — о разном, ничего, вроде, особенного, но — на меня беседы с ним всегда действуют просветляюще.

9.11, вскр. Когда подошел ко кресту, Батюшка заулыбался: — Что это вас не видно? Я уж думаю… (А что там «не видно»: только на всенощной вчера и не был).

День туманный. Батюшка хорошо о тумане сказал: *говорят, снег горит.*

15.11, сб. После службы проводил Батюшку на автобус под дождем, мелким-мелким, он по-зимнему в пальто и шапке; жаловался — руки болят, и ночью, а к врачам идти не хочет…

23.11, вскр. [находился в страшном смятении из-за изуродованной публикации в одной из местных газет]. На исповеди сказал Батюшке о своем состоянии… Успокаивал меня, а когда я начал говорить с профессиональной точки зрения (что я ведь не полуфабрикат сдал — он, кстати, читал; что со мной давно уж никто так не поступал…), заулыбался: — Ну вот, в другой раз умнее будете… — чем меня как-то и удивил, и чуть ли не развеселил даже — во всяком случае, инерцию моего расстройства сбил…

[В декабре болел — Батюшка звонил, интересовался, что со мной].

12.12, сб. Две недели не был в храме — словно год!..

Службу стоял хорошо (радостно).

После службы благословился у Батюшки и проводил его на автобус, побеседовал с ним — и так покойно стало на душе — тихо…

1998

11.01, вскр. Батюшка перед исповедью хорошо говорил. *Кто любви не имеет — тот блаженства не получит.* Проповедь сказал о царе Давиде; провел параллель: Давид — Авессалом, Петр I — Алексей…

24.01, сб. Благословился у Батюшки перед службой: — С Татьянами вас! — как он чудесно улыбается: озаряет…

В начавшихся тяжких испытаниях отец Анатолий поддерживал и укреплял меня, постоянно убеждая: *ничего делать не надо, только молиться, положиться на волю Божию, смириться — и все образуется. Главное — не впадать в уныние.*

22.02, вскр. На исповеди Батюшка сказал мне [в связи с постигшими меня скорбями]: все это следы (последствия) прошлой жизни, — и призывал к терпению и смирению: — Сила Божия в немощех совершается…

…По мере приближения момента Причащения враг стал убеждать меня, что в таком состоянии к Чаше подходить нельзя — и надо бежать; додержался не поддаваясь до самого Причащения и стоял уже у солеи, гадая, кто же выйдет с Чашей, — и вышел о. Анатолий — и я обрадовался и успокоился…

После службы проводил Батюшку: пожаловался на свое духовное состояние и как враг смущал; он отвлеченно утешал: все образуется…

Мне с ним всегда полезно побыть: умиряет, утишает, просветляет, успокаивает. Спаси его

Господь!

2.05, сб. После службы подошел под благословение. Заулыбался: — Ну как? — Тяжело, батюшка. Силы оставляют. — Ничего. Сила Божия в немощех совершается… Сейчас вместе пойдем. — Проводил его на автобус. Он сказал, что на неделе имел две встречи со слугами сатаны, которые произвели на него очень тяжелое впечатление.

4.05, пн. [в ночь на 4-е не спал, одолеваемый скорбями: состояние ужасное]

Решил пойти в Софию — службу отстою, с Батюшкой хоть поговорю — а то места себе не найду… что делать, не знаю…

Разговаривали очень недолго — о. Анатолию надо было идти панихиду служить. Он меня, можно сказать, поразил. Все плохо, говорю, все пропало. Что делать? куда бежать?.. — А он с полнейшей убежденностью: — Все хорошо! Что вы! Не только ничего не пропало — все только начинается… — и пожаловал просфорой. Ушел из Софии озадаченный.

К вечеру тоска немного поубавилась.

5.05, вт. Успокоил меня Батюшка. Не знаю, что «начинается», но — и не кончилось ничего…

Пусть все идет как идет. «Предоставьте все Промыслу Божию», — говорит Батюшка.

9.05, сб. Сразу после Литургии отслужили панихиду по воинам и всем погибшим в Великой Отечественной.

Батюшка сказал проповедь — об уроках этой войны верующим (пока гром не грянет, мужик не перекрестится…).

Проводил его на автобус. Отец Анатолий вспоминал войну: в Порхове начал церковное служение (отец сторожем при церкви работал), Литву, Латвию. В семинарии, потом в академии учился вместе с Патриархом Алексием. Поскольку в войну был на оккупированных территориях, в семинарию приняли только с третьего захода, в 1947-м…

16.05, сб. [В ночь на 15-е тяжело заболела жена].

После всенощной подошел к Батюшке. Сказал ему, что Люба заболела и как тяжело, — он искренне огорчился и сочувствовал; провожать я его не пошел — побежал домой — о. Анатолий передал Любе привет и свое благословение. Я знаю: он помолится — и ей станет лучше.

[И действительно — облегчение последовало уже на следующий день].

21.05, чт. Самое отрадное: звонил о. Анатолий — просто, чтобы проведать, как мы. — Вашими молитвами, Батюшка. — Молюсь, молюсь как могу… — Сказал ему, что Люба еще болеет, но ей значительно лучше…

Много благодарил его; сожалел, что не имею возможности быть завтра на Богослужении; распрощались сердечно. Батюшкин звонок — настоящий подарок.

21.06, вскр. После службы хотел поговорить с Батюшкой — не полошилось… Когда заныл о своем, он довольно резко оборвал меня — и весело так, со светлой улыбкой: — Никакой это не конец — обновление жизни! Радоваться надо и за все благодарить Бога…

23.06, вт. Большая радость: звонил милый Батюшка. Читает подаренную мною книгу воспоминаний духовных чад о владыке Иоанне (Снычеве) — и ему очень нравится.

16 августа 1991 года владыка Иоанн был на освящении Софии, а вечером служил с о. Анатолием у апостола Филиппа — как простой священник, без иподиаконов — и Батюшку удивил и очаровал своей простотой.

30.06, вт. Ушел несколько огорченный: Батюшка как-то неприветлив был со мной, от разговора уклонился. А мне так хотелось, так надо было, казалось, поговорить с *ним: уширение в душе как будто началось* — хотелось и поделиться, и посоветоваться. А он так вот… Что же. Так, стало быть, надо (а не так, как я себе самолюбиво нафантазировал).

14.07, вт. Был у Батюшки… Он дал почитать «НГ-Религия» (со статьей о тайном постриге А.Ф.Лосева) и подарил «Училище благочестия•>, спаси его Господь. Как «церковно» благоухают всегда Батюшкины книги!

28.07, вт. Л.Н. поделилась: одной из наших богомолок во Пскове кто-то из их старцев сказал: чего вы сюда едете — у вас там свой протоиерей есть… (имея в виду о. Анатолия).

2.08, вскр. На исповеди покаялся о. Анатолию, что вчера [в годовщину смерти] отца не помянул, забыл. — Я помяну, — только и сказал (спаси его Господь).

30.08, вскр. К 6 часам пошел в Софию — на чин погребения Пресвятой Богородицы. Впервые.

С Батюшкой опять не поговорить было — его увезли. На ходу высказал ему свои впечатления от службы, пожалел, что далеко не все воспринял и понял — почитать бы. И он тут же дал мне книжечку со всей службой Успению Богоматери и чином погребения: Рига, 1944 (!).

8.09, вт. Вечером был у Батюшки, разговаривали. На нынешнюю сумятицу [имеется в виду дефолт] он смотрит спокойно: за свою жизнь и не такое переживал — вспомнил голод 30-х годов, когда мать пекла что-то вроде лепешек из смеси, в которой муки было процентов 20, а то и того не было… как под немцем жили… И как-то он меня вроде и усовестил.

С Богом надо быть — только и всего.

Сегодня он служил панихиду по ленинградским блокадникам.

13 09, вскр. [Ночь не спал: очередной тяжкий нравственный кризис — измучился — и не пошел в храм]

Пол-11-го вечера Батюшка, милый, позвонил: — Что с вами случилось? — Случилось, батюшка, — и рассказал ему все. Чувствую, сказал, что все ближе к гибели. Он встревожился: — Ну нет, так нельзя! Это распущенность… романтизьм! Даже мысли такой не должно быть. Помните у старца Силуана: «Держи ум свой во аде и не отчаивайся». Вы идете правильным путем… — На мое горестное недоумение: но почему же тогда нет никакого ощущения плода? обреченность какая-то на бесплодность духовного труда? — Батюшка возразил: — Нельзя никаких итогов подводить — это только во вред. Ну и т.д. Не суть важно, что именно он говорил, — дорого, что позвонил — обеспокоился — переживает за меня, окаянного, важно, что — помолится. Спаси его Господь.

Завтра он служит. И я тут же решил, что пойду…

14.09, пн. Батюшка укрепил меня — исповедался, причастился, слава Богу.

После службы подошел под благословение п поблагодарил о. Анатолия: если бы он не позвонил мне, едва ли собрался бы — больно уж плох был. Он заулыбался: «Ну и слава Тебе, Господи». И пошел служить панихиду.

27.09, вскр. Воздвижение Креста Господня.

После службы проводил о. Анатолия. Он жаловался на плохое самочувствие: в ночь на суббот) отравился какими-то консервами — и несмотря ни на что в 8 часов утра отправился в Колмово: сослужил владыке на освящении церкви Успения Божией Матери — и до трех часов дня, а к четырем пришел в Софию на занятия, потом — праздничная всенощная…

— ВОТ НАСТОЯЩИЙ СВЯЩЕННИК! —

Ни о чем таком особенном или примечательном не говорили. Но Батюшка был сегодня как-то так прост и мягок со мной, что радостно быть рядом с ним, рядом идти…

25.10, вскр. После службы проводил Батюшку на автобус.

Говорили о разном, в том числе и о духовной поэзии. В ответ на мое мнение о творчества иеромонаха Романа о. Анатолий засмеялся: — Своего рода частушки!., церковные. — Нет, иеромонах Роман ему совсем не нравится: — Что это такое, монах с гитарой?!

Очень высоко оценивает «Оккультизм в Православии» о. Андрея Кураева.

Говорил о творениях святых отцов Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова. Особенно нравится Батюшке, как пишет последний.

12.12, сб. Отец Анатолий закончил сегодня на занятиях с Ветхим Заветом, теперь собирается перейти к старцам, в первую очередь Оптинским (чувствуется,увлечен ими), рассказывал о прпп. Никоне (Беляеве) и Варсонофии.

18.12, пт. После всенощной проводил Батюшку. Жалуется на плохое самочувствие. Разговаривали с ним о невозможности, видимо, «симфонии» духовной и гражданской властей (Никон и Алексей Михайлович); отделение Церкви от государства — благо, в таком случае.

19.12, сб. Перед исповедью Батюшка сказал, в частности, что *кто не знает Бога в этой жизни, не узнает Его и в будущей, после смерти.*

Батюшка свои занятия отвел и ушел со всенощной — так нехорошо себя почувствовал. Я, конечно, расстроился.

20.12, вскр. Встал с трудом, самочувствие скверное… к 10 часам пришел в Софию, не подготовившись ко Св. Причащении. И надо же — мне в стыд и укоризну — Батюшка служит, хоть и нездоровится ему.

Когда ко кресту подошел, просил у Батюшки прощения…

27.12, вскр. Батюшка на исповеди сочувственно выслушал мои сокрушения — сказал, что все так и должно быть: *надо терпеть, только смирением можно победить…*

1999

9.01, сб. Перед всенощной встретил Батюшку около Софии, взял благословение. Как хорошо,

как светло он всегда улыбается навстречу!

20.02, сб. После всенощной подошел под благословение к Батюшке (сначала прощения испросив), он рад был мне: — Ну как ваши дела? — Плохо, Батюшка … — и бегло, сбивчиво, на ходу (его увозили с матушкой) рассказал… Он сочувствует — и, я думаю, помолится… После этого краткого разговора с Батюшкой пошел домой с легким сердцем.

23.02, вт. …У Любы огромные сложности и проблемы… Я ей советую одно: иди к Батюшке, посоветуйся и делай как он скажет, молись…

24.02, ср. [После 3-го чтения Великого Канона]. Посоветовался, наконец, с Батюшкой насчет поездки в Петровск [в Забайкалье, в гости к маме и сестре] — он благословил ехать: любовь выше поста… Проводил Батюшку на автобус — хоть поговорил с ним немного. Из беседы с ним: *ценности мира — негатив но отношению к истинным ценностям.*

Рассказал Батюшке, как Люба с Алиной постятся — и что ни телевизор, ни радио эти три дня не включали, — он так порадовался, заулыбался, засветился весь: молодцы!..

6.03, сб. Еще во время вечерни ко мне подошла В.: в понедельник соборование, буду ли я? Сначала сказал: нет, потому что уезжаю… потом подумал и сказал: Батюшку спрошу…

Пошли к елеопомазанию — Н. меня дергает: тебя Батюшка зовет. Пошел. — Ну как ваши дела? — а то я сейчас уйду, так… Спросил его, когда жена может прийти, — завтра вечером перед службой. Спросил насчет соборования — благословил: перед дорогой это очень хорошо. Насчет напутственного молебна — сказал, что отслужит во вторник после Преждеосвященной. Спаси его Господь!

9.03, вт. Слава Богу, попал все же на Преждеосвященную! Батюшка служил в Предтеченском приделе. Народу довольно много. Исповедался и причастился. Потом Батюшка служил панихиду, после чего пошли в придел Рождества Пресвятой Богородицы, и он отслужил напутственный молебен рабу Божию Рустику по полному чину — с Апостолом и Евангелием, с отпустом, после которого я приложился ко Кресту, а Батюшка благословил меня им.

И с легким сердцем пустился в дальнюю дорогу: пять дней пути в один конец! Съездил вполне благополучно, но на обратном пути заболел гриппом — и поправился только к 9 апреля, к Великой Пятнице.

12.04, пн. Светлой седмицы. …9-го только на вынос Плащаницы сходил, — и Батюшки нашего не было: упал, говорят, ушибся сильно, высокое давление — и по сей день болен; я звонил ему, а вчера съездил — поздравил со Светлым Христовым Воскресением; сильно, говорит, спина болит… Оказывается, Батюшка наш награжден орденом прп. Сергия Радонежского. «А куда мне?» (с грустной улыбкой).

13.04, вт. Светлой седмицы. Проводил Любу в Москву. Она звонила Батюшке, просила благословения на поездку и, по-моему, очень довольна, что с ним поговорила: ее тоже, как и меня, словно светом каким озаряет…

1.05, сб. Спина у Батюшки все болит. Сам удивляется, что и курсы провел и всенощную отслужил.

2.05, вскр. Ушел вместе с Батюшкой, проводил его на автобус. Он утомленный: пока служит, ничего не чувствует, а после службы — плохо…

8.9.05, сб.-вскр. [разом и тяжело заболел: болело все тело, каждый, кажется, миллиметр, и температура стремительно подскочила почти до 40 градусов! — — причем причина болезни, знал я, была чисто духовная] …Чувствуя, однако, что дело совсем плохо, я попросил Любу позвонить Батюшке (было около девяти вечера, может быть, десятый час) и попросить его помолиться обо мне — главное попросить, чтобы Господь дал мне покаяние. Она, конечно, сказала ему свое: что вот, мол, температура под сорок, а он от лекарств отказывается и от врачей тоже (она меня не поняла). И, конечно, Батюшка сказал, что так нельзя — и надо лечиться, и лекарства принимать, и врача, если понадобится…Сказал, что помолится (самое-то главное!)… Сразу после этого мне стало легче, легче (и как же отрадно было чувствовать: это по Батюшкиным молитвам!) — и скоро жар спал, боли локализовались… [а к вечеру 10-го я уже ходил].

13.05, чт. Звонил отец Анатолий: интересовался здоровьем. «Вашими молитвами, Батюшка» (и в данном случае это было на 100 процентов так), благодарил его.

15.05, сб. После всенощной подошел под благословение к Батюшке — он рад был мне, рад моему выздоровлению, я его благодарил за молитвы.

Взял у него дипломат, подождал, пока он благословлял, отвечал разным людям и вразумлял какого-то парня.

Проводил Батюшку на автобус. Говорили о (Сербии, страждущей под натовскими бомбами: протестанты молятся за НАТО, какие же они христиане! — вот тебе и «общечеловеческие ценности»… Потом, на остановке уже, рассказал Батюшке историю моей болезни (духовную ее подоплеку) — у него удивительно светлое лицо было при этом — он тихо улыбался чему-то… — *Ничего-ничего, это перетерпеть все надо…*

30.05. вскр. День Святой Троицы.

На прощанье Батюшка подарил мне троицкий букет: березовые ветви, сирень и тюльпан в середине. Так светло на душе стало! — хоть и не заслуживаю я.

12.06, сб. Несмотря на жару Батюшка в светло-коричневом плаще и темной шляпе — и ему не жарко.

26.06, сб. Перед службой благословился у Батюшки, он мне посоветовал почитать книгу «Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа». Ему многие там, из поминаемых в тексте, лично знакомы. Да он и сам у преподобного Серафима был, семинаристом [кстати, об этом в книге упомянуто].

4.07 ездил в деревню, где обворовали наш «дачный» дом]

7.07, ср. Рождество Иоанна Предтечи.

В 8.45 был в Софии. Когда прикладывался к иконам, подошла одна из работниц: о. Анатолий зовет вас. Он ждал меня в ризнице: — Ну как съездили? — Рассказал, как…

Трогательно это поистине отеческое внимание к обстоятельствам моей жизни.

Конечно, благословившись у Батюшки, я службу стоял с ликованием в душе.

10.07, сб. Советовался с о. Анатолием относительно гастроскопии — он тоже считает, что без особой нужды с ними лучше не связываться.

Батюшка, оказывается, совсем не может есть грибы. Из-за плохого питания в детстве (скудного и однообразного) у него было, видимо, нарушено пищеварение, а потом язва была.

Поститься, говорит, надо очень осторожно: есть что необходимо, у каждого организма свои особенности и потребности.

12.07, пн. Свв. Первоверховных апостолов Петра и Павла.

После службы проводил Батюшку. Он говорил о том, что современные язычники хуже язычников первохристианских времен. А началось все, считает он, с Возрождения… На днях какой-то католический священник из Швейцарии интересовался у о. Анатолия православным значением Софии Премудрости Божией. Говорили о ереси софиологии и проч.

По благословению Батюшки с 30 июля по 11 августа был в Псково-Печерском монастыре — эта поездка очень много дала мне в духовном плане. Батюшкиными молитвами я оказался на послушании, а не просто паломником. И он с большим интересом слушал мои рассказы о пребывании в монастыре.

18.08, ср. После всенощной подошел к Батюшке под благословение, он принес мне «На горах Кавказа» (издание 1907 года!); я ему передал конвертик от Л.Н. (с просьбой помолиться). Не поговорить было — его увезли…

22.08, вскр. Звонил Т-чу. Л.Н. сказала, что молитвенную помощь о. Анатолия уже получила (фактически тогда же) — вот как.

29.08, вскр. Нерукотворный Спас.

После службы проводил Батюшку на автобус. Говорили о прп. Иустине (Поповиче) [его замечательную книгу «На Богочеловеческом пути» мы оба только что прочитали], о молитвенном делании. Высказал свои проблемы — Батюшка внимательно слушал. Он считает, что Апостол (по главе) надо читать на ночь, после молитв, а Евангелие — также, после молитв, утром (тоже по главе) — он сам именно так делает. Сподобил бы Господь и мне, грешному, наладиться так-то…

5.09, вскр. На Софийской площади… — «народное гуляние» по случаю губернаторских выборов. Все — как в «цивилизованном мире»: хлеба и зрелищ! — О том и говорили с Батюшкой: о страшном духовном упадке в сегодняшней России и в мире — перед Вторым пришествием, невольно подумаешь…

26.09, вскр. Воскресение словущее.

После службы подошел к Батюшке под благословение. <-На исповедь вышел, говорит, а вас нет — уж не заболел ли, подумал». Проводил его на автобус. Говорили об исторических предпосылках сегодняшнего упадка и разрушения, чреватых гибелью русского народа: не вернется к Богу — погибнет.

14.11, вскр. Ушел из храма с Батюшкой. Он сказал о письме Святейшего в связи с 50-летием окончания Ленинградской семинарии — их уже осталось только пятеро из выпуска; письмо теплое, неформальное.

5.12, вскр. Сразу по окончании Литургии Владыка сказал слово о крестном ходе (по указу Святейшего, по всей стране) — и крестный ход тронулся. Отец Анатолий не пошел: ноги болят.

<…>

Пришел домой — сразу позвонил Батюшке: попросил благословения. — А то ушел без вашего благословения — и как-то мне не по себе. — Правда? — тепло отозвался о. Анатолий.

6.12, пн. Люба попросила меня поговорить с Батюшкой — хочет встретиться с ним: «Без его благословения мне не выдержать — столько работы!».

12.12, вскр. Перед исповедью о. Анатолий говорил: *все-то мы стремимся отдохнуть, только об этом и думаем, — а настоящий христианин не отдыхает, он непрестанно занят делам спасения, непрестанно молится… (Эх,* это прямо в мой адрес).

21.12, вт. Звонил батюшке. Он спросил, как мое состояние, — пожаловался, что плохо, — он укоризненно утешал и вразумлял.

26.12, вскр. На исповеди сказал Батюшке о своем обессиленном состоянии: — *Ничего, надо крепиться и терпеть.*

После службы проводил о. Анатолия на автобус. Разговор зашел о декабристах. Оказывается, он недавно только узнал, что все они были масоны или связаны с ними. Говорили о масонстве и католицизме, о масонстве в современной России. Батюшка сокрушался об охлаждении веры, угашении ревности к Богу.

2000

8.01, сб. На автобусной остановке Батюшка рассказывал о митрополите Григории (Чукове), которого знал.

9.01, вскр. На исповеди Батюшка сказал не обращать внимания на помыслы (и тем самым не принимать их).

14.02, пн. После всенощной проводил Батюшку, дал ему первый номер «Нашего современника» со статьей И. Медведевой и Т. Шишовой «Демографическая война против России».

20.02, вскр. После службы Батюшка вернул «Наш современник»: — Страшно! Да, это может быть началом конца. Если Господь не явит нам Своей милости…

18.03, сб. После всенощной Батюшка спросил меня: как настроение? — а я и сказал… Он только «Господи помоги вам», а я попросил его помолиться о мне — и его увезли: никак не поговорить.

9.04, вскр. Батюшка перед исповедью говорил о *подвиге любви.*

10.04, пи. Были с женой на соборовании у Лидии Сергеевны. Справа от святого угла с иконами, рядом с ними, — большой фотопортрет о. Сампсона (Сиверса). Перед началом Батюшка строго велел его снять и совсем убрать (он с большими сомнениями относится к этому весьма почитаемому многими иеросхимонаху).

15.04, сб. После всенощной проводил Батюшку на автобус. Жалуется на плохое самочувствие (и вчера тоже). Разговаривали о разном, в частности об эсхатологии св. Григория Нисского (не первый раз замечаю: Батюшка очень расположен к Оригену; иногда прямо восхищается им). Он считает, что «богословы с сигареткой» у о. Серафима (Роуза) — это камешек в огород о. Александра Шмемана.

16.04, вскр. По дороге из храма говорил с Батюшкой о гражданских страстях, которые меня обуревают в связи с ОСВ–2 и прочими предательствами в самом верху. Как и во всем, он призывает полагаться только на Бога — *никакие СС–18 нас не спасут, если Господь отступится от нас по грехам нашим…*

13.05, сб. К Батюшке подошел под благословение, надеялся проводить — и поговорить (много всего накопилось), а его увезли. Он только спросил: — Ну как спасаетесь? — и так хорошо стало мне от одного этого вопроса его…

28.05, вскр. Перед исповедью Батюшка говорил о *терпении.* На исповеди вразумлял меня: не унывать, не обвинять, не осуждать; когда сказал, что молюсь плохо — как «из-под палки», без радости, — вскинулся: *нельзя радости хотеть от молитвы! это труд прежде всего…*

Проводил Батюшку после службы. Его, оказывается, пригласили в Троице-Сергиеву Лавру — на память архиепископа Сергия (Голубцова) — он был при нем епархиальным секретарем, близко знал; о. Анатолий предложил поехать с ним — его на машине повезут (если вообще поедет, конечно) — я даже растерялся… [поездка эта, к сожалению, не состоялась).

24.06, сб. После всенощной проводил Батюшку на автобус. Он рассказывал о Голубцовых. Оказывается, у о. Александра Ильина был конфликте архиепископом Сергием из-за того, как часто следует причащаться. Архиепископ Сергий был сторонником редкого (четыре раза в год — так, оказывается, было принято в Троице-Сергиевой Лавре), а о. Александр — в соответствии с апостольскими правилами — настаивал на причащении за каждой Литургией, на которой присутствуешь…

Сегодня как-то особенно легко было с Батюшкой!

И повел меня в духе в пустыню (Апок.17:3) — Батюшка считает, что здесь имеется в виду *пустыня духовная,* — в которой пребывает великая блудница нашей цивилизации и культуры.

8.07, сб. Рассказал Батюшке о новых скорбях моих. Он, как всегда, говорит одно: *надо положиться на Господа — Он Сам все управит.* Между прочим, напомнил мне [священник — поэту!] замечательное стихотворение Тютчева (потом дома прочитал):

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек…

15.07, сб. Сказал отцу Анатолию о намечающейся паломнической поездке в Печеры — он такие скоропалительные массовые поездки не одобряет — называет их «духовным туризмом». Считает, что в них духовно больше расточаешься. Написал статью для «Новгородских епархиальных ведомостей о том, что значит быть настоящим христианином.

22.07, сб. Спросил Батюшку о духовном смысле чтения Псалтири по усопшему, предположив, что — как бы от его имени читаются. Оказывается, нет. Чтение псалмов, сказал о. Анатолий, помогает выходу в духовный мир и как бы выносит на себе молитву по усопшему (не дословно, но так я понял), отворяет как бы двери *туда…*

Раньше всегда по покойному приглашали кого-нибудь читать Псалтирь. Батюшка помнит — женщина была, которая ходила по домам, читала Псалтирь над усопшими. А потом она умерла, — и больше никого нет, кто бы читал… и благочестивый обычай этот сам собой исчез.

13.08, вскр. Перед исповедью Батюшка сказал, в частности, о бесстыдстве нынешней летней женской моды.

15.08, вт. Перед всенощной в Рождественском приделе Батюшка отслужил мне напутственный молебен полным чином [перед очередной поездкой в Забайкалье]. Некоторые из постоянных прихожан тоже молились, спаси их Господь. В конце приложились ко Кресту, и Батюшка покропил святой водой. Так хорошо было! — и всенощную потом стоял в вознесенном состоянии духа…

16.08, ср. [Накануне отъезда]. Исповедался (Батюшка утешил просфорой) и причастился…

Проводил Батюшку на автобус. По дороге он отсыпал мне освященных мелких черных сухариков от Преподобного Серафима и просфору из Дивеева — для укрепления в дороге, спаси его Господь.

30.09, сб. После службы немного побеседовал с о. Анатолием: о Любе и ее делах (день Ангела ее), о дурдоме вокруг. Батюшка невеселый какой-то, усталый.

7.10, сб. К 18 часа отправился в Софию. Голова болела, зубы — а на душе такой свет вдруг! Слава Богу за все!

После службы немного поговорили с Батюшкой: он собирается писать статью о современном нигилизме, говорил о Ницше, его безумии…

8.10, вскр. По дороге из храма говорили о несоответствии русского перевода Псалтири церковнославянскому; Батюшка рассказывал об архимандрите Макарии (Глухареве), прославленном на последнем Соборе. Заговорил о собственном 75-летии. Как чудесно его день рождения приходится на Покров — вся жизнь прошла под покровительством Божией Матери!

3.12, вскр. (День Ангела о. Анатолия)

На исповеди сказал Батюшке о своих переживаниях в связи с визитом одной назойливой особы. И явилась некстати, и уходить не спешила, чем вызвала не только досаду, но и разные другие нехорошие чувства, в которых я и каялся теперь. «Надо было гнать ее в шею», — громко и весело заключил Батюшка, выслушав меня…

Сразу после Литургии — молебен о здравии нашего Аввы и — «многая, многая, многая лета!..». Кроме софиан — отцы Игорь, Николай, Олег и неизвестный мне священник. Тепло поздравил о. Анатолия Владыка Лев — заодно и с 75-летием, потом о. Александр — от клира Софийского собора и прихожан, о. Игорь — от новгородского священства (большие красивые иконы Божией Матери). После этого Батюшка стоял с Крестом на солее — все подходили и поздравляли его. Такой же, как всегда, только, может быть, несколько смущенный…

26.12, вт. Ну вот — слава Богу! — освятили, наконец, квартиру.

Батюшка отслужил молебен в гостиной, благословил нас, мы приложились к Евангелию и ко Кресту, а Батюшка покропил нас святой водой, а потом окропил и все комнаты. (Попал под окропление и любопытный кот Путька, — Батюшка засмеялся: «Ну вот и кот освятился»).

А перед началом — о. Анатолий благословил нас иконой Покрова Божией Матери, спаси его Господь.

У Батюшки обломилась кисточка, которой он ставил миром крестики по стенам. Пока я ее

подклеивал, Люба с Алиной накрыли на стол. Батюшка ни от чего не отказывался (— Чего выпьете? — А чего нальете), но все, что предлагали, всего понемногу попробовал; пирог Любин с рыбой ему понравился… Рассказывал о начале своего служения и где служил, но постепенно разговор сошел на судьбу России…

Евангелие у Батюшки (небольшое такое, потертое, фиолетовое) — ото. Александра Ильина. И наперсный крест на нем с украшениями — тоже: зять о. Александра о. Евгений подарил в благодарность за помощь в написании диссертации. И то и другое Батюшка с удовольствием показывал. Рассказывал, как познакомился с о. Александром — через его сестру, у которой жил во время войны.

2001

7.01, вскр. Рождество Христово.

Проповедь перед причастием сказал о. Алексий, а Владыка сказал в самом конце. И все трос (и Батюшка перед исповедью) говорили фактически об одном — о выборе: *либо в тесноте и неудобствах со Христом, либо в комфорте без Него…*

13.01, сб. После всенощной подошел под благословение к Батюшке, проводил до машины. Он интересовался, как дела у Любы, — сказал ему, что в больницу положили, — сопутствует.

В понедельник [память прп. Серафима Саровского] не будет служить — в Москву едет вместе с владыкой: награждать будут. Я думал, в Патриархии, нет, оказывается, в Кремле — орденом Дружбы…

После благословения, когда я взял у Батюшки дипломат и мешок, собираясь проводить его, к нему подошла Л. — и что-то тихо, но горячо ему говорила… Выслушав, Батюшка с досадой и неодобрением отстранился от нее: — *Смерти радоваться надо, а не бояться ее!* — сказал громко и пошел, явно не желая продолжать разговор.

16.01, вт. Сегодня в Кремле Пугин награждал православных священнослужителей, в том числе и нашего Батюшку и Владыку Льва.

17.02, сб. Во время вечерни подошли ко мне: не хотите ли подписать бумагу против ИНН?.. — …одумался и решил, что без Батюшкиного благословения ничего делать не буду, чем и успокоился сразу.

После службы спросил Батюшку насчет ИНН — он подписывать ничего не благословил: напомнил интервью по этому поводу о. Иоанна (Крестьянкина).

18.02, вскр. Батюшка в проповеди перед исповедью несколько раз резко отзывался о тех, кто «боится печати» (имея в виду противников ИНН): *будешь твердо стоять на камени веры, никакие «печати» тебе не страшны…*

25.02, вскр. Иверской иконы Божией Матери. Прощеное воскресение.

После обедни проводил Батюшку на автобус — через толпы празднующих масленицу: крики динамиков, попсовая «музыка», шашлычная гарь… Говорили о возрождающемся организованном (воинствующем) атеизме и крепнущем в обществе недовольстве возрастающей ролью Церкви — не зря Патриарх еще пять лет назад предупреждал: к новым гонениям на Церковь уже все готово…

<…>

…Когда вышли из храма после чина прощения — о. Анатолий подарил вдруг маслице от Иверской иконы из монастыря прп. Александра Свирского (кто-то привез ему)…

11.03, вскр. На общей исповеди Батюшка, в частности, сказал о мирском просвещении, что это *омрачение* какое-то…

Пол-6-го отправился в Софию, на первую пассию. Батюшка служил один. Читал Евангелие от Матфея. Сказал большую проповедь о любви, которая возвела Иисуса Христа на крест, привод! 1л примеры христианской любви, в частности св. Павлина Милостивого, еп. Нолanского (который предложил себя в выкуп вандалам за сына бедной! вдовы)… Взяв благословение, сказал о. Анатолию о своих заморочках *со злом* [я пытался разобраться с происхождением зла]. — Умствуете много, — ответил он, потом выслушал мои недоумения и сказал: — Продолжим в другой раз, — и уехал.

17.03, сб. Когда вышли из храма, Батюшка сказал: — А я думал над вопросом, который вы задали мне прошлый раз. — Надо же. А я бросил. Ни до чего не додумался, а богохульничать не хочу. — Ну и правильно. Я думаю, что у вас преобладает *ratio.* Так можно до атеизма додуматься. Ведь недаром о диаволе говорят «великий ум». — Батюшка считает, что рассудком этот момент [происхождения зла] непознаваем.

28.03, ср. Панихиду по С.В. Рахманинову в Софии отслужил о. Анатолий. Люба и Алина взяли у него благословение; он, говорят, был в очень хорошем настроении, улыбался, светлый такой…

6.05, вскр. После службы проводил о. Анатолия на автобус. Батюшка нынешним летом отметит *50 лет пастырского служения* и золотую свадьбу — после Петра и Павла, рассказывал о начале своего служения: станция Суйда под Гатчиной, Ленинград, Ладожское озеро, потом уж — за о. Александром Ильиным в Новгород.

12.05, сб. Проводил Батюшку до машины; он говорил о молитве — о ее необходимости и о том, что нет у *тс умной* молитвы.

2.06, сб. (Накануне Святой Троицы).

Еле выстоял всенощную: все болит — голова, ноги, боли в животе. После службы, провожая Батюшку до машины, пожаловался ему на свои физические немощи, а он рассказал мне, как постоянно ездил на велосипеде, на мотоцикле, десять лет — на мотороллере… (Странно: сижу вот сейчас, пишу — и никаких болей нет!)

10.06, вскр. Неделя всех святых.

Похоть плоти, похоть очес и гордость житейская (1Ин.2:16) — Батюшка считает, что и Ева в раю была соблазнена ими же: плод на вкус приятен — плоти угоден, радовал очеса и обещал знание и власть…

23.06, сб. В Софии первым делом узнал (сказали), что Батюшка плохо себя чувствует, — и испугался.

Он только начал вечерню, а потом вел службу и кончил о. Александр: о. Анатолий выходил на литию и на полиелей. После службы дождался, спросил о здоровье. Давление, говорит, голова кружится. Конечно, духота такая!..

24.06, вскр. Собор Новгородских святых.

Батюшка, слава Богу, служил — в относительно добром здравии.

30.06, сб. После службы спросил о. АнатоЛ11я, как себя чувствует. — Пошатывает, — улыбнулся он, и все.

7.07, сб. Проводил Батюшку после всенощной. Он вспоминал, как в 1951 году его рукополагал во иерея в Никольском соборе владыка Симеон, ректор Ленинградских духовных школ, викарий митрополита Григория (Чукова).

8.07, вскр. Шли из храма после обедни, и Батюшка рассказывал о самом начале пастырского служении — на станции Суйда.

После всенощной на Тихвинскую проводил о. Анатолия на автобус. Он начал было говорить о Тихвинской иконе, но тут пристала какая-то особа со своими вопросами (— Почему раньше столько исцелений было, а меня Господь не исцеляет? — По вере вашей дается вам. Значит, вера у тебя слабая. — И т.д.). Когда отстала, спросил его об «Евхаристии» о. Александра Шмемана: — Не лежит у меня к нему душа!

14.07, сб. *День 50-летия иерейской хиротонии о. Анатолия*

[Не зная, как и когда будут чествовать юбиляра] с утра позвонил домой — уж домашние-то знают. Отозвался… сам Батюшка! — я даже не сразу мог и говорить: как, вы дома? а я думал, служите… — Я и так всю неделю служил. — Поздравил его — все же дата-то сегодня. — А я думал, вас сегодня будут поздравлять. — Нет, я перенес на 19-е, так лучше, будний день. — Ну, я тоже приду. — Да вы уже поздравили (смеется). — Еще раз поздравлю, с цветами приду. — Да у меня вон во дворе цветы (смеется). Высказал ему свое восхищение его жизнью: за 50 лет сколько же людей — тысячи! — около него и им спаслись!..

15.07, вскр. На общей исповеди о. Анатолий *сказал Царство Божие всегда рядам с нами, дамы-то сами далеко от него.*

22.07, вскр. Батюшка на исповеди сегодня сказал мне, что *не надо так близко к сердцу принимать все… вообще ко всему, что не Божеское, не надо относиться горячо, перегружать сердце — оно должно оставаться свободным: для Бога.*

27.08, пн. После всенощной проводил Батюшку на Сенную площадь. По дороге он рассказывал, в частности, о том, что облачение свт. Никиты, в котором он был похоронен, сохранилось — и настолько, что до самой революции (как я понял) раз в год, в день памяти свт. Никиты, правящий архиерей облачался в эти святые ризы и служил в них! Куда безбожники их дели, неизвестно: выбросили, как ненужные тряпки, или сожгли…

1.09, сб. После всенощной провожал Батюшку. На Софийской площади языческий шабаш в честь «Дня знаний» — толпы пьяных, разнузданных школьников разных: возрастов. Матюги висят. — Батюшка от всего этого ежится.

27.09, чт. Перед отпуском Батюшка говорил, что собирается съездить на родину (Псковская область, Порховский район) — в *последний* раз, сказал как-то так, ненароком, с легким вздохом,- — и причастить двоюродную сестру свою.

27.10, сб. Когда я заговорил с С. о странных балладах иеромонаха Романа в «Православном Летописце Санкт-Петербурга», оказалось, что Батюшка не стал их читать: — Не нравятся мне

эти баллады!

23.12, вскр. Перед исповедью Батюшка убеждал всех не праздновать с язычниками Новый год.

2002

6.01, вскр. Рождественский сочельник.

По дороге на автобус после службы Батюшка говорил, в частности, о догмате Богочеловечества: Церковь — Богочеловек Иисус Христос, живущий в вечности; Церковь — Тело Христово, а все верные — живые клеточки этого Богочеловеческого организма (по прп. Иустину (Поповичу), догматическое учение которого о. Анатолий излагал на последнем занятии в субботу).

27.01, вскр. Отдание Крещения Господня.

Проводил Батюшку на автобус. Какие-то бабушки одаривали его гостинчиками, а оі і взял да отдал мне апельсин и пачечку вафель <-Причуда» — со светлой такой улыбкой: это супруге передайте — пусть поправляется. Вроде и неловко — да ведь это Батюшкино благословение!..

На остановке 3. со слезами: с домашними что-то не ладится, конфликт какой-то; о. Анатолий спокойно, мягко советует *терпеть, блюсти мир, только добром — никакого насилия...*

9.02, сб. Проводил Батюшку на автобус. Рассказал ему об искушении [связанном с творческой деятельностью], о том, что Господь только что мне открыл [что таким образом Он отражает от меня соблазн литературного тщеславия], — выслушал с интересом, сочувствием и радостью.

Сказал, что пишет для «Софии» статью о Богопознании, немного пересказал.

На остановке какая-то женщина подсела, посоветоваться: о. С. сказал ей каждый день читать молитву св. Ефрема Сирина... так вот — можно ли ей читать ее, например, когда она моет посуду? — Батюшка сказал: «Нет, лучше читайте Иисусову», а потом возмутился: «Всему свое время. Молитву Ефрема Сирина читать положено Великим постом — на что же устав тогда церковный! Что за самочиние!» — Я даже удивился, так энергично он возражал, — а женщина все не унималась, все что-то такое говорила в пользу, как ей казалось, чтения именно молитвы Ефрема Сирина, — Батюшка почти рассердился уже, я его таким, пожалуй, никогда не видел.

11.02, пн. Батюшка благословил Алину на дорогу ина успешное устройство, да еще и большой просфорой! и Любу благословил...

14.02, чт. Пока ждали машину, о. Анатолий сказал, что вчера вечером матушку на «скорой» увезли в больницу, в «Азот»... с сердцем плохо. Он сумрачно-грустный, это так непривычно.

15.02, пт. Сретение Господне.

Батюшку увезли на машине. Сказал ему, как по его благословению Алина с Катей так скоро и удачно обрели квартиру. — Слава Богу! — и перекрестился. — Это Богом все устроено.

2.03, сб. Народу было немного. На полиелей вышли о. Александр и о. Виктор — Батюшки нашего нет: я и расстроился сразу. Что бы на неделе позвонить-узнать!.. *острое чувство осиротелости.*

После службы подошел под благословение к о. Виктору — и он мне сказал, что о. Анатолий в

больнице, ущемление грыжи, вчера ему сделали операцию — и очень успешно. М. сказал, что оперировал православный хирург. А в какой он больнице, знает Г.Я.…

3.03, вскр. Сразу после службы поехал к Батюшке.

Он лежит в отдельной палате, специально для ветеранов… У него уже сидели два чада — тоже из Софии пришли, немного меня опередив. Взял благословение и присоединился к ним. Книги, которые я принес ему, о. Анатолий принял с интересом. Выглядит он абсолютно также, как всегда, бодр, даже смеется… Я вспомнил и отдал Батюшке заказную просфору: о его здравии. Взяв благословение, ушел радостный и успокоенный.

6.03, ср. Был у Батюшки. Посидел, поговорили. О последних временах, о пророчествах прп. Серафима Саровского и других старцев и т.п. Авва говорил о сомнительности Сампсона (Сиверса) как старца — и о псевдостарцах наших дней.

Он сильно переживает из-за того, что не скоро еще, видимо, начнет служить: а тут ведь родительская! и сколько просфор надо вынимать!..

7.03, чт. Самая большая радость: *звонил Батюшка!..* уже из дому сегодня ему сняли швы и выписали, чувствует себя неплохо, сокрушается, что пока служить не может.

10.03, вскр. Звонил о. Анатолию — поздравил с праздником, поинтересовался здоровьем (слабость, голова кружится). Пожелал ему побыстрей поправиться (без него, конечно, и служба в Софии не та — его отсутствие *зияет),* попросил позволения навестить его на неделе…

13.03, ср. После семи вечера был у Батюшки. Сидели в кабинете, беседовали. Интереса к книге «На Божественной страже», посвященной о. Валентину Мордасову, Батюшка не проявил — он знал его довольно близко по Порхову («Как ни придешь, он все сидит из Святых Отцов выписывает»); на мое предложение ответил, что читать некогда. И вообще, сказал, в последнее время он предпочитает читать богослужебные книги — показывал мне Следованную Псалтирь и Постную Триодь времен Александра I (в прекрасной сохранности) — с закладками… Обратил мое внимание на книгу «От чего нас хотят «спасти» НЛО, экстрасенсы, оккультисты, маги»… Говорили о митрополите Вениамине (Федченкове) как замечательном церковном писателе, о его судьбе. Об изменениях времени — сошлись на том, что изменяется не только (а может, и не столько) его восприятие, сколько само время как физическая субстанция — по мере приближения к концу света: к *концу времен.*

Чувствует он себя настолько хорошо, весь день на ногах, что в субботу вечером собирается быть в храме — дай-то Бог. [Нет, Владыка не благословил, так что вышел в воскресенье 17.03].

31.03, вскр. Батюшка служил первую пассию; сказал проповедь о том, какой дорогой і;еной мы искуплены, и о необходимости как можно более частого Причащения Тела и Крови Христовых.

10.04, ср. Батюшка соборовал у нас дома, с восьми часов утра.

Вернул мне альманах «Православие или смерть!» (против ИНН) — читать не стал, только посмотрел. Относится к ИНН по-прежнему. «Антонию Великому (Египетскому) было видение: вся земля как сетью опутана — и все в этой сети диавольской. И как же спастись? — спросил он. — Смирением, только смирением, — был ему ответ» (вроде более-менее точно записал слова о. Анатолия). Подарил мне книгу «Горение ко Христу. Духовный преемник прав. Иоанна Кронштадтского новгородский протоиерей Александр Ильин» — составительница только что привезла ему из Москвы…

21.07, вскр. Казанской иконы Божией Матери.

Перед выходом из дому — звонок из Москвы, от Черновых: вчера около 15 часов умер Евгений Евгеньевич! Как гром среди ясного неба… В Софии сразу заказал панихиду — Батюшка после Литургии отслужил; заказал сорокоуст.

После службы проводил Батюшку на автобус, по дороге рассказал ему о Евгении Евгеньевиче (о смерти сказал на исповеди — и он уже мол! шея о упокоении души раба Божия Евгения — и обещал молиться дальше), о том, что собираюсь ехать (Люба деньги занимает и проч.). Он меня сильно удивил — все выслушал, а потом решительно: — А стоит ли вообще-то и ехать! Ну что вы там сделаете? — Ему ведь ничего кроме молитвы уже не надо. — Я все же пытался объяснить — *что* и *почему*… — Нет, я ничего не запрещаю. Поступайте как знаете. Простоя высказал свое мнение…

Да, тут я растерялся: ехать — не ехать?..

Смущала чрезвычайно уверенность Аввы.

А с другой стороны, ведь мы действительно были близки с Евгением Евгеньевичем, ближе друга у меня не было среди писателей, он меня крестил… дочка у них сколько прожила!.. — и не явиться проводить, проститься… нет, как-то не по-людски.

На прощанье все же попросил у Батюшки благословения на поездку; — и он благословил с улыбкой в глазах.

В тот же день уехал в Москву.

Дважды прочитал над Евгением Евгеньевичем Псалтирь (оказалось, что кроме меня читать больше некому) — и лицо его преобразилось у всех на глазах — стало такое покойно-умиротворенное: как у спящего. Даже довольное, хочется сказать.

Четыре дня тело его лежало дома (в Москве не так-то просто похоронить человека). Столица задыхалась от 35-градусной жары. И — ни малейшего запаха тления! Более того, в день похорон в ближайшей округе с утра была прохлада, а на кладбище в Лианозово даже меленький дождичек покропил свежую могилу. А за ворота кладбища вышли — и опять жара!.. — Такие вот милости Господни были явлены моему покойному другу, настоящему православному христианину.

27.07, сб. После службы смог проводить Батюшку на автобус и все ему подробно рассказать: что наблюдал, что прочувствовал и пережил за эти пять дней в Москве. Он очень внимательно и серьезно слушал.

Все эти дни о. Анатолий молился об усопшем Евгении, так что это его молитвами все…

2.08, пт. Перед исповедью Батюшка говорил о возрождении язычества: как тогда язычники кричали «хлеба и зрелищ!», так и сегодня… уже даже и Богослужение в зрелище превратили — снимают, записывают на пленку, смотрят только, а не молятся…

По дороге из храма спросил о. Анатолия о преображениях телесных после смерти: значит, не просто брошенный сосуд, какая-то одухотворенность остается? — Батюшка объяснил так: изначально, до грехопадения, человеческие тела были другой природы — святы, а после грехопадения Господь дал праотцам «ризы кожаные», т.е. нынешнюю тленную плоть; но, считает Льва, изначальная одухотворенность плоти частично все же сохранилась, почему и

возможны такие случаи, как с Черновым. Высший смысл земной жизни — возвращение к той, изначальной святости.

3.08, сб. После службы Авва говорил об искушениях (потому что сегодняшнее занятие посвятил этому). «В нашем богословии ничего нет об искушениях… много формального — и страшно далеко оно от духовной практики». Говорил о плачевном состоянии нашего Православия, растлеваемого экуменистами, филокатоликами и другими еретиками. Еще говорил о целомудрии (по св. Иоанну Златоустому)…

4.08, вскр. В проповеди перед исповедью о. Анатолий высказался против *спорта* — языческие зрелища: новые гладиаторы; а еще и кумиротворение…

18.08, вскр. Батюшка перед исповедью говорил о необходимости *духовного разумения* в жизни.

25.08, вскр. Батюшка сказал, что прот. Николай Гурьянов с острова Залита вчера почил в Бозе. Ему из Москвы сообщили. Оказывается, во время войны в Вильнюсе они были с ним в одном монастыре, но не знали друг друга (хотя, скорее всего, встречались).

8.09, вскр. Сретение Владимирской иконы Божией Матери.

Вечером позвонил Батюшка — как радостно мне всегда слышать его! — Спросил, почему меня не было, я объяснил, что с 3-го болею. — И я тоже чуть не заболел, да Господь помог. — А .мне вот не помог… — Батюшка перебил, взволнованно: — Нельзя так говорить! — Я пытаюсь объяснить, загладить свою неловкость: — Нет, я ведь не ропщу. Слава Богу за все! Но я Ему молился… и вот, все равно заболел. — А я не молился, — говорит Авва. — Я просто сказал: да будет воля Твоя, Господи…

Такой вот урок смирения Батюшка мне преподал.

14.09, сб. На всенощную приехали три владыки: наш архиепископ Лев, архиепископ Нижегородский и Арзамасский Евгений и его викарий епископ Ветлужский Феодосий.

Батюшка пошел в раздевалку раньше других-1-й час еще не кончили: «Что-то неважно себя чувствую…». Когда он вышел, взял у него тяжелый дипломат, пошел за ним; около свечного ящика на выходе он остановился — нехорошо, видно; постояли, опять пошли; вышли — пошли по тропке сразу вправо, и опять встал: с желудком, говорит, что-то плохо, — я его взял под руку: простите, говорю, но я вас все же поддержу (он не любит этого); постояли — пошли; он спросил, уехали ли мои, смотрел ли его видеокассету [«Стук в Золотые врата» Ю. Воробьевского]… и опять встал — чувствую, что ему очень тяжко — и каков крепится из последних сил… Нас догнала Е.И., не знающая о Батюшкином недомогании, только когда мы в кремлевских воротах на выходе опять остановились, она удивилась: «Вам, что, нехорошо?» — а у отца Анатолия, чувствую, колени дрожат… — и до машины уже совсем недалеко. Пока стояли, машина подъехала к нам — я помог Батюшке сесть: ему уже так было, видно, плохо, что он ничего и не сказал и не посмотрел даже — весь в себе: последние силы собрал… Буди милостив, Господи. — Шел домой и молился. Только бы ничего серьезного не случилось…

15.09, вскр. Звонил Батюшке пол-8-го и в 8 часов утра — не отвечает. Ну все, понял я, увезли, видимо, в больницу… Около пол-9-го собрался идти в Софию — и тут такое искушение с дверным замком: сломалось что-то внутри — язычок не двигается, дверь не открыть. Пришлось перепиливать язычок! Пол10-го, наконец, смог выйти из квартиры и поспешил в Софию. Пришел где-то минут без пяти 10. Захожу, вижу — на исповедь уже почти никого нет, около о. Сергия несколько человек, а за ним… Батюшка! — живой-здоровый стоит у аналоя! Слава Богу!

Я так обрадовался, что трудно и передать. Кинулся к о. Анатолию, наскоро объяснил, в чем дело, и он принял меня под свою епитрахиль — исповедался, и Авва пошел встречать вместе со всеми архиереев…

Служили те же три владыки. Владыка Феодосий, оказывается, 9 лет возглавлял Русскую миссию на Святой Земле. А с владыкой Евгением (ему вчера 60 лет исполнилось) наш владыка Лев учился в семинарии; Батюшка помнит их иподиаконами.

После службы проводил о. Анатолия на машину. Чувствует он себя все же неважно — настолько, что попросил о. Сергия послужить за него в понедельник.

20.09, пт. Когда подошел на елеопомазание, Батюшка сказал: — Сейчас я уйду. — Что, плохо себя чувствуете? — Ничего не ответил, только кивнул головой.

Ну и я с ним ушел…

У Аввы и простуда и давление — завтра не служит из-за этого, а воскресенье — не ясно еще, как Бог даст [нет, не служил, болел].

Пошли к воротам на Волхов — довольно долго ждали машину. Разговаривали о разном. Батюшка читает письма игумена Никона (Воробьева) — и восхищен ими. Получил, в частности, по его признанию, «противоядие» от соблазна имябожничества. Слово — имя Божие — то же, что икона.

27.09, пт. Воздвижение Креста Господня.

Проводил Батюшку до машины на Сенную площадь. Говорили сначала об Иуде: прощен ли он Христом — может ли быть прощен; об эсхатологии св. Григория Нисского, а именно — о его мнении, что в конце концов Бог = Любовь простит всех: не принимал он вечных мук… — это характеризует, однако, только самого св. Григория…

26.10, сб. Иверской иконы Божией Матери.

[Около 5 часов утра спецназ освободил, наконец, заложников «Норд-Оста». Все эти дни — с вечера 23-го — самочувствие ужасное].

Проводил Авву до машины. Когда сказал ему о самочувствии (как будто сам там был), он признался, что и у него то же.

16.11, сб. Проводил Батюшку на автобус. Он рассказывал о записках священника Сергия Сидорова (расстрелянного в 30-х годах), говорили об Оптиной, Достоевском, Гоголе. Я сказал ему о своем духовном помрачении, он — в ответ: не то читать надо, не воспринимать так… Советует читать свт. Игнатия (Брянчанинова), напомнил его слова из «Отечника»: «…Остерегись, желая спасти ближнего, чтоб он не увлек тебя в погибельную пропасть. Последнее случается ежечасно. *Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею.* Устранись, охранись от него сам…»

10.12, вт. Иконы Божией Матери «Знамение».

Служили митрополит Солнечногорский Сергий и наш Владыка в сослужении сонма священников и при большом стечении верующих. В конце митрополит Сергий приветствовал новгородцев в связи с 1010-летием епархии, зачитал торжественное приветствие от Святейшего…

Взял благословение у Аввы, поблагодарил его за книгу старца Паисия Святогорца [«Слова». Т. 2: «Духовное пробуждение»] — …Только читать буду долго, простите уж меня. Можно? — Да вы вообще можете ее себе оставить, у меня такая еще есть. — Ну ничего себе! Выходит, Батюшка подарил мне ее — да на Знамение! — спаси его Господь.

2003

7.01, вт. Рождество Христово.

Исповедались, причастились с Алиной; а когда подошли к Батюшке под благословение — он благословил дочь иконой «Аз есмь с вами и никтоже на вы» — это было так трогательно. Потом он пошел на праздничную трапезу, а мы — домой…

19.01, вскр. Крещение Господне.

Проводил Батюшку на автобус, он по дороге вспоминал, как служил на Ладожском озере в 50-х годах — как в деревнях был нарасхват, какая была нагрузка — и не уставал.

16.02, вскр. В проповеди перед исповедью Батюшка обличал, в частности, современную моду — женщины носят мужскую одежду, что прямо запрещено Священным Писанием…

10.03, пн. (1-й день Великого поста).

[После Канона] …взял благословение у Батюшки — он полез вдруг в карман: — Принес тут вам, правда нехорошие, но потом, может, другие найду… — и положил мне в ладонь вязаные *четки* (!)…Радостное потрясение. Спаси его Господь! Не важно, *какие* они, главное — они *от него!* Благословение (и память).

22.03, сб. Когда по окончании всенощной подошел под благословение, Батюшка первым делом спросил о самочувствии; когда сказал ему, что поста не держу, и это меня угнетает, замахал на меня руками: — Да какой пост больному человеку! сказано ведь: не человек для поста, а пост для человека.

13.04. вскр. Прп. Марии Египетской.

Батюшка служил последнюю пассию, потом сказал проповедь о мучениках и новомучениках, последовавших за Христом, о том, какой это нам урок и пример.

25.04, Великая Пятница. Воспоминание Страстей Господних.

После чина погребения (кончили пол-9го) проводил, вместе с другими, Батюшку до машины. «Что-то качает, — говорит, — вот искушение». Во время службы он уходил в алтарь — и нет его и нет — минут через 40 только вернулся: видно, был момент — совсем плохо стало…

27.04, Светлое Христово Воскресение.

Пасхальное богослужение кончилось пол4-го. Похристосовался с о. Анатолием: он чувствует себя, по-моему, все хуже (опять уходил в алтарь, а в конце Литургии на «Всегда, ныне и присно…» даже не вынес, как обычно, Чашу, — это сделал за него другой священник). Спросил его о самочувствии: — Все плывет… — и пошел в епархиальный дом разговляться…

29.04, Светлый Вторник. Иверской иконы Божией Матери.

Звонил Батюшке в 19–30: его не было — в Софии, там сегодня Владыку поздравляют… Спросил,

как его самочувствие, — хорошо, ответила матушка. Оказывается, это *так* он постился — до изнеможения, а сейчас все хорошо. И — стыдно мне стало: а я-то — что…

10.05, сб. После службы проводил Батюшку до машины, но так много к нему подступалось людей с разными вопросами и нуждами, что ни словом было не перемолвиться.

25.05, вскр. Встретил Батюшку до исповеди — такой светлый! так он улыбнулся мне! — взял у него благословение (он просфору дал) — и так потом исповедался хорошо, и всю службу стоял просветленный…

31.05, сб. Вместе с женой проводили о. Анатолия до микроавтобуса. Люба рассказывала ему о Новой Опере [которая через неделю открывала своим «Евгением Онегиным» очередной Рахманиновский фестиваль]. Авва сказал, что когда учился в семинарии, три или четыре раза ходил на «Евгения Онегина», но больше ему нравится «Хованщина» Мусоргского, особенно «Рассвет на Москве-реке»… (он и мне говорил как-то, что в молодости, да и после, очень любил классическую музыку).

6.07, вскр. Исповедался — Авва о болезнях моих сказал, улыбаясь: — Значит Бог вас любит! — и утешил просфорой.

12.07, сб. Служил о. Александр. Батюшка на 20 минут опоздал (из-за автобуса) — и был смущен этим…

Проводил о. Анатолия — вспоминал опять крестный ход из Порхова в Никандрову пустынь.

20.07, вскр. Проводил вместе с другими Батюшку до машины. Он спросил, читаю ли я Паисия Святогорца. Сказал, что очень тянет в родные места под Порховом — на неделе сын Иван свозит его…

10.08, вскр. Смоленской иконы Божией Матери.

После службы проводил Батюшку до машины. Плохо, говорит, себя чувствует (это и так видно). Но — светлый такой, улыбается несмотря на немощи — и служит и служит. В отпуск, говорит, пойдет после Успения.

В последнее время беспокоили меня боли в животе, особенно участились они в августе. 27 августа с Успенской всенощной Галина Яковлевна отправила меня на епархиальной «Волге» домой — так мне стало плохо. Дома жена вызвала «скорую» — меня отвезли в ЦРБ и положили на обследование. Батюшка молился о мне. Благодаря тому, что на субботу-воскресенье меня отпустили домой, смог исповедаться и причаститься, слава Богу. В ночь на 4 сентября от бесконечных клизм мне стало так плохо, что спать не мог от боли, — *молился по Батюшкиным четкам, потом положил их на живот — и боли прошли!* И в ночь на 5-е так же молился по четкам. На Отдание Успения 5 сентября обследование завершилось диагнозом: опухоль в толстой кишке и направлением в онкодиспансер, с чем меня и выписали из ЦРБ.

5.09, пт. Первым делом позвонил Батюшке — рассказал, что со мной, спросил, как лучше сказать Любе, когда она позвонит [жена с дочкой были в Крыму на отдыхе], — он благословил сказать как есть — *куковать на Господа.*

7.09, вскр. Исповедался, причастился. После службы дождался Батюшку, *взял благословение на грядущие испытания…*

8–10 сентября — обследование в онкоцентре; 9го приехали с юга жена и дочка; 11 сентября —

медсовет, окончательное заключение: рак и назначение на завтра, 12-е, экстренной операции. До 21 часа отпустили домой.

11.09, чт. Усекновение главы Иоанна Предтечи.

С пол-6-го до 8 часов вечера готовился ко Св. Причащению. В 9-м часу позвонил Батюшке: сказал насчет завтрашней операции и попросил причастить.

Когда попал к о. Анатолию, он пригласил меня в кабинет. На столе лежал, кажется, «Русский Паломник» с большой публикацией о Псковской миссии (на оккупированной немцами территории) — и Авва стал рассказывать о миссии, о людях, которых он там знал… Он не понял, оказывается, зачем я пришел (видимо, я недостаточно ясно объяснил по телефону: полагал, что раз операция завтра, то и причащать надо будет завтра). В 20.45 я уже в отчаянии почти (что уйду без Святого Причащения) переспросил его, — и тут Батюшка, наконец, понял, зачем я пришел, — пошли е келию, где он меня исповедал и причастил Святых Христовых Таин, слава Богу. Жена с дочкой ждали меня на улице. В 21.30 с легким сердцем пришел в онкоцентр…

На следующий день в 11.40 меня взяли на операцию. Пошел на нее спокойно, зная, что Батюшка молится о мне. На операционном столе беспокоился об одном: чтобы уйти под наркоз с молитвой; крест, слава Богу, оставили на мне. Оперировали меня замечательные хирурги: начмед онкоцентра В.В. Иванченко и зав. хирургическим отделением С.А. Тверезовский. Милостью Божией по Батюшкиным молитвам операция прошла успешно — к 17 часам очнулся в реанимации, где провел четыре дня. И все эти дни молился по Батюшкиным четкам.

Провел в больнице две недели. 25 сентября жена принесла благословение от Владыки Льва, а на следующий день меня выписали.

27.09, сб. Воздвижение Креста Господня.

…Позвонил Батюшке: он очень был рад, — а я благодарил его за молитвы.

29 сентября звонил покойный ныне В.В. Ковалев, председатель нашей писательской организации: он разговаривал о столь благополучном исходе моей операции с оперировавшим меня В.В. Иванченко. Хирург говорит: *Бог помог.* Но — я-то знаю — по Батюшкиным молитвам. И по молитвам многих и многих братьев моих и сестер во Христе…

А дальше были шесть циклов химиотерапии, которые я тоже пережил при молитвенной помощи своего духовного отца.

5.10, ср. В 2 часа ночи проснулся от боли: страшно болел весь живот — напугался, молился по четкам, положил их на живот — боль постепенно прошла, и уснул.

6.10, чт. Память сщмчч. Дионисия Ареопагита, *пресвитера Рустика* и диакона Елевферия — день моего Ангела. (Первый раз в храме после операции, с бандажом на животе).

Пришел в Софию к концу исповеди… подошел к Батюшке — он разулыбался: ну наконец-то!.. Исповедался…

Причастился, слава Богу (больше месяца без Святого Причащения), и достоял всю службу до самого конца… Когда подошел ко Кресту, Батюшка поздравил меня и подарил большую служебную просфору и книгу прот. Сергия Чистякова «Бог в русской душе»…

После службы взял благословение у о. Анатолия — и *такой* он был светлый, и с такой любовью благословил, что в сердце у меня ответная к нему горячая любовь и благодарность вспыхнули — чуть не заплакал! Целовал его руку несколько раз и прижался к ней лбом (как дитя малое, которое не знает, как выразить свою любовь). Какой благодатный, счастливый день! — Слава Тебе, Боже, за все!

Батюшка предложил подождать, пока он отслужит панихиду, чтобы отвезти меня домой на машине, но я с благодарностью отказался (чтобы не перебирать…) и из храма пошел потихонечку…

2.11, вскр. Засыпал плохо — с сильными болями, даже испугался; заснул после двух с Батюшкиными четками на животе (в который раз помогают!), — и сутра и весь день потом живот не болел. Вместе с женой были в Софии: исповедались, причастились, после службы взяли благословение у Батюшки…

23.11, вскр. Патриарх прислал о. Анатолию поздравление в связи с 50-летием окончания Духовной академии, — всего четверо их, выпускников, осталось в живых, вместе со Святейшим.

27.11, чт. Апостола Филиппа.

По окончании богослужения взял благословение у Батюшки. Вот, говорю, без поста останусь, потому что врач-химиотерапевт сказала мне, что до окончания лечения мне поститься нельзя. — Да что вы! (даже недослушав) — *Господь спросит с нас, что мы делали, а не что мы ели!*.

2004

18.01, вскр. Крещенский сочельник.

На полиелее Батюшка покадил только главные иконы по сторонам царских врат и праздничную на аналое, а по собору с кадилом прошел о. Александр. Слабеют, видно, ножки у нашего дорогого Батюшки, помоги Ему Господь…

1.02, вскр. …Обнаружил, по ночи уже, что у нас с Любой считанные (буквально!) дни остаются для венчания… Надо срочно связываться с Батюшкой — и решать.

2.02, пн. После 16 ч. позвонил о. Анатолию и поехал к нему: вернул ему видеокассеты и проч. Когда заговорил о венчании, он живо откликнулся: — Давайте в среду! (т.е. 4-го), но я отказался: нет, мы не успеем подготовиться, — пришли к тому, что в воскресенье 8-го Батюшка назначит или на 9-е или на 11-е. Он дал мне номер «Русского Паломника» с сочинением о. Серафима (Роуза) об архимандрите Фотии и графине А.А. Орловой-Чесменской… Поговорили о духовных тяготах и деформациях современной русской жизни, и я ушел.

Дома сказал Любе о нашем решении и о первоначальном предложении Батюшки — она загорелась: давай в среду! — Позвонил о. Анатолию — сказал, что мы будем готовиться к среде 4-го. Он — с радостью…

4.02. ср. Апостола Тимофея. *День нашего с Любой венчания.*

Исповедались (я — первым, отчего-то растерявшись, — видимо, волнение все же было, — чуть не отошел не приложившись ко Кресту и Евангелию, — Батюшка, спасибо, вовремя одернул; Люба долго исповедалась), причастились…

Народу было довольно много (для будничного богослужения), думаю, потому что Батюшка

служит.

После Литургии он отслужил панихиду, а мы ждали его у придела Рождества Пресвятой Богородицы, где уже начали все готовить к венчанию.

Самое венчание пролетело как-то очень быстро и смутно. Немного запутались с кольцами. Венец на голове держал в напряжении: как бы не уронить…

Волнение, конечно, сказывалось: момент, действительно, важный! — столько собирались, через такие искушения прошли — и вот, наконец, свершилось!.. — Батюшка радовался, по-моему, чуть ли не больше нас.

29.02, вскр. Торжество Православия.

На исповедь вышел о. Александр — и сразу стало тревожно: что с Батюшкой?

Домой пришел — сразу позвонил о. Анатолию: у него, похоже, грипп…

4.03, чт. Вчера звонил Батюшке: поправляется, слава Богу.

6.03, сб. Среди дня звонил Батюшке: слава Богу, поправился настолько, что вчера вечером служил — и сегодня собирается. И завтра, даст Бог, будет…

7.03, вскр. Свт. Григория Паламы.

Служил Владыка. После входа с Евангелием он зачитал указ Святейшего Патриарха о награждении протоиерея Анатолия Малинина *правам, ношения второго креста с украшениями* (первым он был награжден давно, лет тридцать назад).

После службы все поздравляли Батюшку… М. преподнесла ему огромный букет чудных белых роз.

<…>

На первой пассии Евангелие читал о. Виктор. Потом о. Анатолий сказал проповедь о необходимости следовать Божией воле и быть верным Богу даже до смерти — на примерах мучеников и новомучеников.

12.03, пт. После 14 звонил Батюшке: нет, еще не совсем поправился, но — служить в субботу-воскресенье будет…

13.03, сб. После всенощной вместе с другими проводил о. Анатолия до машины. Пожаловался, что его качает — нездоровье дает себя знать.

Сказал, что во вторник по «Славии» будет передача о нем.

Когда он уехал, узнал от М., что собирают 20 человек читать Псалтирь о Батюшкином здравии — и он сам, вроде, благословил. Попросил и меня записать…

14.03, вскр. Крестопоклонная.

Меня записали на чтение Псалтири — сказали читать 15-ю кафизму 20 дней, начиная с завтрашнего…

Вместе с другими проводил Батюшку до машины.

17.03, ср. Позвонил Батюшке: к великому сожалению, не смог посмотреть передачу о нем — попросил видеозапись; спросил, будет ли соборовать на следующей неделе, — будет: а когда — сообщит.

21.03, вскр. Перед причащением М. подошла — сказала, что Батюшка благословил пригласить меня (нас с Любой) к ней на соборование (жаль, что у нас, значит, не будет; но уж как благословил; ему сейчас по состоянию здоровья трудно в разных местах соборовать — легче в одном собрать побольше чад).

Когда подошел под благословение, он подтвердил о соборовании.

22.03, пн. Сорока мучеников Севастийских.

В 8.20 были с Любой напротив Центрального рынка. Мокрый снег. В 8.35 М. подъехала с Батюшкой. Дом их, оказывается, рядом…

Народу набралось много — человек 17, не меньше. Начали в 9 часов — к 11 о. Анатолий соборование кончил, перешел к исповеди и причащению. Все исповедались и причастились. Потом — общая трапеза.

Посмотрели запись передачи о Батюшке — куцая какая-то (а записывали, он говорил, два дня!).

Проводили о. Анатолия довольно скоро — он явно устал.

27.03, сб. Когда после всенощной подошел к Батюшке под благословение, спросил, как он себя чувствует: средне, говорит, давление…

28.03, вскр. Прп. Марии Египетской.

На исповеди Батюшка утешил просфорой. Ему сослужили о. Александр и о. Виктор.

Сразу после Литургии — панихида по С. В.Рахманинову… Канун поставили за кафедрой. — Хорошо отслужили.

Проводил Батюшку на машину, вместе с другими.

31.03, ср. В 8.35 был в Софии,- думал, что великопостные часы начнут раньше.

У выхода из Предтеченского придела встретил Авву — взял благословение, поговорили (у него сыновья съехались)… Батюшка ждал о. Виктора — он должен был служить часы. Когда о. Виктор пришел, Батюшка начал исповедь…В 9.45 о. Анатолий начал вечерню — и до пол-12-го кончили. И народу много было — полный придел, и снаружи стояли — и причащались практически все.

После службы подождали с С. Авву, проводили его на машину. Несмотря на усталость он бодр.

3.04, Лазарева суббота.

Прочитал последний (20-й) раз пятнадцатую кафизму о здравии о. Анатолия.

После всенощной взяли с Любой благословение у Батюшки, проводили его вместе с другими до

машины.

4.04, вскр. Вход Господень в Иерусалим.

Исповедались (Батюшка утешил просфорой). Народу было много. Причащали все четверо, 1Мы с Любой причастились у о. Анатолия.

Проповедь сказал о. Александр. Во время проповеди Батюшка вышел из алтаря — взяли у него благословение. *Какой он удивительно светлый и вчера был и сегодня!..*

5.04. Страстная. Великий Понедельник.

После завтрака сел было писать пасхальные поздравительные открытки… Только еще настраивался — телефонный звонок — Г.: — **Сегодня утром Батюшка умер!** — Что?! — Как обухом по голове. Только что — вчера — такой светлый, радостный, нас благословил.

Растерялся — позвонил Любе: что делать?

Позвонил Малининым — ответил, видимо, один из сыновей. «Можно приехать?» — «После пяти». Позвонил Любе: после пяти поедем к Батюшке.

В смятении молился, зажег лампадки, прочитал панихиду из Богослужебного сборника.

Звонил М. — договорились ехать вместе. После его звонка — такие слезы! Упал у себя перед иконами и плакал.

Звонила И.: продолжим читать Псалтирь.

Звонила Г.С. — плачет: как же мы теперь будем без Батюшки? — Поговорили — тоже приедет к пяти.

Звонила Н, — почти рыдает: ей в конце сегодняшней службы сообщили, — и у меня опять слезы, хоть я и утешал ее как мог…

Опять звонил Г.

Не зная, что делать, схватился за работу…

…Читал канон за единоумершего, когда пришел М. Вызвал такси, поехали забрали Любу, на Садовой купили цветы и поехали к Батюшке. Около дома стояли уже человек восемь. В 17 часов пошли в дом. Нас встретила Галина Яковлевна, сказала, что завтра гроб с телом Батюшки поставят в Софии, а послезавтра, 7-го, повезут в Хутынь, где и погребут (так, видимо, Владыка благословил, хотя сам Батюшка хотел бы покоиться на Рождественском кладбище — вместе с родителями и духовным отцом прот. Александром Ильиным).

Вошли. Гроб стоит наискось — лицом к святому углу, к иконам. Батюшка — как спит, в полном облачении, белом, в митре, лицо покойное, умиротворенно-доброе, даже тень улыбки на устах, глаза так прикрыты, как будто он вот-вот их откроет… В руке, левой, с изувеченным пальцем, деревянный крест, под нею Евангелие (небольшое, в красном переплете, с бронзовыми накладками).

Пошли, пошли вокруг гроба — и я оказался в ногах. Посмотрел-посмотрел на Батюшку — и так горько стало и тяжело, что больше нет его у нас, у меня, — опустился на колени, сделал земной поклон — и слезы одолели: как же теперь быть без Батюшки?! к кому пойдешь?.. — я

плакал… и еще кто-то, и еще…

Постепенно унял слезы, встал.

Стоял — смотрел на Батюшку, смотрел — и не то молился, не то плакал сердцем — и не наглядеться было…

Люди подходили по очереди — просили прощения, прикладывались ко кресту, к руке, уходили.

Люба приложилась, многие еще (человек около двадцати, наверно, было), как ни тяни, надо было и мне — сделал два земных поклона, поцеловал крест, руку, припал ко кресту и руке Батюшкиной и помолился как мог: отец Анатолий, дорогой, не оставляй нас, моли Бога о нас… Еще один земной поклон сделал, попрощались с матушкой, с остальными и ушли…

Около пол-10-го Люба звонила Алине: сообщила ей о смерти отца Анатолия — для дочери это тоже удар. Поговорили с ней о Батюшке…

Матушка сказала, что Батюшка умер где-то около 9 часов утра — она и не слышала. Он собирался сегодня их (матушку и еще, видимо, кого-то из домашних) соборовать. Она пошла к нему — а он уже мертв, она не сразу и поняла…

А вчера около 18 часов у него была М. — он был бодр, как я понял, шутил, так что ни у кого никакой мысли о кончине не могло и появиться.

И вот — успе. Честна пред Господам смерть преподобных Его.

6.04. Великий Вторник.

…Собирался к 15 часам в Софию — — позвонила Г.С.: оказывается, не к 15, а к 16 часам, и не в Софию, а в церковь апостола Филиппа, где Батюшка прослужил 30 лет.

К 16 часам и Люба пришла — поднялись в Никольский придел — Батюшка лежит уже с закрытым лицом (как положено священнику). Приложились (душа воет), постояли, поговорили с Т.В. (оказывается, он умер в 9-м часу; будильник его как встал на 8.05, так никто больше не может его завести), с Е.И. (вся заплаканная) — и в пятом часу ушли.

…К 18 часам пошел снова к апостолу Филиппу. Всю всенощную стоял в Никольском приделе. Служил Владыка. В начале приложился — потом всю службу стоял ничего почти не слыша, смотрел на Батюшку в гробу, к которому шли, и шли, и шли люди. Стояли рядом с М., вокруг многие из чад, родня.

После всенощной Владыка со священством отслужил панихиду. По окончании сказал краткое слово, из которого я, в частности, понял, что награждение вторым крестом (исключительное для «белого» священника) было явно предсмертным: пасхальная награда — а вручается среди поста. Просто Владыка видел, что Батюшка уже на исходе. Да и сам отец Анатолий, оказывается, говорил: нет, мол, не доживу до конца поста.

Владыку проводили, и сыновья — о. Тимофей и о. Корнилий продолжили читать Евангелие, а все стали прощаться с Батюшкой — прикладываться; много маленьких детей (3–5 лет) — пока все прошли… Я приложился в числе последних и после 22 часов ушел вместе с Г. и М. Ужасно не хотелось уходить — так стоял бы и стоял… да (по болезни-то) сил на завтра не хватит…

Г. и М. разговаривали с дочкой Батюшки Софией. Она рассказывала, как именно он умер. За

две недели до этого она видела во сне, что отец умер — и даже как, — и сначала обеспокоилась, а потом и забыла: а вышло все — как во сне.

7.04. Великая Среда. Благовещение Пресвятой Богородицы.

…Пришли с Любой в Софию. Читали часы, исповедовали. Приложился к Батюшке. Руки худенькие, прохладные, мягкие, желтоватые только… Встал близ Батюшки, у изголовья гроба.

Литургию служил архиепископ Лев в сослужении более 20 священников. Я стоял как в тумане: что слышал, что не слышал (в полуотсутствующем состоянии) и смотрел почти все время на Батюшку. Стоял — и в какой-то момент представилось: сейчас вот приложусь ко кресту, к Батюшкиной руке — а он другой рукой возьмет да и погладит меня по голове! — и так захотелось, чтобы так и было… До Литургии и после малого входа люди шли и шли, прикладывались, цветов море — их не успевали убирать из гроба и около. Время от времени такая скорбь находила, слезы еле сдерживал.

Люба пришла около 11 часов и все время была рядом.

Сразу после Литургии началось отпевание. Священники еще подошли, так что в общей сложности их собралось около тридцати.

Отпевание продолжалось часа три, не меньше. В конце со словами памяти отца Анатолия выступили Владыка, еще кто-то, о. Амвросий и о. Тимофей. Потом все духовенство попрощалось с Батюшкой, после чего и нам, мирянам, разрешили еще приложиться на прощание.

Обнесли Батюшку вокруг Софии (как на Пасху: и народу!), поставили гроб в микроавтобус и увезли в Хутынь. А мы с Любой, как и многие другие, пошли на Софийскую площадь, откуда уехали на епархиальном микроавтобусе.

В Хутыни гроб поставили на паперти Спасо-Преображенского собора, о. Макарий отслужил панихиду, и гроб понесли на погост за храмом. В ряд стоят три креста: Корсунов, архимандрит Агафангел, монахиня Елена. И вот теперь еще и протоиерей Анатолий Малинин.

К погребению я уже совсем отупел. Стоял просто, смотрел, слушал — и как бы ничего уже не воспринимал.

Прошел в общей череде по-над могилой, бросил горсть земли. Она стукнула о крышку гроба — и тупой болью отозвалась в сердце.

Поверх могильного холма скоро образовался цветочный холм.

А как кончили погребение, пригласили всех родственников, духовенство и всех желающих в трапезную на поминки. Мы не пошли: без сил. Около 18 часов уехали на том же микроавтобусе…

А день сегодня такой чудный отстоял — с утра до вечера.

Памяти отца Анатолия

Он не ушел от нас,
Он духом с нами.
Остался кротким, добрым, дорогим.

И тишина предутреннего храма
Хранит его неспешные шаги.
Он не ушел, и по его молитвам
Да не коснутся нас беда и зло.
Он в нас всегда —
Как свет лампад софийских,
Как освященных вербушек тепло.

Нина Ромина

Мой самый родной человек

Осенью 1954 года в Никольском соборе Новгорода появился новый священник — Анатолий Малинин, молодой, стройный, красивый, в светлом подряснике с расшитым поясом. А молодой священник в те годы, надо сказать, был редкостью. Атеистические власти всячески препятствовали омоложению клира. В храмах служили священники в основном преклонного уже возраста. А тут — такое явление. Мы, молодые девчонки, которые пели тогда в церковном хоре, конечно, не могли не обратить на него внимание. И так он нравился нам. Серьезностью, ревностным отношением к богослужению. Мы знали, что пригласил его настоятель протоиерей Александр Ильин, к которому отец Анатолий относился с громадным уважением и во всем старался подражать ему. Отец Анатолий привлекал и внешним своим обликом — у него были длинные волосы, ясный, лучистый взгляд, исполненный искренности и доброты. Маме моей, строгой молитвеннице, он очень нравился, и когда потом он обрезал волосы, она очень расстраивалась: ну зачем же он это сделал? Так же только обновленцы стригутся…

Он прекрасно знал церковный певческий обиход. Любой глас мог спеть сразу и без запинки. Я вот специально училась и все гласы знаю, но, нет, так как он не смогу. Он и нас учил правильно петь. Сам занимался с певчими. Строго следил за соблюдением всех уставных требований за богослужением. Читали, помню, как-то канон — и пропустили что-то, так отец Анатолий сразу вышел из алтаря и сделал нам замечание, Мы удивились: «Неужели вы, батюшка, все помните?» — «Ну а как же иначе…».

Сначала отец Анатолий держался застенчиво. Но довольно скоро освоился, начал говорить проповеди — да еще и как! Проповеди его слушали со вниманием, потому что они у него всегда исходили из глубины души. Простые и искренние, они вызывали у слушателей глубокие ответные чувства.

Когда отец Александр заболел и был вынужден уйти за штат, а это было уже в церкви апостола Филиппа, куда священство и верующих перевели из Никольского собора в хрущевские времена, то настоятелем стал отец Анатолий. Он старательно поддерживал тот же порядок, что был установлен отцом Александром. Сам принимал исповеди в субботу вечером, что не исключало, конечно, и утренних исповедей, служились акафисты в среду и пятницу, причем нередко они пелись всеми молящимися, что очень радовало отца Анатолия. У отца Александра он перенял и самое главное — воспитание собственным примером: никогда никого ни к чему не понуждал, не заставлял, но увлекал за собой…

У священства тогда было принято ежедневно читать жития святых дня. Придешь, на столе книга лежит, толстенная, «Жития святых», раскрытая. Так, день за днем, прочитывались за год все жития. Такой подвиг был.

Я работала тогда на швейной фабрике, причем с большим увлечением. Швейное дело мне вообще нравилось, да и операция у меня была ответственная и дорогая. Так что когда батюшка

Анатолий вдруг предложил мне перейти в ризничные, я отказывалась: я же ничего в этом не понимаю, не разбираюсь в облачениях, ничего не умею. Но батюшка настаивал: ничего, научишься, все будет хорошо. И уговорил. По его настоянию пришла в храм, по его молитвам постепенно освоилась. Но все равно еще какое-то время, уже будучи ризничной в церкви апостола Филиппа, бегала на фабрику и шила — так меня влекло это дело…

В ризнице первым делом пришлось наводить порядок с облачениями — все были не только ветхие, но еще и страшно закопченные. Поэтому сразу же, по благословению владыки Мелитона, сдала их все в химчистку, откуда они вернулись, на радость священства, как бы обновленными.

Когда я пришла работать в храм, у меня установились такие простые отношения с батюшкой Анатолием, что он мог, например, срочно позвать меня петь: «Иди скорей, петь некому!» — «Да у меня же с облачениями, батюшка, еще сколько работы!..» — «Ну что ты тут со своими тряпками! Подождут — служба ведь важнее…» Или читать ставил, если некому было. Все приходилось делать.

Если шел кого-нибудь отпевать, всегда брал с собой и меня: читать, петь. Постепенно это вошло у нас в привычку — и без меня он никуда обычно не ездил.

Батюшка бывал у нас дома — в день Ангела мамы, на мои именины, на Рождество приходил обязательно славить, на Пасху, конечно… Ну и так, случалось, заходил. Мама его очень любила и уважала. А она была очень строгая, взыскательная, воспитанная в монашеском духе. Вообще, в советское время в условиях гонений на Церковь вера в людях была гораздо крепче, нежели в наши дни, когда дождались наконец свободы вероисповедания. Свобода есть, а верующий народ духовно расслабленный какой-то, настоящего горения нет. Ведь в советское-то время литературы духовной не было. Если удавалось чудом какую-то книгу духовную достать, мы передавали ее бережно, как великую драгоценность, из рук в руки и переписывали. У меня до сих пор сохранились две таких переписанные мною в молодости книги. И какое же это было тогда для меня наслаждение!

Батюшка приходил в храм очень рано. В семь часов он уже стоял перед жертвенником, на котором лежали вороха поминаний. И все их он неотступно прочитывал. «Вот, видишь, — показывал он мне, — все твои тоже здесь». Иногда бывало перед службой только заикнешься попросить помолиться, а он: «Уже помолился». В храме было четыре священника, череду служили по неделе. Но даже если была и не его неделя, батюшка все равно почти каждый день был в храме. Без храма, без богослужения он не мог. В этом была вся его жизнь.

Он с большой радостью принял назначение в Софийский собор после его возвращения Церкви. «Вот видишь, до чего дожили, — радовался он, — в Софии служим. Разве могли мы когда-то подумать, что до этого дойдет». Служить в древнейшей Святой Софии было для него счастьем.

Он был очень добр, мягок, но мог, когда надо, быть и строгим. Мог и резко кого надо на место поставить. Сам будучи очень сдержан на слова, не любил празднословия и бессмысленных споров — резко пресекал.

Последние месяцы он болел, слабел. Предчувствовал, видно, свой приближающийся конец. И даже иногда и заговаривал об этом. Сшила я ему новый льняной подрясник на Пасху. А он его ни разу и не надел. Только в гробу лежал в нем.

Как ни очевидны были признаки угасания отца Анатолия, а все равно известие о его смерти, принесенное Галиной Яковлевной, оказалась для меня полной и оглушительной

неожиданностью. Стою и не знаю, что делать. Как жить теперь. Как дышать… Галина Яковлевна уговаривает меня поскорее одеваться, чтобы ехать к батюшке, а я ничего не понимаю и не знаю, во что мне одеться… Как же так! Нет, не хочу я его мертвого видеть!.. Едва привела меня Галина Яковлевна в чувство. Но это горестное сознание, что я потеряла самого родного человека, так и осталось с того дня во мне. Потеряла в этой жизни. В вечной-то жизни и я и все мы, его чада, обрели великого молитвенника за нас. И когда вскоре после смерти отца Анатолия обрушилась на меня серьезная болезнь, то именно его святыми молитвами я успешно перенесла операцию и последующее лечение. Его же молитвами живу и до сих пор. Как многие и многие.

Екатерина Иванова, бывшая ризничная Софийского собора

Он воистину исполнил закон Христов

В конце 50-х годов Никольский собор был единственным действующим храмом в Новгороде и всегда был полон народа. К числу постоянных прихожан относилась и наша семья. Там я еще девочкой-подростком и познакомилась с отцом Анатолием Малининым. Несмотря на свою молодость тихий, скромный и ко всем внимательный священник быстро заслужил уважение верующих.

Имея своих детей, он и нам, детям прихожан, уделял немало времени и сил. У меня рано умер отец, и, зная это, своей пастырской любовью батюшка старался возместить недостаток отцовского внимания. Он постоянно интересовался моими оценками и поведением в школе. Когда я, случалось, жаловалась ему, что в школе меня дразнят «богомолкой» и обзывают разными другими словами, он приводил примеры из житий святых, говорил, что нужно молиться за обидчиков, как учил нас Господь наш Иисус Христос, что нельзя отвечать злом на зло, что мы, христиане, должны быть примером во всем — и в учебе и в поведении.

Тогда отец Анатолий обычно приезжал в храм на велосипеде. А однажды приехал на… новеньком мотороллере! Это и само по себе в те годы и в том моем возрасте было событием. Но главное, что приковало мое внимание — старший сын батюшки Иван, восседавший на заднем сидении. Ах, как я ему завидовала в тот момент! Прочитав в моих распахнутых глазах эту зависть, отец Анатолий на следующий день прокатил меня на своем замечательном мотороллере до самого моего дома. Надо ли говорить, что моей радости не было предела. Благодарная память об этом чудесном дне до сих пор жива в моем сердце.

С началом хрущевских гонений на Церковь в 1962 году Никольский собор закрыли, и наша община переехала в церковь апостола Филиппа, в которой отец Анатолий через несколько лет стал настоятелем. Он, можно сказать, и определил всю мою дальнейшую судьбу.

С возрастом я проявляла все более сознательный интерес к церковному богослужению, к пению и чтению. Часто ходила на будничные службы, где с благословения отца Анатолия пела, читала часы, Апостол. И однажды батюшка предложил мне поступить в храм на постоянную работу. Но тогда, в 1967 году, оформить молодую девушку на работу в храм было практически невозможно: богоборческие власти делали все, чтобы воспрепятствовать приходу молодежи в Церковь. И только благодаря тому, что отец Анатолий позвонил правящему архиерею — митрополиту Никодиму (Ротову), а тот, в свою очередь, как-то умудрился воздействовать на новгородского уполномоченного по делам религии, меня приняли все же в храм. Где я и прослужила, милостью Божией, под руководством отца Анатолия до 1991 года.

13 мая 1977 года в память святителя Никиты, мощи которого стояли в нашей церкви.

Божественную литургию совершил митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим в сослужении архиереев, среди которых был и архиепископ Выборгский Кирилл (Гундяев), ректор Ленинградских духовных семинарии и академии, а ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси. После литургии отец Анатолий сказал мне пойти на прием к митрополиту Никодиму и архиепископу Кириллу. Оказалось, что он рекомендовал меня для поступления на регентское отделение, которое в том же 1977 году собирались открывать. Однако из-за последовавшей вскоре скоропостижной кончины владыки Никодима регентское отделение в Ленинградской семинарии открыли только в 1979 году. Его я и окончила, с благословения отца Анатолия, через четыре года.

Я счастлива, что в течение всех этих лет отец Анатолий был моим и начальником, и духовным наставником.

Спустя годы понимаешь, каким трудным был путь его церковного служения как настоятеля. В советское время все, что происходило в церкви, было под строгим контролем уполномоченного по делам религии при облисполкоме.

В пору настоятельства отца Анатолия главным правящим органом православной общины была так называемая «двадцатка». В нее входили тогда люди, пережившие репрессии 30-х годов и войну, боявшиеся ступить «шаг влево, шаг вправо», чтобы чем-нибудь не угодить уполномоченному. Каждое свое решение они согласовывали с ним, и эта их угодливость ему льстила. Писали ему отчеты обо всем, о чем бы он ни велел, спрашивали разрешения на любую мелочь: сколько можно купить лампочек? можно ли на праздник купить цветы? можно ли купить ковер?.. и т.п.

И в этих условиях отцу Анатолию надо было поддерживать храм в порядке и возможном благолепии, не отступать ни в чем от церковного устава, а еще и причту платить… Проблемам не было числа, и все их батюшка так или иначе вынужден был решать. Один Господь только знает — чего это ему стоило!..

После того как в 1988 году Русская Православная Церковь отпраздновала 1000-летие Крещения Руси, причем вместе со всей страной, мы, православные христиане, почувствовали некоторое ослабление гнета со стороны властей. И вот однажды отец Анатолий пригласил меня на разговор о дальнейшей судьбе нашего прихода. К тому времени в силу моего длительного и активного участия в жизни общины, да и моего регентского положения батюшка нередко советовался со мной по текущим делам или каким-то назревшим проблемам. Времена начали меняться к лучшему, а наша двадцатка оставалась той же — навсегда парализованной страхом перед уполномоченным. Это сильно мешало настоятелю в его стремлении использовать новые открывающиеся возможности на благо церкви. И вот, чтобы «оживить» двадцатку, освободить от привычной зашоренности, отец Анатолий предложил нам всем хором вступить в нее. Конечно, как было не согласиться! Эту нашу инициативу одобрил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Ридигер) (впоследствии Святейший Патриарх Алексий II, ныне почивший). И мы начали потихоньку реформировать нашу приходскую жизнь, освобождать ее из привычных пут. Теперь на собраниях двадцатки отцу Анатолию было на кого опереться в своих начинаниях. На собраниях присутствовали представители горадминистрации, уполномоченный по делам религии. Видя, что настоятель пользуется поддержкой двадцатки, они вынуждены были с этим считаться.

С 1984 года мы с отцом Анатолием жили по соседству. В храм и из храма почти все время ездили вместе. И, конечно, вели разговоры на разные темы. Батюшка был очень интересный собеседник. Он столько всего знал! А как глубоко понимал он людей! Теперь вот осознаешь, сколько в нем было мудрости, терпения, любви ко всем окружавшим его людям, а главное —

сколько в нем было смирения.

До конца его дней мы часто с ним виделись. Он очень сопереживал мне и сочувствовал, когда у меня возникли большие жизненные проблемы. Батюшка всегда молился за меня как за свое духовное чадо, да и сейчас, я знаю, молится перед Престолом Всевышнего. Он был великий молитвенник. И великий труженик. Помимо пастырских трудов, к которым он относился с величайшей ответственностью, он очень много всегда работал по дому, помогал своей матушке, неусыпно занимался воспитанием детей. Видя, как он устает, я, случалось, говорила ему: зачем же так трудиться, надо же и отдыхать, на что батюшка неизменно отвечал: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов».

Да, он воистину исполнил закон Христов!

Не случайно отец Анатолий так много внимания уделял толкованию заповедей блаженств. Он сам жил по ним. И верится, стяжал блаженство в пакибытии. Теперь душа его «радуется и веселится, яко мзда его многа на небесех».

Нина Исакова, бывший регент церкви св. апостола Филиппа

Это был настоящий подвижник

Отца Анатолия Малинина я знала около пятидесяти лет, с начала его служения в Новгороде. Его духовная, молитвенная поддержка всегда спасала в трудные моменты жизни. Я шла к нему со всеми своими немощами и переживаниями, он умел утешить и посоветовать, так что все скорбное как бы уходило, на душе становилось светло и тихо.

Батюшка любил каждого человека, видел в нем образ Божий и всегда учил никого не осуждать. К каждому у него был свой подход. С какими только вопросами мы к нему ни подходили, он не гнушался наших житейских забот, умел вовремя поддержать, успокоить. Терпеливо выслушивал каждого и всегда давал добрый совет и наставление, был снисходителен к нашим слабостям и немощам. Никого никогда не обличал. Такое терпение и смирение редко встретишь. И мне часто повторял: «Молись, терпи, смиряйся, не ропщи».

Это был настоящий, большой подвижник. Много молился ночами. Никому никогда не отказывал в требах, ходил по домам, в больницы, куда его звали, в любой район города, в любую погоду — причащал, служил молебны, отпевал.

Имея большую семью, постоянно трудился физически у себя дома.

Он не знал отдыха. На службу в церковь долго ездил на велосипеде. Приходил в храм рано, готовился к службе не спеша. Батюшка всегда учил больше бояться Господа, чем людей, отдавать себя полностью в послушание Господу, и тогда Господь управит нашей жизнью. «Мы мучаемся оттого, что маловерные. За все надо благодарить Господа», — говорил батюшка.

Отец Анатолий немало претерпел в жизни всяких скорбей, гонений, но, преданный Господу во всем, он всегда себя как бы скрывал, прятал, чтобы не быть на виду. В вопросах веры и богослужения был строг.

Ему многое было открыто. Духовными очами он нередко провидел события, происходившие со мной. Я только собиралась о них сказать, а он уже заранее все знал и молился, чтобы помочь, утешал в искушениях.

Прихожу как-то в храм, исповедалась, отец Анатолий накрыл епитрахилью, прочитал разрешительную молитву, а потом говорит: «А к причастию я тебя не допускаю, потому что ты молитвы не читала». «Правда, — говорю, — батюшка, не читала». А когда по немощи, по болезни не могла правило вычитать, — допускал.

Однажды бессонной ночью читала Богородичное правило, а между десятками читала молитву за духовного отца. Прихожу на исповедь, а батюшка говорит: «Спасибо тебе за молитву!».

Навсегда останутся в памяти общие исповеди у батюшки, которые раньше проходили вечером, накануне причастия. Без слез невозможно было слушать его, так ощущался дух покаяния, очищения. Какое утешение, какая радость содержалась в его благословляющей руке! Каждый, кто подходил к нему за благословением, уносил в своем сердце чувство благодарности к доброму, мудрому пастырю. Таким он останется с нами всегда.

Фаина Иванова

Каждое его слово было мне утешением

Впервые я встретилась с отцом Анатолием Малининым в 1957 году. Служил он тогда в Никольском соборе, и было ему 32 года. Я пришла в храм со своей печалью — заказать сорокоуст по умершему отцу, па похороны которого не могла поехать. Тяжело мне было в тот день. После службы я подошла к батюшке и поведала ему свою печаль. Отслужив панихиду, он выразил мне сочувствие и посоветовал в день похорон пойти на кладбище и проводить в последний путь того, кого будут хоронить. Так я и сделала, и мне, действительно, оказалось легче пережить этот скорбный день. Сколько доброты и тепла я тогда почувствовала при общении с отцом Анатолием! Он был немногоречив, но каждое его слово было мне большим утешением и согревало мою душу. Я никогда этого не забуду.

Вскоре Никольский собор закрыли, и богослужения стали проходить в церкви апостола Филиппа. Я, к сожалению, не часто тогда ходила на службы, но когда приходила помолиться и видела отца Анатолия, у меня так хорошо становилось на душе. Его голубые глаза источали необыкновенную доброту и любовь к людям.

В 1991 году освятили Софийский собор, и отец Анатолий стал служить в нем. Это был уже с большим опытом убеленный сединой священник. Вскоре открылась воскресная школа при Софийском соборе, первая в городе, в которой начал преподавать отец Анатолий. Занимались по субботам, сначала в Иоанновском приделе. Сидели кто на лавках, кто на полу, а батюшка перед нами — на стуле, с Библией на коленях. И стал он нам в пустые головы вкладывать азы богословия. Имея высшее духовное образование и многолетний опыт служения в Церкви, он строил свои занятия с нами очень содержательно и интересно, и слушали мы его со вниманием, старались все записать, запомнить, не все еще до конца понимая. Позднее у нас стали и вопросы возникать к батюшке, и он терпеливо, со свойственной ему деликатностью, отвечал на них. А после занятий каждый из нас подходил за благословением, и несмотря на усталость и предстоящую службу он каждого выслушивал, каждому давал совет или наставление, по-отечески любя всех нас. А какие проповеди он читал по праздникам, сколько знаний вкладывал в них!

Батюшка Анатолий был и моим духовным отцом. Трижды я просила его выслушать мои нераскаянные грехи. Не осуждая и не перебивая меня, он только говорил мне тихо: «Бог милостив, молись и верь и не греши больше».

Тихо и благоговейно ушел из жизни земной всеми любимый наш батюшка. Хочется верить, что

и сейчас отец Анатолий молится за нас перед Господом, чтобы простил Он наши грехи. Батюшка обращался ко всем в храме: «Возлюбленные!» — и мы любим и помним отца Анатолия.

Римма Рыбкина

Пастырь добрый

Для своих духовных детей и для многих прихожан Софийского собора он был просто Батюшка. Одно это слово уже заключает в себе так много смысла, горячей любви, человеческой теплоты, что не хочется искать других слов, но вслед за Епифанием Премудрым повторять: «Да что тя еще прочее нареку, что еще требуеши именований, что еще не стало на похваление прочих наречений твоих». И не потому, что нечего сказать или нельзя подобрать хвалебных слов, а просто потому, что «память сердца» плохо выражается в словах.

Отец Анатолий не мыслил свою жизнь без служения: не только служения — службы в храме, но и постоянного служения — заботы о людских душах, об их просвещении Словом Божиим. Мне кажется, он верил, что даже семя, упавшее при дороге, или среди терний, или даже на камень, не умрет бесполезно, но когда-нибудь принесет добрый плод. Поэтому он не уставал взывать, учить, наставлять, проповедуя с амвона, а потом и в своих статьях. Его книга, являющаяся итогом более чем пятидесятилетней пастырской деятельности, полна заботы о духовных чадах и всех людях, живущих в этом непростом и мятежном мире, это его последнее предостережение всем нам и наказ: «Возлюбленные, не всякому духу верьте». Некоторые из вошедших в нее бесед оказались знакомыми мне по тем занятиям, которые отец Анатолий проводил при храме апостола Филиппа. В то время, в конце 80-х годов, я приняла крещение и стала ходить в церковь, но меня не покидало чувство внутреннего страха, ощущения, что я здесь чужая — «ни ступить, ни молвить не умею», и тогда мне кто-то подсказал, что в храме проходят для всех желающих занятия по Закону Божьему. Так я узнала отца Анатолия и вошла вместе с ним в мир Божьего Слова.

Это были катехизаторские беседы: батюшка подробно разбирал с нами Символ веры, разъяснял Заповеди блаженства, учил понимать молитвы, но самое главное — он вводил своих учеников, таких разных, в общий мир христианской жизни, учил жить по правде Божьей, как всегда жил сам. Теперь, спустя двадцать лет, время ученичества в этой духовной школе мне, привыкшей учить других, вспоминается как время приобщения к новой жизни, теплой и светлой. Именно отец Анатолий напомнил нам всем, в том числе и мне, филологу, о вечных и высоких значениях слов «Дух», «Душа», «Вера», «Истина», «Любовь», когда отечественная наука еще не вспоминала о том, что язык — это «дом духа» и служит не только для ежедневного, житейского общения, но и для выражения «заветных смыслов». Вообще слово *смысл* было любимым словом батюшки, и, наверное, не случайно именно с наставления «О смысле и цели христианской жизни» начал он свою книгу. Думается, его мудрое и чуткое сердце угадало, что в нашу пресловутую эпоху перемен, когда жизненные противоречия как никогда обострились, потребность ответить на этот вопрос ощущается особенно сильно, потому что. оказавшись один на один с бессмыслицей современной жизни, человек задумывается: стоит ли жить и зачем?

Е.Н. Трубецкой писал, что вопрос о вечном, прекрасном и неумирающем смысле жизни есть вопрос о Боге, потому что только Богоявление способно опровергнуть бессмыслицу жизни — Бог осуществляется и воплощается в мире, а мир приобщается к полноте Божественной жизни. И отец Анатолий, обращаясь к прихожанам Софийского собора, не уставал напоминать о том, что нельзя жить только сиюминутными интересами, не для того Творец даровал человеку

великое благо — бессмертие души, но это благо нужно сохранить и оправдать своей жизнью. «Цель всех человеческих добродетелей и смысл жизни заключается в любви Христовой, и, осознав высокое предназначение человека и познав цель жизни христианской, остаток дней своих нам следует подчинить этой цели», — говорил батюшка, и люди верили ему всем сердцем, потому что чувствовали истинность этих слов, видели перед собой воплощенные любовь, кротость, смирение и горячую веру.

Каким замечательным проповедником был отец Анатолий, каким тонким чувством слова наделил его Господь! В своих обращениях к пастве он избегал «византийского» высокого витийства, но и никогда не приспосабливал свою речь к «языковому вкусу эпохи», в его проповедях невозможно было услышать новые «невразумительные» слова (такие, например, *как лоббировать или мониторить),* а тем более современную сниженную лексику. Он был прост, но эта простота не была показной, она шла от души, и люди верили каждому его слову… Отец Анатолий редко прибегал к гневным обличениям, напоминаниям о Страшном суде и вечных муках, но он умел находить такие слова, которые запоминались надолго и заставляли, как любил повторять батюшка, сознавать свою греховность. Я помню, как на мои сетования о том, что редко стала ходить в храм, он заметил: «Ну, вы совсем как та женщина, которая говорила: как ни приду в церковь, все *Христос воскресе* поют». И это шутливое замечание вспоминается мне всегда, когда хочется подыскать оправдание своей лености, напоминает о том, что только постоянный труд, преодоление «маленьких слабостей» составляют основание истинной веры.

Сам же батюшка был великий труженик, он всегда работал Господу, всегда оставался самим собой — пастырем стада Христова, который не уставал говорить людям в назидание, увещание и утешение. Его невозможно было представить человеком, который, сняв облачение, отдыхает от трудов праведных, — как мне кажется, потому, что он навсегда избрал для себя «путь превосходнейший», о котором апостол Павел говорит: «Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных» (1Кор.14:1). Это послание апостола Павла батюшка очень любил и часто цитировал известные всем слова: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1Кор.13:1–7). Так жил он сам итакой любви учил нас, своих учеников, любви к Богу и всему Божьему миру. И когда однажды на занятиях в храме апостола Филиппа его спросили, как понимать выражение *страх Божий,* почему Бога надо бояться, батюшка объяснил, что не бояться надо, а любить. Любовь к Богу — это боязнь преступить Его заповеди, оскорбить Его непослушанием, боязнь причинить зло Божьим тварям.

И только одно явление в современном мире вызывало у батюшки, обычно терпеливого и снисходительного, резкое неприятие и осуждение — полузнание, полуобразованность. Знание понаслышке, из вторых рук, как правило, не знает сомнений, слепо преклоняется перед авторитетами, оно бездумно. «Полуобразованны», как пишет батюшка, ничего не способны создать сами, перенимая, подхватывая и повторяя то, что им удобно, но в то же время они с презрением относятся к чужому мнению, объявляя все непонятное для них ложным и несуществующим. Ослепление ума гордостью и превозношением не позволяет им познать истину, а с другой стороны, именно полуобразованность порождает суеверия, увлечения всякого рода лжепророками и экстрасенсами, от чего настойчиво предостерегал батюшка.

Цель истинного познания всего существующего, учил он, — богопознание, и самый совершенный способ познания Бога — любовь. Православное богопознание «не есть отвлеченное созерцание… не есть простое совлечение с ума различных эмпирических образов и понятий. Истинное созерцание даруется душе Самим Господом посредством пришествия Бога в нее, когда душа видит Бога…». Замечу, что в некоторых современных гуманитарных науках, имеющих дело с духовными ценностями, все чаще говорят о необходимости выхода за пределы собственно научного познания, о дополнении и расширении гуманитарного знания на основе трансцедентального, теоантропоцентрического подходов.

В самом же батюшке поражала его обширная и глубокая образованность, с ним можно было говорить о кумранских рукописях, о проблемах нового перевода Библии, о Достоевском и Булгакове, о новейших публикациях в зарубежных богословских изданиях. Он не позволял душе лениться, трудился истово и с удовольствием рассказывал о своих трудах, расспрашивал о моих работах и всегда с радостью благословлял на трудное дело.

Почему-то часто вспоминается, как тонко чувствовал батюшка слово, Божье Слово в особенности, как учил читать Евангелие, Псалтирь — внимательно и бережно, сердцем, а не глазами. Как-то он сказал, что особенно любит 136-й псалом, и прочитал: «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона…». Теперь, кажется, я понимаю, что было особенно близким ему в этих словах: их трагическое напряжение, верность Богу и любовь к Нему.

Не могу забыть, как удивительно батюшка старел: его облик становился как будто все светлее и светлее, и не потому, что он поседел. Светлее и мягче становился его взгляд, легче опускалась на голову благословляющая рука… Вспоминается еще одна фраза, которую батюшка постоянно повторял в ответ на расспросы о том, что можно и чего нельзя есть в Великий пост: «Главное — человеков не ешьте». Это, наверное, был его завет всем нам, остающимся без его духовного руководства: любите друг друга, будьте добры, милостивы и сострадательны.

Виктория Дидковская, доктор филологических наук, профессор НовГУ

«Да я и так твои дедушка»

Протоиерей Анатолий Иванович Малинин был очень душевным человеком и добрым пастырем. Его глаза всегда светились добротой, особенно когда были обращены к детям. К отцу Анатолию за советом можно было обратиться всегда и везде, даже на улице, когда он шел (или ехал на велосипеде, когда был помоложе) на требы или по своим каким-то делам. Несмотря на занятость всегда внимательно выслушает, даст совет, даже пошутит, успокоит и благословит.

Направили меня на лечение в НИИ имени Н.Н. Петрова. И столько поначалу было препятствий! Приехала домой, в Новгород, чтобы получить у батюшки благословение. Пожаловалась ему на многочисленные затруднения. Он спокойно ответил: «Что поделаешь, жизнь такая», — и благословил. И дальше все сложилось как нельзя лучше, даже денег на лечение хватило.

Только один раз я видела батюшку возмущенным. Это было после исповеди какого-то юноши. Отец Анатолий воскликнул, махнув рукой на дверь: «Иди, иди отсюда! Не допускаю… Иди!», — но быстро овладел собой и продолжал исповедь.

Мой сосед — подросток Саша как-то мечтательно произнес: «Как бы я хотел иметь такого дедушку!», а отец Анатолий ответил ему с улыбкой: «Да я и так твой дедушка». Ведь так и

было. Мы оплакивали его как родного, близкого человека.

Царство Небесное и вечная память нашему дорогому батюшке.

Людмила Тимоничева

Встреча в музее

Было это в 1988 году. Работала я тогда в Доме пионеров имени Лени Голикова, занималась военно-патриотическим воспитанием школьников Новгорода в музее боевой славы. Часто я задумывалась о том, что в воспитании нравственности у подрастающего поколения на подвигах героев военных лет все же чего-то недостает. Детям следовало бы знать, что же движет человеком, когда он, закрывая собою вражескую амбразуру, «душу свою отдает за други своя». На каких нравственных идеалах воспитано было поколение солдат Великой Отечественной? Какие понятия о добре заложены были в их душах, так героически защищавших Отечество в те «сороковые роковые»?

Вопросы эти не давали покоя, и вот накануне 1 сентября я решила провести в музее День знаний для 7-го класса школы № 1 (сейчас это многопрофильная гимназия № 2), пригласив отца Анатолия Малинина. Хорошо помню, волновались мы с классным руководителем Галиной Сергеевной Масленниковой о том, как подростки воспримут эту встречу. Галина Сергеевна переживала и о последствиях (она была членом КПСС).

В тот день нарядные, с цветами, 35 семиклассников вместе с учителем ждали необычного гостя в музее на третьем этаже, а я встречала батюшку внизу. Он вошел, посмотрел на меня необыкновенно добрыми глазами, а я, растерявшись отчего-то, вместо того чтобы испросить благословение, совершенно по-светски подала ему руку для приветствия (о чем долго потом вспоминала со стыдом), и он… тепло пожал се. Сколько же в нем было любви к людям!

Дети встретили батюшку по-разному: у кого-то глаза вспыхнули радостью, кто-то смотрел с интересом, некоторые — с каким-то страхом и непониманием. Но когда он своим мягким голосом заговорил об истоках добра и зла, о законах, данных Богом человечеству, расшифровывая каждую Заповедь Божию, подростки слушали неизвестные им доселе истины с искренним интересом. Тишина стояла в музее необыкновенная. Вот это был *настоящий День знаний.* Самых главных знаний, нужных каждому человеку! Расходились семиклассники притихшие, задумавшиеся…

Галина Сергеевна, опытнейший педагог, спустя некоторое время скажет о положительном воздействии этой встречи в целом на класс.

А в моей жизни с тех пор появился Человек, к которому я всегда потом прибегала в трудные и счастливые дни. И квартиру батюшка освящал, и сына венчал, и сына моих некрещеных друзей крестил, и, главное, поддерживал в нелегкие годы создания первой в городе православной школы имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

И когда, бывало, по немощи своей прибежишь в храм уже к выносу креста, он так укоризненно посмотрит, что совестно станет; или когда в переживаниях за семью и школьные дела подойдешь под благословение, а он (только он умел так без слов утешить) преподаст такое теплое благословение, словно это и не он, а сама Любовь всепрощающая и укрепляющая, словно Сам Господь поддерживает тебя в трудную минуту.

Теперь к раскаянию за то мое бесчинное рукопожатие примешивается тихая радость, что

Господь сподобил общаться с таким светлым наставником. Память о любимом батюшке всегда в сердце.

Валентина Жамлина

Он заменил мне отца

Смотрю на фотографию дорогого сердцу моему Батюшки — и грусть наполняет душу: нет больше его рядом, не прибежать к нему, как бывало, со своими проблемами, не посоветоваться, не поделиться радостью.

С отцом Анатолием Господь свел меня в 1989 году. Никогда не забуду свою первую исповедь у него. Сколько любви, сколько такта! Ты с ужасом смотришь в свою душу, а он молится за тебя, и Господь по его молитвам открывает давно забытые по нерадению грехи.

Помню такой случай. Батюшка благословил мне прийти на исповедь рано утром, часам к семи, в нижний придел церкви апостола Филиппа. Пришла. Стою одна в храме. Полумрак, тишина. Молюсь. Пришел Батюшка — меня не заметил, прошел в алтарь. А когда вышел оттуда — я замерла, потрясенная: у Батюшки лицо светилось! И в сумраке храма это сияние, исходящее от его лица, было особенно поразительно.

Все знают, что у Батюшки было плохое зрение. Однако он все хорошо видел своими духовными очами. Как-то в храме разговариваем с ним, а рядом стоит одна моя знакомая. Вдруг он резко поворачивается к ней и говорит: «Ну зачем ты красишься!». А у нее, надо сказать, слегка лишь подкрашены губы и глаза, и даже не каждый с хорошим зрением заметил бы это.

Часто на исповеди он прерывал меня: «Я все о тебе знаю. Господь простит тебя» — и накрывал епитрахилью. Отходишь от него — радость и покой наполняют душу. И так легко-легко станет! Стою и благодарю Господа, что он послал мне, грешной, такого духовного отца. Я от рождения своего родного отца не знала, и Батюшка воистину заменил мне его. Он так тактично, с такой отеческой добротой мог и поругать, и пожалеть, и доброе слово сказать.

От Бога отец Анатолий имел дар прозорливости. Бывало, позвонит мне в горькую минуту — и утешит, и совет даст. Я и удивляться этому перестала — понимала, что ему действительно открыто многое о нас, его чадах. А уж если позвонишь ему с просьбой помолиться, знаешь — молитвенная помощь последует тотчас же.

Все свои советы Батюшка обычно давал в виде цитат из Евангелия, Псалтири, из святых отцов. Советовал, что читать из духовной литературы, особенно рекомендовал читать творения святителя Игнатия (Брянчанинова). Сам он читал очень много, был высоко эрудированным человеком. Как у него времени на все хватало при его-то занятости? Он постоянно причащал больных, соборовал. И для людей эти дни превращались в праздники — столько света, мира и любви приносил отец Анатолий в их дома!

У Батюшки было развито тонкое чувство юмора, с ним было очень приятно общаться. Он пошутит — все вокруг улыбаются, и у каждого в душе появляется такое чувство, что все мы тут братья и сестры.

Вспоминается такая картина: идут по храму две женщины — одна, в возрасте, с палочкой, другая, молодая, ведет ее под руку. Батюшка смотрит им вслед и говорит: «Одна хромает на ногу, другая — на голову».

Отец Анатолий своим личными примером учил нас быть Христовыми. Он был очень скромен, трудолюбив, никому никогда не отказывал ни в чем, никогда не навязывал своего мнения, учил воздержанности, рассудительности. Он не был сторонником больших молитвенных правил и строгих епитимий. Говорил, что человек должен молиться согласно своим силам и условиям жизни, но при этом и в малом своем правиле быть верным и последовательным, твердым духом.

Надо сказать, Батюшка знал о своей приближающейся кончине и даже говорил мне, что «близко уже, при дверех». А я просто не воспринимала его слова всерьез, настолько это казалось невероятным. И как же теперь стыжусь этого своего легкомыслия…

Много еще можно было бы написать о дорогом Батюшке, но в основном это все такое глубоко личное, что — оставлю лучше в сердце своем. Его нет рядом физически, но духом-то он с нами, и его молитвы о нас не иссякают.

Царство ему Небесное и вечная память. Аминь.

Надежда Бойцова

Духом он был с нами

С отцом Анатолием Малининым я встретилась, когда в 18 лет начала ходить в церковь апостола Филиппа. И как-то само собой получилось, что исповедоваться я стала у него.

Когда же я познакомилась с моим будущим мужем Игорем, то и его тоже привела к Батюшке. У него с Батюшкой сложились особые отношения. Мне это было очень приятно; возможно, Игоря он хотел видеть священником. Однако тогда, несмотря ни на что, замуж я не собиралась, о семейной жизни и не помышляла. Было прочитано множество книг о монашестве, хотелось уйти в монастырь и спасаться только там. Казалось, что семья будет только мешать, и в семье спасения нет. Около года я не могла решить, какой же путь выбрать. Батюшка ни разу не сказал мне, какой путь считает он верным. На мои вопросы отвечал: «И замуж выйдешь — будут скорби, и не выйдешь — будут скорби». Но воля моя была свободна.

Когда родилась вторая дочь, мы с мужем никак не могли договориться, какое дать ей имя. Я хотела назвать Ольгой, он — Татьяной. Никто не уступал. Написали имена на бумажках, после молитвы тянули, вышла «Татьяна». Я не успокоилась. Побежала к отцу Анатолию. После службы, когда он всех благословлял, подошла, все рассказала. Батюшка выслушал, а потом с улыбкой и укоризной в голосе сказал: «Неужели и это не можете решить? А как Игорь хочет?». Мне сразу стало все ясно. Значит, будет Татьяна. Через некоторое время Батюшка пришел ее крестить.

Отец Анатолий каждый Великий пост, по нашим просьбам, приходил нас соборовать. Собиралось человек 10–15. Отказа не было никогда несмотря на усталость и больные ноги. Однажды я не успела вовремя подойти к Батюшке, чтобы договориться о соборовании. Попросила позвонить с этой просьбой Наталью, крестную, самой как-то было неудобно.

Я сидела в кресле, читала газету, дети играли на полу, телевизор был включен, состояние души в этот момент, конечно, было расслабленное. И вдруг я всем естеством ощутила присутствие Батюшки в комнате. Причем так остро, что я туг же вскочила с кресла, выключила телевизор, подняла детей с пола, и мы стали молиться. Тут же позвонила Наталья, сказала, что десять минут назад звонила Батюшке и договорилась с ним. Значит, духом он был здесь, у меня?!

На исповеди Батюшка нередко говорил: «Надо чаще в храм ходить, больше молиться».

Раба Божия Светлана

Отрадно вспоминать его облик и его поучения

Трудно и мучительно писать об отце Анатолии «жил»…

Всегда у него находились для нас слова утешения и добрый совет. Как часто мы ощущали его молитвенную заботу о нас. От батюшки мы узнавали о безграничном милосердии и кротости Бога, он учил нас почитать и соблюдать Его животворящие заповеди. Поэтому и чувства и ум подсказывают, что батюшка не умер, а жив истинной жизнью в Боге.

Батюшка был добрым пастырем, и отрадно вспоминать его облик и его поучения, которые много значат для любящих его сердец.

Всегда простой, скромный, не любящий суеты и показного благочестия — таким он остался в памяти. Лицо его часто бывало просветленным и безмятежным, он как будто всматривался вдаль, замечая там нечто, скрытое от нас. Никогда он не отказывал в помощи и молитве, никогда не требовал воздаяния за труды. Говорил и молился без всякой напыщенности, мнимой глубокомысленности. Неприметный, он, тем не менее, привлекал внимание. Немногословный, он заставлял задумываться над своими словами. Никогда батюшка не пользовался тем, что называется «ораторскими приемами», говорил ровно, даже тихо, просто и доходчиво.

Вот некоторые ответы батюшки Анатолия на мои вопросы.

— Что больше всего нужно Богу от нас? — Чистое сердце, искренняя любовь.

— Что значит любить Бога? — Почитать Его как нашего Отца и исполнять Его Заповеди.

— Как это понять: любить Бога как Отца? — Это значит бояться прогневить Господа не из-за страха наказания, а из-за страха огорчить Его, как мы боимся огорчить родителей, которых любим.

— Как избавиться от чувства одиночества? — Молись Господу, и Господь тебя никогда не покинет, даже если тебя оставят все.

— Отчего иногда приходит уныние? — Уныние приходит из-за наших грехов. Если бы не грешили, то и не унывали бы. Лица наши были бы просветленными и радостными, и мы всегда имели бы в себе благодать, посылаемую Господом.

Сам отец Анатолий никогда не предавался унынию. Он бывал печален или весел, горестен или бодр, но никогда от него не исходило ощущение безнадежности. Конечно, и он был «человек грешный», но постоянные молитвы о других просветляли его облик, — и вновь оправдывались слова апостола Павла: «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2Кор.4:16).

— Отчего люди грешат? — Забывают о Боге, не имеют любви ко Господу. Знания надмевают. Нельзя только знаниями жить, нужно и сердце свое слушать.

— Батюшка, грешен, часто раздражаюсь на близких и окружающих. — Раздражение, гнев — это все от гордости. Ты думаешь, что лучше других, все делаешь правильно, а окружающие

хуже тебя. Нужно научиться смирению. Недаром древние римляне говорили: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав».

— Как надо поститься? — Постясь, нужно прежде всего думать о том, как лучше соблюдать Заповеди Божии. Лучше служить людям, не обидеть их. Спросят тебя после смерти не о том, что ты ел, а о том, что ты делал.

— Батюшка, в чем мудрость и настоящее знание? — Одним из самых мудрых людей был Сократ. Ведь он понял, что знает лишь то, что ничего не знает. Все мы думаем, что что-то знаем, а знает лишь Господь. Поэтому высшая человеческая мудрость — исполнять Его Заповеди.

Раб Божий Игорь

«Святой, что ли?»

Из «поздних» я, крестилась в весьма зрелом возрасте и не сразу начала ходить в храм, была совершенно нссмысленной в вопросах веры. Считаю великой милостью Божией, что привел Он меня в Православную Церковь, здесь ни сомнений, ни колебаний не было.

Когда начались серьезные жизненные проблемы, тогда поняла, что нуждаюсь в наставнике. Сначала Господь вразумил, что нужно исповедаться, очистить душу. Тогда-то первый раз попросила отца Анатолия поговорить со мной, рассказала о главных своих грехах, а батюшка давал определение им, а в конце сделал вывод: жила, не имея понятия о грехе. Тогда попросила благословения посещать занятия, которые батюшка проводил по субботам. И можно сказать, с этого времени началось сознательное вхождение в духовную жизнь. Стала читать сначала что дадут, что в книжной лавке увижу, потом стала спрашивать у отца Анатолия — он советовал, даже сам давал книги. Когда делилась с ним впечатлениями о прочитанном, он нередко говорил: «Надо не рассуждать о духовной жизни, а жить ею».

Не сразу решилась попроситься к батюшке в духовные чада, хотя обращалась к нему со своими недоумениями, исповедовалась. Мне сначала казалось, что батюшка строг и не всегда понимает меня. Однажды решила провести «генеральную исповедь», написала целую тетрадь — тут и давние грехи, о которых не решалась сказать, и то, что вычитала в книгах, и то, в чем прежде не считала нужным каяться, и стала думать, кому эту тетрадь отдать. Отца Анатолия почему-то боялась. Иду в храм и молюсь про себя: «Господи, Сам определи, кому это отдать». Пришла — в храме никого, до службы еще далеко, а навстречу мне из-за колонны — батюшка. Что же гут было еще думать? А когда потом попросилась к батюшке в духовные чада, он на мою просьбу удивленно сказал: «Да ведь фактически давно так и есть». И благословил.

Вспоминаются некоторые отдельные случаи.

После праздничной литургии, а служба была долгая, многолюдная, молодой девушке стало плохо — повисла на руках у матери, кто-то советует: к двери ее, на воздух, а одна старушка говорит: «Да нет, ко кресту». Подтащили ее к батюшке, а он крест таким сильным движением к ее голове приложил — и девушка сразу опомнилась и отошла своими ногами.

Иногда казалось, что во время общей исповеди, когда собирается множество людей, батюшка говорит поверх голов и никого не видит, а подойдешь к нему исповедаться, он спрашивает: «Что-то М. сегодня не видно, ничего не случилось?».

Более того, при таком количестве народа, когда несколько священников принимают исповедь,

подходит к причастию женщина, а отец Анатолий ей говорит: «Вам сегодня нельзя причащаться, вы не исповедовались».

Не раз было — надо что-то спросить у батюшки (непонятное из Евангелия или из молитвы), а он на проповеди или на занятиях, не услышав еще вопроса, уже подробно на него отвечает.

Незабываемо ощущение, что когда подходишь к батюшке на исповедь или за благословением, попадаешь в какую-то «зону» тепла и любви. И заведомо ясно, что он не осудит, в каком бы гадком поступке ни сознался, пожалеет, ободрит, успокоит.

Очень настойчиво предостерегал отец Анатолий от веры в разные видения, сны. Расскажешь ему с восторгом: вот я во сне видела такое!.. А батюшка вздохнет и скажет: «Что только лукавый не подсунет...». И все сразу на место станет.

Батюшка терпеливо выслушивал все наши жалобы на житейские, семейные неурядицы. Все его советы принимались с абсолютным доверием: как батюшка скажет, так и должно быть.

С уверенностью можно сказать, что он всех нас не просто любил, он нами дорожил. Когда отца Анатолия не стало, одна старушка сказала: «Я-то ведь у батюшки на особом учете была». А я думала, я — на особом учете. Наверно, каждый мог бы так сказать.

За всех нас отец Анатолий молился, и не только за нас, но и за наших родных и близких. Не было случая, чтобы батюшка на просьбу помолиться за сына, за брата, не ответил бы: «А я уже помолился за ваших».

Уму непостижимо, сколько батюшка, уже совсем больной, ходил по городу, исповедуя и причащая больных, освящая квартиры и проч. Не было никому ни в чем отказа. Батюшка говорил: «Утруждать себя надо».

И вот еще вспоминается. Возвращались из храма после очередной службы. Подошел автобус, полный. Отец Анатолий, как всегда, входит в числе последних, впереди — два высоченных мужика, выпивши. Батюшка просит: «Ребята, поднимитесь еще чуть-чуть». — «Куда, отец, тут некуда». Но, потолкавшись, все же продвинулись, батюшка вошел. Едем, мужики напротив батюшки, а он стоит, не пытаясь пройти, устроиться поудобнее, лицо спокойное, светлое. Вдруг один из мужиков, толкнув другого, говорит глядя на батюшку: «Слышь, а отец не простой какой-то, святой, что ли?».

Раба Божия Татиана

Два случая

Первая исповедь

С отцом Анатолием, своим духовником, я впервые встретился весной 1990 года. Как сейчас понимаю, во время Великого поста. Тогда я только начал подступать к вере и попросил маму, человека верующего, помочь мне с первым приходом в церковь. На весь Новгород храм был тогда один — церковь апостола Филиппа на Суворовской, поэтому там всякий день было тесно от молящихся. Исповедь была общая, из-за множества причастников. Оказавшись первый раз за такой исповедью, я не смог назвать ни одного греха. Тогда я попросил маму договориться со священником, чтобы он исповедал меня отдельно. Так я и познакомился с отцом Анатолием. Он завел меня в алтарь и там исповедал очень подробно, а затем спросил, читал ли я Евангелия. Я ответил, что нет, и Батюшка подарил мне четыре книги: Четвероевангелие,

Деяния Апостолов, Послания Апостолов и Апокалипсис, изданные в Австралии. Я храню эти книги до сих пор.

С этой исповеди у отца Анатолия и с этих книг и началось мое воцерковление.

Как я бросил курить

Курил я со студенчества и остался курильщиком и после прихода в Церковь, хотя курево сильно мешало: трудно было не покурить перед службой, еще труднее дотерпеть до причастия и креста. Отец Анатолий об этой моей слабости, наверное, знал (как ни чисти зубы, а запах табака выдает курильщика), но никогда не слышал от него ни слова упрека.

Батюшка часто повторял известные слова преподобного Серафима Саровского о мире в душе, и сам был всегда таким мирным, что находясь рядом с ним я чувствовал это буквально физически. Любое смятение духа рядом с отцом Анатолием как-то незаметно проходило. Хотя Батюшка всегда был скуп на слова и любил напоминать: «От слов своих осудишься, от слов своих оправдаешься». Поэтому рядом с Батюшкой было хорошо и просто так, без слов.

Так вот, моя привычка к курению не оставила меня и после принятия мною диаконского сана от владыки Льва в декабре 1991 года. Благие намерения бросить курить у меня были, но сил на их осуществление не хватало. Так продолжалось до июня 1992 года, когда отец Анатолий вдруг неожиданно спросил меня, не курю ли я. Я ответил, что курю. Батюшка сказал, что надо бросить, а в качестве помощи посоветовал мне почитать, что говорится о вреде курения у о. Павла Флоренского. Я прочитал, что курение, само по себе не являясь грехом, тем не менее делает человека более примитивным, снижает его духовные и интеллектуальные способности. И я в самом деле бросил курить. И на этот раз смог устоять от искушения закурить вновь — уверен, по молитвам отца Анатолия.

Священник Игорь Бойцов

Отец Анатолии в моей жизни

Когда в 1991 году открылась София, я сразу пришла в нее, и сразу стала ходить к отцу Анатолию на занятия. У меня совсем не было опыта церковной жизни, в этом отношении я была как младенец. Вскоре после того как стала ходить на занятия, приехав к маме в деревню, я ей сообщила как великую новость: «Мама, оказывается, Господь Иисус Христос и вправду жил на земле». Такая я была тогда темная.

Стало издаваться много православной литературы, и мы, неофиты, конечно, бросились ее приобретать и читать. А так как наставлял нас отец Анатолий, то и литературу мы покупали соответствующую: Добротолюбие, преподобного Иоанна Лествичника, святителя Тихона Задонского, святителя Игнатия (Брянчанинова), святого праведного Иоанна Кронштадтского, преподобного Симеона Нового Богослова, святителя Феофана Затворника, Оптинских старцев и т. п. Как же было грустно, что я жила дотоле не теми ценностями, — и какая глубина открывалась в этих книгах! Я, можно сказать, упивалась ими. Тем, что узнавала, хотелось поделиться с родственниками, знакомыми, а натыкалась на непонимание, начинала доказывать — выходил один грех. Батюшка сколько раз говорил: «Не спрашивают, и не говори».

Какой же труд совершил отец Анатолий) по нашему духовному возрождению! Он был настоящий приходской пастырь, жил с нами, был нашей душой. На него глядя и мы старались

себя держать потверже, не расслабляться. Вначале мы очень надоедали ему своими вопросами: нам ведь надо было все «умственно» доказать, все проанализировать — и Евангелие, и все прочитанное. Веры ведь не было. В конце концов батюшка мне сказал: «Хватит тебе все испытывать, принимай все как есть, просто». А как он удерживал нас от прелести. Мне, как и всем новоначальным, хотелось чудес. Бывало, что привидится или приснится, идешь к батюшке, а он просто скажет: «Не бери во внимание». Отец Анатолий постоянно предупреждал нас, чтобы мы не верили снам, оберегал от всяких суеверий и отложных советов. С ним мы были как за каменной стеной. Что случится — сразу к батюшке: он помолится, и все образуется, а главное, душа обретет мир.

Когда я стала стоять у раки святителя Никиты, сколько у меня было искушений! Главным образом — от людей, которые приходят в Софию не как в храм, а как в музей. Несколько раз хотела уйти, но отец Анатолий меня поддерживал и укреплял в том, что мое место здесь, в Софии.

Я больше двенадцати лет ходила к батюшке на занятия. Ах, какая на них была благодать! Этот час занятия был — сплошная молитва: что бы батюшка ни читал, что бы ни рассказывал, все — Духом Святым. Он меня действительно родил для духовной жизни. Все, что позволяли ему силы человеческие, он отдавал нам, его духовным детям. Отец Анатолий постепенно привел нас к частому причащению, настаивая при этом, чтобы мы неопустительно прочитывали все, что нужно к причастию. Главное для него было, чтобы мы очищали свою душу. Он все наши грехи брал на себя, вымаливая их у Господа. От скольких бед избавил нас батюшка своими молитвами. Он и сейчас, я уверена, у Господа молится о нас.

Не сразу и моя душа очищалась, много лет вспоминались старые грехи, и как что вспомню — скорее к батюшке. Его исповеди все знают, все его слова касались меня, и душа скорбела, так трудно было избавляться от страстных привязанностей и грешных привычек. Как-то раз после исповеди (наверно, исповедовалась только на словах, без подлинного раскаяния) я вдруг почувствовала себя такой грешной, такой грязной, это состояние не описать. Проходя среди людей, боялась, что кого-нибудь задену и испачкаю. Это было ужасно! Думалось, в аду испытывают такое чувство. Я батюшке сказала, что меня Господь, видно, не простил. Всегда такой мягкий, на сей раз он рассердился: «Не говори глупости. Не твое это дело».

На меня много было напастей по ночам. Сила скверная невидимая сковывала все тело, постепенно поднималась к шее, того и смотри, задушит. Не пошевелиться, не перекреститься, только и могла молиться в страхе: «Господи, помилуй! Господи, спаси!». Каждый раз рассказывала об этом батюшке. После его молитв долгое время подобных ночных нападений не было, потом опять повторялось. Как-то он даже удивился: «Неужели опять повторяется?». Видать, сугубо помолился, и больше уже такого не было.

Теперь его нет, и находишь утешение только тогда, когда съездишь к нему на могилку.

Маргарита Сошникова

Из письма

Что же написать Вам об отце Анатолии? Даже не знаю. Я помню начало нашей школы, когда мы пришли туда, как «из тундры». Ничего не знали. Отец Анатолий спросил нас: «Знаете ли вы, что есть такая страна Америка?». Конечно, все отвечаем: «Знаем». Он говорит: «А откуда вы знаете, если из вас там никто не был?». Мы отвечаем: знакомые, письма, разговоры и т.д. Он говорит: «Так почему же вы не верите, что есть Бог, хотя масса свидетельств о том есть у святых, праведников и всех, кто верит в Бога?». Мы молчим. Что тут скажешь…

А потом мы стали изучать Библию. Он был удивительным проповедником. Как-то я задала ему вопрос по Библии, он не стал отвечать. Я говорю: «Да вы своими словами…». Он говорит: «Нет, Библию нужно только точно цитировать, от себя говорить не нужно…». Открыл Библию и прочитал что было нужно, а потом растолковал мне.

Когда у меня заболела Лера, я прибежала к нему в церковь, плачу и говорю: «Батюшка, что мне делать? У меня единственная дочь, у нее нашли опухоль мозга, она погибает, я не знаю, чем ей помочь…». Он ничего мне не сказал, только спросил: «Как ее зовут?». Я назвала. Мы сидели с ним на скамеечке возле церкви, он встал и ушел. Я даже на него обиделась, так как не поняла, что он пошел молиться. Так его и моими молитвами, слава Богу, дочь моя жива. После этого она окончила университет, аспирантуру, еще родила Ванечку, защитила диссертацию. Вот такие чудеса бывают по молитвам батюшки.

Людмила Шафранова
Беларусь, Минск

Всего три встречи

…Как-то, гуляя по Кремлевскому парку, я присела на лавочку напротив входа в Софийский собор, рядом со спокойным таким, благостным старичком. Мне показалось, что он может ответить на мучивший меня тогда вопрос. И я обратилась к нему:

— Простите, дедушка! Вот вы уже давно живете на свете, много знаете. Скажите, *как жить?*

Дедушка заулыбался и ответил:

— А очень просто. Соблюдай, деточка, десять заповедей, вот и все.

— Где же взять эти заповеди? (Я тогда в духовном отношении была совсем темная).

— Да вот здесь, в этом храме. Зайдешь, объяснишь, тебе все и дадут. И все будет хорошо.

Тут подъехал небольшой белый фургон, из него вышел молодой человек и помог моему собеседнику сесть в машину.

— Что это за дедушка такой добрый? — не удержавшись спросила я шофера.

— Это не дедушка, — снисходя до моего невежества, ответил тот. — Это протоиерей Анатолий Малинин. Он служит в этом храме.

И они уехали.

У меня на душе так легко стало! Теперь я знала, что есть такое место, где тебе подскажут и успокоят в случае чего.

Однако прошло еще немало времени прежде чем я вошла в Софийский собор. И тут состоялась вторая моя встреча с батюшкой Анатолием.

Он принимал исповедь. Когда подошла моя очередь, я ему напомнила о нашей встрече и рассказала о своих трудностях. Отец Анатолий с большим вниманием выслушал меня и говорит ласково:

— Тебе, деточка, нужен духовник.

— А где же его взять?

— Я буду твоим духовником, — сказал батюшка.

Он успокоил меня относительно моих проблем, дал ясные и убедительные советы. На душе полегчало, и огромная тяжесть свалилась с плеч.

Получив духовную помощь от батюшки, снова в храм я, однако, не спешила.

Как-то в гости приехала мама из Подмосковья. Она с детства была человеком верующим, закончила церковно-приходскую школу, без храма жизни себе не представляла. Мама попросила меня сводить ее в Софийскую библиотеку.

Когда мы спускались из библиотеки, нам навстречу из ризничной вышел отец Анатолий. Он подошел прямо ко мне, положил мне руку на лоб и внятно сказал: «Где просто — там Ангелов со сто, а где мудрено — там ни одного». Улыбнулся светло и вернулся в ризничную.

После этого как-то так сложилось, что я стала постоянно ходить на службы во вновь открывшийся храм святого Феодора Стратилата на Щирковой улице. И вот однажды на двери храма я увидела объявление, что отец Анатолий умер и попрощаться с ним можно в церкви святого апостола Филиппа.

Был вечер. Я долго стояла перед входом в храм и смотрела на этот белый листок бумаги. И мне вдруг стало ясно, что за наши три встречи *батюшка Анатолий открыл мне смысл жизни и изменил мою судьбу.*

Четвертая — и последняя на этой земле — встреча с отцом Анатолием состоялась в храме апостола Филиппа, где множество людей прощались с любимым батюшкой. Да упокоит Господь душу усопшего раба Своего в селениях праведных!

Прошло уже шесть лет с кончины отца Анатолия, но он рядом с нами. В жизни нам помогают его молитвы за нас, его книга, его дети.

Подарив мне книгу протоиерея Анатолия Малинина «Возлюбленные, не всякому духу верьте», его сын, тоже священник, огецТимофей Малинин вложил открытку с таким словами: «Желаем Вам радости глубокой, светлой и деятельной, чтобы действительным примером всей своей жизни возвещать миру, что с нами Бог!».

Раба Божия Елена

Батюшка нас никогда не оставит

Лет с семнадцати начались у меня душевные страдания, мне самой непонятные. Внешне, вроде, вполне устроенная жизнь, но в душе — мрак. Так я дожила до сорока лет, прибегая к помощи невропатологов и психотерапевтов. Стала задумываться: когда же мне было хорошо? А хорошо было, пока бабушка жила с нами, ходила в церковь и молилась. Значит надо идти в церковь и мне.

С Божией помощью начала ходить в храм апостола Филиппа. Там служил тогда молодой священник Тимофей Малинин. Многое мне было непонятно. Отец Тимофей помог мне не растеряться в церкви, отвечал на вопросы, но духовным наставником стать отказался. Посоветовал сходить в Софийский собор в воскресную школу для взрослых к отцу Анатолию.

Не сразу решилась пойти в Софию, но когда собралась, наконец, и подошла к отцу Анатолию со своими вопросами, он посадил меня на скамеечку, и стали мы с ним разговаривать. Ни страха, ни смущения никакого я не чувствовала. Как будто мы были с ним давно знакомы, и он все-все обо мне знает, и понимает, и жалеет меня. Пока беседовали, многие прихожане подходили к нему, брали благословение, кланялись. Чувствовалось, что люди относятся к нему с большой любовью и благоговением. Отец Анатолий так тепло отнесся ко мне, что я насмелилась попроситься к нему в духовные чада. Он согласился. Пригласил меня в воскресную школу для взрослых, в которой он проводил тогда занятия по Закону Божию. Так началась моя жизнь под духовным руководством батюшки.

Каждое воскресенье мы с мужем ходили на исповедь к отцу Анатолию, причащались Святых Христовых Таин. Муж тоже стал духовным чадом батюшки. Я поменяла место работы, перешла в православную школу. Первое время было тяжело. Приду к отцу Анатолию на исповедь и ною, что тяжело, не уйти ли мне с работы. Он не разрешал: надо потерпеть. Батюшка говорил: «Ты работай, а я помолюсь». Я по своей глупости этого не понимала. А потом почувствовала *такую* защиту и поддержку с его стороны!

Занятия он проводил по субботам каждую неделю. Всю неделю ждешь, когда же, наконец, суббота. На занятиях стояла необыкновенная тишина. Батюшка читал и объяснял книги Ветхого Завета, Евангелия, жития святых, святоотеческие писания. Передо мной, как и перед каждым его слушателем, открывался обширный мир духовной жизни.

Все духовные чада батюшки относились к этим занятиям очень серьезно, ходили из года в год. Незадолго до их завершения батюшка стал открывать нам тайны духовной жизни такие глубокие и такие прекрасные, что душа замирала. К большому нашему огорчению нездоровье батюшки давало себя знать, и занятия прекратились.

Но этот свет не погас. Батюшка служил, связь с ним не прерывалась. Он бьы очень доступен, и мы этим бессовестно пользовались. Малейшие неприятности — и тут же бегом к нему. Кто же кроме него утешит, пожалеет, помолится.

Отец Анатолий не ругал, не обличал, не наказывал. Когда вижу, как верующие люди начинают обличать. судить, я всегда вспоминаю его. Он учил нас своим примером. К каждому относился с уважением, любовью, пониманием. В каждом батюшка видел образ Божий. С ним незаметно разрешались конфликты в семье, на работе, с людьми. Его мудрость и любовь поддерживали нас.

В церковь батюшка приходил рано, задолго до службы. Здоровье и силы у него уходили, но когда он служил, то преображался, казалось, молодел. И слова «старость, немощь» к нему как-то не подходили. Унылым или чем-то встревоженным я его не видела.

Батюшка говорил всегда просто и доступно. Перед исповедью так говорил, обращаясь к совести каждого, что я глубоко осознавала свои грехи и понимала необходимость исповеди. Хочешь избавиться от страстей, открой сердце своему духовному отцу, и Господь простит и поможет исправиться. Однажды пришла на исповедь в ужасном состоянии: такое отчаяние — и стыдно исповедоваться! Он все понял сразу и только сказал: «Господь не допустит».

Отец Анатолий учил доверять Господу, любить Его, во всем на Него уповать. Батюшка говорил: «От Бога зла не бывает». Благодаря ему стала понимать, что и скорби во благо, потерпишь, а потом увидишь пользу.

Последние два года жизни отца Анатолия я имела возможность часто у него исповедоваться и

причащаться, поскольку не работала. Можно, как известно, быть рядом с глубоким колодцем и не суметь почерпнуть из него воды. Возможно, я почерпнула немного из-за своего нечувствия, страстей и грехов, но я очень ему благодарна.

Придешь на исповедь к батюшке с вопросом о чем-то, что тревожит, он внимательно выслушает, а после литургии даст свой ответ. Удивительно, но его слова всегда подтверждались. Понятно, что я всегда и во всем ему верила безусловно. Если батюшка сказал, значит так и будет.

Когда маму увезли на «скорой» с тяжелым инсультом, я была на работе. Побежала в больницу, но меня к ней не пустили. Сильно встревоженная, я позвонила отцу Анатолию домой. Батюшка помолчал, а потом спокойно сказал, что все будет хорошо. Рано утром с дрожью в ногах пошла в больницу. Иду — и боюсь: жива ли… И все же надеюсь: раз батюшка сказал, значит жива.

Мама была жива, но состояние тяжелое. Речи нет, сознание путанное, сидеть, а тем более стоять не может. Нужно с ней быть. Уроки отведу в школе — и к ней. Батюшка все это время молился за нее. И уверенность, что все будет хорошо, оставалась. Действительно, через три недели здоровье мамы улучшилось. Из больницы она ушла на своих ногах, с нормальной речью и памятью. Последствий инсульта не было.

И еще раз батюшка спас мою маму. После смерти своего брата она слегла. Слабела с каждым днем, угасала на глазах. Я каждый день ходила в церковь, молилась, просила батюшку о помощи. Его молитвами она поправилась, ожила. Господь помиловал.

По грехам моим случилось несчастье и со мной — сломала ногу. Перелом был сложный, со смещением, делали операцию. Но молитвами отца Анатолия все прошло хорошо. Нога совершенно не болела. Три месяца ходила на костылях в гипсе. Из дому было не выйти — зима. Батюшка каждую неделю исповедовал и причащал меня. Как же мне было не поправиться! Последствий и осложнений после перелома не осталось.

С отцом Анатолием всегда было хорошо, на душе был праздник. Когда уволилась с работы, то первое время переживала, как будем жить на одну зарплату. Батюшка сказал, что Господь следит за этим. Удивительно, но материальных затруднений не было. Наоборот, даже лучше стали жить.

Порой казалось, что происходит все как в сказке, желания исполняются, стоит только сказать об этом батюшке.

Однажды я пожаловалась на несправедливость со стороны своих родителей. Понимала, что изменить ничего уже нельзя, и пожаловалась просто, чтобы облегчить душу. И вдруг батюшка спрашивает: «Тебе мать ничего не сказала?». «Нет», — говорю. Прихожу домой — и глазам своим не верю: мама сама исправила свою ошибку по молитве отца Анатолия, хотя до этого ее было не переубедить.

Батюшка был для меня загадкой. Простой, скромно одетый, никогда себя не выставляющий, он мог творить чудеса с помощью Божией. Это невольно вызывало чувство благоговения к нему.

Я не могла даже в мыслях допустить, что батюшки не будет. Хотя в последние месяцы и видела, что он слабеет. И в то Вербное воскресенье отец Анатолий исповедовал, причащал, благословлял с большой радостью, со светлым лицом. А в понедельник его не стало. Невозможно было в это поверить. Сколько людей приходили к нему проститься, попросить прощения в последний раз! Три дня люди шли днем и ночью.

После его смерти я поняла, что такого духовного отца мне больше не найти. Но вместе с тем не было и чувства оставленности. Батюшкины наставления звучали в ушах: «Не малодушествуй. Только веруй».

Я перешла к отцу Тимофею, сыну батюшки. И связь с отцом Анатолием не прекратилась. И внешне и внутренне отец Тимофей похож на батюшку.

Стараюсь в день рождения, день Ангела и день смерти отца Анатолия приехать в Хутынский монастырь на его могилку. И чувствую иногда очень ясно, что меня здесь ждут, радуюсь и верю, что батюшка никогда нас не оставит. Он помнит нас и молится за нас. I I любит, может быть, даже больше, чем раньше. Только бы нам Господь помог не забыть своего духовного отца, стараться жить, как жил он. Терпеть благодушно все горести и печали, относиться с любовью к людям, не терять веру.

Вечная и светлая память нашему духовному отцу — протоиерею Анатолию Малинину.

Раба Божия Ирина

Поклон из Киева

Промыслом Божиим из Киева попали мы в Великий Новгород, и отец Анатолий Малинин стал нашим духовным отцом. Он духовно окормлял нас и когда мы имели счастье непосредственно общаться с ним, присутствовать на богослужении, на занятиях в воскресной школе. Батюшка окормлял нас и когда мы возвращались домой в Киев.

Служение отца Анатолия в Святой Софии Новгородской просто потрясало. Мощь его веры была столь велика, что негромкие слова, сказанные им, проникали в самую глубину сердца, в самые потаенные уголки души, освобождая и очищая ее от грехов. Не оставляло чувство, что Батюшка любит всех нас огромной отеческой любовью и все про нас знает. Несомненно, ему был присущ дар старчества.

Промыслительными были даты рождения и успения отца Анатолия. Батюшка пришел в этот мир в праздник Покрова Пресвятой Богородицы и ушел от нас в Великий Понедельник, отслужив свою последнюю Литургию в праздник Входа Господня в Иерусалим.

С каким трепетом и благоговением слушали все мы его общие исповеди. Здесь Батюшка находил слова для каждого. Многотрудная жизнь рождает много вопросов. Отец Анатолий со свойственной ему мудростью разрешал их все. Сложное оказывалось простым, когда говорил он. Вопрос решался сам собой после ответа Батюшки, его легкого взмаха руки, означавшего, что ничто не имеет значения, кроме устремления к Царству Небесному.

Затаив дыхание, слушали мы отца Анатолия на занятиях в воскресной школе. Батюшка никогда не опаздывал на занятия, он вообще с исключительной ответственностью относился к своему пастырскому служению. В комнату, где проходили занятия, он поднимался по крутой древней лестнице, забывая о своем больном сердце. Как истинный Пастырь он просвещал нас своим духовным словом, знание его Священного Писания, творений святых отцов, религиозных писателей, особенно Ф.М. Достоевского, было обширно и глубоко. Ему вообще свойственна была высочайшая эрудиция.

Значение статей протоиерея Анатолия Малинина в журналах, его бесценной книги «Возлюбленные, не всякому духу верьте» трудно переоценить.

Его книга написана простым, доступным языком и вместе с тем содержит в себе такие глубины религиозной мысли, что и сейчас, когда Батюшки уже нет с нами рядом, обращаясь к ней, находишь ответы на все трудные вопросы жизни. Когда читаешь книгу отца Анатолия, слышишь, кажется, его тихий, ровный голос, видишь его лучистые, светлые глаза, чувствуешь любовь Батюшки и свою неоставленность в этой жизни.

Живя далеко от Великого Новгорода, в Киеве, мы всегда чувствовали молитвы и духовную поддержку отца Анатолия. Мы знаем, что и сейчас Батюшка не оставляет нас своими святыми молитвами, — и мы, в смирении своем, молимся о бесконечно дорогом нам человеке, бесценном Пастыре, отце Анатолии. Пусть вечной будет память об его апостольском служении.

Зинаида Хоминская, доктор медицинских наук,

Мария Хоминская, доцент Национального медицинского университета

Жил жизнью своих чад

К Господу я пришла очень поздно, после шестидесяти лет. Всю жизнь провела в мирской суете. Родители мои были партийные, бабушек не было, так что о Боге в нашем доме не говорили, а в школе известно чему учили в те времена.

В девяностых годах наступила пора свободы вероисповедания. Я, как и многие, ничего не понимая, покрестилась. Вскоре случилось несчастье. Казалось, жизнь кончилась. Слава Богу, Он направил меня на верный путь. Я стала посещать храм, и хотя ничего еще не понимала, здесь почувствовала некоторое облегчение. А однажды одна знакомая посоветовала мне походить на занятия в воскресную школу при Софийском соборе. В августе 1995 года я впервые увидела отца Анатолия Малинина, который вел эти занятия. И была поражена простотой отношений батюшки со своими учениками.

Первое время мне приходилось трудно, так как я была до такой степени темная, что не знала даже, кто такой Спаситель. Я очень стеснялась своей безграмотности. И долго не решалась подойти к батюшке со своими наивными вопросами. Когда же, наконец, насмелилась, он с любовью и терпением объяснял, успокаивал и говорил: «Молись, и Господь откроет все тайны». Видя мою духовную немощность, отец Анатолий всячески старался укрепить чуть теплящуюся мою веру. При таком его отношении я немного ожила, стала к нему обращаться и с разными житейскими вопросами. Он всегда посочувствует, немногословно посоветует, как лучше поступить, всегда утешит, благословит.

Не могли не поражать батюшкины терпеливость, трудолюбие, пунктуальность. Даже будучи в отпуске он никогда не пропускал занятия, у него в софийской школе не было каникул. Он всегда, в любую погоду, к началу занятия был на месте. Никогда не задерживался даже на минуту, но к нам, его ученикам, был неизменно снисходителен.

Вспоминаю, как в начале нашего знакомства я пригласила его освятить квартиру, и очень переживала, боялась что-нибудь не так сделать. И вот мы с ним вдвоем. Он освятил квартиру, мы сели за небольшую трапезу, и здесь я впервые испытала его отеческое отношение. По моей просьбе он кратко рассказал о своей жизни, о том, как пришел служить Господу. Расспросил о моей жизни. Я ему рассказала о своем горе. Он с сочувствием отнесся ко мне. Когда мы расставались, я хотела вызвать такси, так как было уже поздно, да и ехать надо с пересадкой, но по своей скромности батюшка наотрез отказался и ушел на автобус. После этой встречи я поняла, что нет для меня человека ближе и дороже. Я знала: что бы со мной ни случилось, в любое время я найду помощь у отца Анатолия.

Какое-то время спустя я подошла к батюшке с просьбой стать моим духовным отцом. Он задумался, замедлил с ответом. Я поняла, что он ищет подходящее слово, чтобы не обидеть меня, не оттолкнуть. Опередив его, я высказала предположение, что, может быть, еще рано. Он благодарно заулыбался и сказал: «Надо еще подождать». Я приняла это без обиды, поскольку поняла, насколько же серьезно отец Анатолий относится ко всему. Спустя год, а может н больше, я снова подошла к нему с этой же просьбой, и на этот раз батюшка благословил меня. Счастливая, я летела домой как на крыльях! Этот день я помню как сейчас.

Однажды я заболела. Больше недели провалялась дома с температурой тридцать девять, после чего мне дали направление в больницу. Но без благословения и молитвы отца Анатолия я не решалась ехать. Несмотря на позднее время я с трепетом набрала номер его телефона. Батюшка как раз пришел после вечернего богослужения. Он меня расспросил, благословил и пожелал выздоровления. В больницу я отправилась с легким сердцем, зная, что теперь все будет хорошо. Он никогда не считался со своим временем, он жил жизнью своих чад. К нему можно было обратиться в любое время дня и ночи. Неоднократно я просила батюшку помолиться за внука, он очень болел, и Господь по его молитвам помогал.

В 2001 году у меня обнаружили опухоль на поджелудочной железе, кисту на почке и дополнительную долю на селезенке. Предстояла сложная операция. Пока меня готовили, я посоветовалась с батюшкой, все ему объяснила и спросила, что мне делать. Он сказал: «Если можешь, потерпи и молись». Очевидно, предвидел испытания, предстоящие мне. При обследовании, таком сложном и долгом, я дошла до изнеможения. Молилась, по благословению батюшки часто причащалась, даже до 2–3 раз в неделю. Я полностью положилась на Господа, зная, что отец Анатолий молится о мне. И его молитвами благополучно перенесла операцию и поправилась после нее. Но когда однажды сказала батюшке, что это он меня спас, он сразу перевел разговор на другую тему. Не любил он похвал в свой адрес…

Последнее время батюшка плохо себя чувствовал, видно было, что он превозмогал себя, правда, никогда не пожаловался. После службы толпа прихожан подходила за благословением, за советом, и он всем уделял время. До последнего своего дня он выполнял все требы: соборовал, причащал болящих, освящал квартиры.

В его проповедях мы слышали призыв быть всегда с Богом, совершенствоваться, любить друг друга, быть снисходительными к немощам других и прощать всех, даже своих врагов, молиться за них, помогать друг другу, не осуждать и терпеливо нести свой крест. Так, как делал он сам.

Батюшка никогда ни на кого не повышал голоса, был выдержанным, не раздражался. Когда же касалось веры, он мог строго спросить: «Кому служишь, Богу или мамоне?».

Ушел от нас батюшка, но память о нем остается снами.

Я вижу его светлые, добрые глаза, чувствую теплоту его рук, вижу, как он выходит из алтаря, слышу его проповеди и чувствую его молитву за нас. Когда очень трудно, беру его фотографию и слышу: «Надо терпеть, молиться, смиренно принимать все скорби, и Господь не оставит». И это меня поддерживает.

Грешница Галина

Умел видеть мою душу

В моей памяти батюшка Анатолий остается самым чистым и светлым из всех, кто когда-нибудь встречался мне в жизни. Его кротость, смирение, терпение и молитва о моей грешной душе изменили мой взгляд на мир. У него не было ни обвинений, ни осуждения. Между мной и батюшкой был Бог. И как же он радовался каждому благому изменению в моей душе!

До встречи с отцом Анатолием я ходила в другой храм и исповедовалась во всем другому священнику. Свои многочисленные грехи я излагала в письменном виде, а он читал эти мои исповеди в алтаре, так как времени у него было мало, а дел и кающихся — много. Он в храме тогда служил один. Я просила в своих молитвах у Бога, чтобы Он дал мне в общение христиан. И месяца через два я оказалась прихожанкой Софийского собора и слушательницей батюшкиных занятий.

Я не сразу пришла в полное общение с отцом Анатолием. Когда «созрела», попросила взять меня в духовные дочери. Он сказал: «Иди». И духовная жизнь у меня вошла в колею. Я только говорила: «Батюшка, благословите». Он отвечал: «Бог благословит».

Душа уязвляется своими грехами. Во мне тогда с Богом боролись гордость, тщеславие, упрямство. Временами было очень тяжело. Сказывалась духовная слабость и безграмотность. Хотя внешне, может быть, ничего этого и не было видно. Много было искушений от окружающих, много сердечной боли. Да я и сама не была образцом кротости, потому и терпела эти обиды, понимая, что нужно учиться прощать. Батюшка умел видеть мою душу, умел вразумить и утешить. Во время исповедей я получила от него ответы на все то, что меня беспокоило, в чем сомневалась.

В последние дни своей земной жизни батюшка был так светел, весь сиял! При очевидной немощи телесной. Это вызывало тревожное чувство, что он вотвот уйдет из жизни, но я этому старалась не верить. И 4 апреля я у отца Анатолия исповедалась и причастилась, перед уходом из храма он меня, как всегда, благословил. А 5 апреля мне позвонили и сообщили, что он отошел к Господу. Для меня это утрата опоры в жизни. Я ему молюсь, прошу помощи и поминаю каждый день не один раз.

Вечная память моему духовному наставнику и молитвеннику, дорогому и любимому батюшке протоиерею Анатолию.

Слава Богу за все!

Раба Божия Надежда

Не раз мне от него «попадало»

Мы с мужем разными дорогами пришли в Софийский собор и попали к отцу Анатолию.

Впервые я встретилась с батюшкой еще в 1988 году, когда крестили моего племянника в церкви святого апостола Филиппа. Крестили просто потому, что так надо, а вовсе не по благоразумию.

Путь к Церкви и к Богу у меня начался позже, после смерти моей бабушки, глубоко верующей и о ту пору единственной молитвенницы за наш бесшабашный большой клан. Это было в 1991 году, когда вновь открыли кафедральный Софийский собор и освятили его алтари. Какое-то время ходила в храм без более-менее ясного понятия о происходящем в нем, без особой веры,

просто «душа звала».

Отец Анатолий казался мне строгим и малодоступным, хотя я и не робкого десятка. Но все равно, полагая, что только такой вот, почтенных уже лет, батюшка в состоянии ответить на мои вопросы, подходила к нему. Несколько раз мне от него «попадало»… Потом только я поняла, что он лишь «журил» и вразумлял, а надо было «бить» крепче. Уж как мы себя любим и бережем…

Сергей, мой муж, более робкий, скрытный и в душе более мягкий человек, пришел к Богу скорее умом, а не сердцем, причем… со второго раза. Пришел в храм, «побыл» там, что-то понял, что-то недопонял — и ушел. Спустя время пришел снова.

Он отнесся к вере, как к науке, много перелопатив всякой «философии». Потом стал ходить к отцу Анатолию в воскресную школу для взрослых и изучать азы Православия вместе с мудрым священником.

Окончательно к батюшке Сергея привело несчастье, как, наверное, и многих еще. По его выражению он просто «уткнулся» к батюшке в подрясник и уж больше старался не отлепляться. Причины разные и личные, я о них писать не буду. Важнее другое. Батюшка *принял* Сергея и всегда его держал в поле своего зрения. Он узрел чистое, доброе и наивное сердце уже довольно-таки взрослого дяденьки, в душе совсем ребенка, доверчивого простака, каких ныне не очень много.

После нашего с Сергеем знакомства в 2001 году мы уже вдвоем стали ходить на занятия к отцу Анатолию. Батюшка же благословил Сергея «взять» меня в жены. Хотя, надо сказать, что в нашей брачной «эпопее» принял деятельное участие еще один замечательный священник Софийского собора, ученик и наследник батюшки, отец Виктор Петернев, который ныне является нашим с мужем духовным наставником.

О батюшке Анатолии всегда вспоминается с теплотой и чувством утраты. Утраты — это чисто по-человечески, а по-божески-то, мы понимаем, он все равно всегда с нами. Когда у нас, особенно у мужа, проблемы, Сергей едет в Хутынь на батюшкину могилку, а если это невозможно, просто спит «в обнимку» с батюшкиным портретом, который стоит у нас на божнице.

Что связывает конкретных людей с конкретным священником — это, конечно, их частное дело, но важно, что эта незримая духовная связь существует, и благодаря таким батюшкам, как протоиерей Анатолий Малинин, мы прилепляемся к Богу и к Церкви.

Ольга Романова

Дочке уже шестнадцатый год

Батюшка спас немало жизней. Могу об этом говорить потому, что благодаря батюшке явилась в жизнь моя дочь, которой теперь уже 15 лет. А ведь, страшно подумать, ее могло не быть.

В середине срока моей беременности врачи обнаружили окарстование и сообщили мне о срочной госпитализации и возможной необходимости искусственного прерывания. Со слезами и плачем пришла к батюшке: что делать? Батюшка долго думал, ушел мыслями в себя, в невидимый для нас мир, потом сказал: «Не надо ничего делать. Все будет хорошо, все будут здоровы. Положись на Господа. Молись».

В кабинете врача, которому я сообщила о своем решении, выслушала слова негодования, ужасные прогнозы — все выдержала. Ведь со мной было батюшкино благословение, и не было у меня ни страха, ни опасений. Мне было спокойно — все тревоги, переживания и невзгоды батюшка снял с моих плеч и взял на себя.

Постоянно ходила в церковь, исповедовалась и причащалась, получала батюшкину духовную поддержку. Дочка родилась здоровенькой, в положенное время. Теперь ей уже шестнадцатый год. Слава Богу за все! И спасибо батюшке!

Батюшкино чадо Светлана

Уроки духовного отца

Я уже несколько лет ходила в храм, читала духовную литературу, каялась сколько-то раз в год. Добрые люди подсказывали, что необходим духовный руководитель, но что такое духовное руководство, я не понимала. Однажды стояла в Софии и просила Бога открыть, кто может стать моим духовным отцом. В сторонке отец Анатолий беседовал с прихожанкой. Я дождалась, когда закончится беседа, подошла и спросила, не может ли он взять меня в духовные чада. И он к моему внутреннему смятению ответил: «Если будешь слушаться».

Слушаться, казалось, так легко, а на деле… Не ясно: что спрашивать, в чем надо быть послушной, когда ты должна решать сама, а в каких случаях отложить свое «я» и взять благословение?.. Вопросов было (и остается) много, уразумение приходит не сразу. Не сразу понимаешь, что главное, а что второстепенное.

Как-то раз осуществила давно вынашиваемое желание. Сомнения какие-то были, но я не думала, что совершаемое настолько важно, что следовало бы прежде посоветоваться с духовным отцом. Когда все же рассказала батюшке, то в ответ услышала: «Ну что ж, раз сделано, так сделано». И тогда поняла, что сделано что-то не то и не так. Спустя несколько лет подтвердилась ошибочность того моего шага. А что теперь предпринять для исправления, спросить уже не у кого… После этого случая крепко усвоила, что без благословения нельзя делать ничего, что может иметь серьезные последствия.

Батюшка учил, как надо познавать себя, как надо не закрывать глаза на свои грехи и дурные стороны характера.

Многие помнят, сколько народу приходило на исповедь в воскресенье и праздничные дни. Проповедь произносил отец Анатолий. Смело вскрывал язвы грехов, которые в мирской жизни не считаются таковыми, а теперь уж и вообще начинают восприниматься чуть ли не как «добродетели». Обращая внимание на то, что стоим перед лицом Бога, призывал покаяться в своих грехах. Мало в нас любви, нет любви к Богу, даже к близким нет любви. Слаба вера, надеемся на себя и на мир, в котором живем… Разносторонней и некнижной была его проповедь, помогая нам рассмотреть льстивость окружающей жизни, ее соблазны. Понять собственную глубокую греховность.

Стояли мы на исповеди перед отцом Анатолием. Много нас. Зрит Господь, видит и батюшка наши сердца, мысли, готовность (или неготовность) покаяться. Стояли, подталкивая друг друга, волнуясь, успеем ли до начала службы исповедоваться именно у него… Стояла как-то я и раздраженно думала про себя: мол, и другие батюшки исповедь принимают, так что те, кто вообще ни одного греха не говорит, а сразу голову наклоняет под епитрахиль, могли бы к другим пойти, а мне вот необходимо исповедоваться у своего духовного отца. Не ведала, что батюшка зрит мои мысли. Подошла уже близко, и вдруг он стал вызывать на исповедь одного,

другого — и так несколько человек, а я все стою рядом. Потом улыбнулся, сказал, что надо начинать службу, забрал крест, Евангелие и ушел. А мне, чтобы получше осознать свои грехи, пришлось встать в конец удвоенной очереди к другому священнику.

Запомнился и еще один урок смирения. Большой праздник выпал на рабочий день, так что быть на богослужении я не могла. Отпросилась с работы на час-полтора, чтобы исповедоваться, а причаститься думала в ближайшее воскресенье. По дороге в храм вспоминала грехи, но — как-то без должного чувства покаяния. В храме народу было немного, исповедь принимали два священника. Встала к отцу Анатолию. Скоро подошла к нему, а он мне говорит, что уходит, и берет в руки крест и Евангелие. Стоять к другому священнику времени уже не было. Расстроенная пошла к свечному ящику — подать записочки. Подошла, оборачиваюсь — и вижу: батюшка продолжает исповедь и смотрит на меня. Горю моему не было предела. Вот когда проняло меня настоящее покаяние! Так отец Анатолий учил подходить к таинствам с полной ответственностью, помогал смирять самолюбие, гордость и другие страсти.

Однажды спросила у батюшки, какой большой грех сейчас не нравится во мне Господу. Ответил: «Самоволие». И серьезно этим озадачил. Мне, давно привыкшей думать и решать все самой, нелегко было осознать, в чем заключается самоволие. Своими молитвами батюшка помог понять.

Всякое доброе дело нужно делать с рассуждением. Но рассуждения не всегда хватало, поэтому столько самоволия было, столько всякого понаделано без благословения. Где только я не побывала, а батюшка терпеливо ждал, когда я остановлюсь и буду рядом. И когда я остановилась, батюшка стал выправлять мои пути. Однажды подошла с вопросом, а он мне в ответ: «Ты же уже спрашивала, я тебе ответил». Оказывается, все эти недели и месяцы, что изредка приходила в Софию, он духовно следил и ждал, когда я кончу бывать там, где мне хочется.

В храм отец Анатолий приходил заранее, задолго до начала службы. Шел с автобусной остановки тихой старческой походкой, неторопливо переставляя свои натруженные ноги. До восьми часов утра он уже в храме. Его ждет множество записочек о здравии и упокоении, в каждой имена, за каждым именем жизнь человека, его печали, радости, страдания. Батюшка часами выстаивал у жертвенника, вынимая частички из просфор. Его молитвы ждали души живых и усопших. А в воскресенье акафист Царице Небесной, честному образу Ее «Знамению», казалось, читает только отец Анатолий. Утром исповедь, литургия, вечером акафист — какая большая духовная сила нужна, чтобы нести такие нагрузки, а ведь ему было уже за семьдесят!

Батюшка со службы домой возвращался обычно один. Но постепенно его стали провожать духовные чада. В миру мы не всегда окружены близкими по духу людьми, поэтому бываем духовно одиноки. А тут, провожая батюшку, мы были рядом с ним и друг с другом. Делились впечатлениями от паломнических поездок, прочитанных книг, вели с ним духовные беседы. Отец Анатолий в храме не любил разговоров, только отвечал на вопросы. Выйдя из храма, подходили к нему с беседами, которые при необходимости бывали и продолжительными, или он сам подзывал к себе кого-либо, расспрашивал. Редко кто подходил с пустыми разговорами, их батюшка прерывал тотчас — тактично, но твердо.

Многие помнят минуты ожидания после литургии, когда отец Анатолий выйдет с крестом. Сразу выстраивалась большая очередь. Некоторые советовались, подводили под благословение детей, и тех, кто с детьми, старались пропустить без очереди. И всех нас окутывала исходящая от батюшки благодать, претворявшаяся в атмосферу общей радости и любви.

Однажды я сильно согрешила и очень переживала из-за этого. После службы дождалась, когда отец Анатолий выйдет из алтаря, и упала перед ним на колени, прося прощения и молитв. Так батюшка даже отшатнулся: «Ты что, я простой человек, а не святой…».

Духовный отец несет больше ответственности за своих чад, чем кровные родители, страдает и духовно, и телесно за их грехи. А если чад много и все где-то «спотыкаются», каются и опять грешат… Только отец Анатолий знал, сколько у него духовных детей. А кроме них — сколько еще просящих о молитве, приходящих со своим горем, спрашивающих совета. Поистине пастырский труд — это подвиг. Для совершения его необходима помощь от Бога, и отец Анатолий ее получал, так как посвятил свою жизнь служению Творцу и людям. Многие помнят, как он после операции, будучи еще слаб, выходил принимать исповедь. Говорил проповедь о покаянии, а потом принимал не один десяток исповедников.

В дни последнего Великого поста, перед своей кончиной, без сомнения, он нес большие подвиги, а к нам был снисходителен.

Памяти дорого все, что связано с духовным отцом. Вспоминаются катехизические занятия, которые проводил отец Анатолий в Софийском соборе. Подниматься в класс приходилось по винтовой лестнице до самого верха. Первые разы, бывало, идешь, и лестница кажется бесконечной. Сердце стучит, ноги с трудом переставляешь по ступеням. Постепенно, по мере привыкания, подниматься становилось все легче. И сколько раз приходилось подниматься с батюшкой, он до самого верха шел ровным неторопливым шагом, не останавливаясь, не отдыхая. Невольно подумалось: не иначе. Ангелы помогают. Однажды я опаздывала на занятие. В храме мне сказали, что отец Анатолий только что пошел в класс. Стала подниматься, слышу батюшкины шаги впереди. Нехорошо, думаю, что учитель впереди ученицы идет в класс. Стала догонять, шаги впереди меня слышны. Я еще быстрее — через ступеньку, а шаги все так же впереди. Поднялась на верхнюю площадку — нет батюшки, вхожу в класс — он сидит уже перед всеми.

Перед началом занятия — молитва, потом чтение Евангелия, Апостола, житий святых. Народу на занятиях было много, приходилось приносить дополнительно стулья. Темы были самые разные — от сотворения мира, ветхозаветной истории до современной жизни с ее лестями и искушениями. После занятия — опять молитва, очередь под благословение, и всегда множество заготовленных вопросов, на некоторые отец Анатолий отвечал громко, чтобы слышали все. Сложные духовные вопросы разъяснял подробно, тогда его окружали, внимательно слушали, впитывая каждое слово. Иногда ведет беседу на какую-нибудь тему, а ты чувствуешь, что то или иное сказано лично тебе.

Благословение духовного отца, краткое напутствие — как оно весомо и значимо! Помню, во дни особой духовной брани, когда не могла для себя принять решение, а оно должно было исходить только от меня, когда считала себя недостойной приблизиться к старцу, он неизменно призывал к себе, ничего не говорил, но его благословляющая рука призывала стоять твердо и дальше, — он со мной. Эту руку помню и сейчас. От нее исходили твердость и сила. И большая отеческая любовь.

Перед большими праздниками на вечернее богослужение приходит народу больше обычного, и на елеопомазанис выстраивается большая очередь. Несколько раз я не успевала подойти, отца Анатолия сменял другой священник, а он уходил в алтарь. Стою как-то в очереди и вижу, что явно не успеваю подойти. Стала внутренне жаловаться батюшке: мол, опять не успеваю, и вы уйдете в алтарь, а мне так хочется, чтобы помазали вы. Чувствую, батюшка услышал. И как-то пошла-пошла — и подошла. Батюшка помазывает, а сам смотрит куда-то в сторону, не на меня; где, мол, твое терпение и смирение. А мне радостно…

Прозорливость отца Анатолия известна многим. Но его духовному взору открывались судьбы не только живых, но и усопших. Я как-то обратила внимание, что мама в поминания о упокоении не вписывает имя своего деда. В ответ на мой вопрос она сказала, что с ним произошла какая-то непонятная история — толи его убили, то ли покончил с собой. И уточнить уже не у кого. Меня это сильно встревожило. Рассказала батюшке. Он внимательно выслушал, помолился и говорит: «Убит. Можно молиться церковно».

После этого решила посоветоваться с батюшкой и об отце — можно ли и о нем молиться церковно. Он был коммунист, в храм не ходил и во многом согрешал. Похоронили отца с музыкой, но и в храме отпели заочно, так как он все же был крещеный. Исповедался ли он хоть раз в жизни, я не знаю. В сонном видении Господь открыл мне, куда помещена его душа до Страшного суда. Место очень неприятное. Рассказала все батюшке, просила его совета. Он помолился и велел мне усиленно молиться за отца, вымаливать его пред Господом. Значит, есть еще надежда облегчи! ь его загробную участь…

Вспоминаю праздник Входа Господня в Иерусалим. В храме народу много, исповедь принимают несколько священников, к отцу Анатолию на исповедь не попала. Литургия подходит к концу. Конец и венец всей службы, ради чего мы пришли в храм, к нам выходит Сам Господь Иисус Христос в виде жертвенного Тела и Крови. Чаш со Святым Причастием несколько. Отец Анатолий причащает на амвоне. Народу к нему очень много. Мне неудержимо хочется принять Причастие из рук моего духовного отца. Подхожу последней, благодарю Бога за эту великую милость. Как оказалось, это было последнее Причастие, принятое мной из рук отца Анатолия. Закончилась служба, и храм быстро опустел. Я где-то простояла и не подошла, как обычно, под благословение. Батюшка уже шел на праздничную трапезу, когда подошла я. Стала просить прощения, что ослушалась… Батюшка слегка, еле заметно улыбнулся, мы поняли друг друга.

Может показаться странным, но я не знала, где живет мой духовный отец. Номер телефона знала, так как несколько раз пришлось звонить по неотложным делам, адом батюшки мне показали за две-три недели до его кончины. Меня тяготило, что номер телефона получила без его благословения. В этот раз испросила благословение звонить при необходимости — и получила его. На следующий день батюшки не стало.

Место его упокоения, последнего его «дома» известно — Хутынский монастырь, а «звонить» можно в любое время — только молись.

Ушел из земной жизни протоирей Софийского собора отец Анатолий Малинин. Я узнала об этом на работе, по телефону. Ко мне отнеслись с сочувствием, сразу отпустили. Даже те, кто не ходит в церковь, с уважением относились к известному пастырю.

Подхожу к дому, на крыльце стоит крышка гроба, обтянутая белым шелком. В доме, в большой комнате лицом к большим иконам в святом углу лежит батюшка в белом облачении. В обычном гробу, обтянутом белым шелком, лежит — спит, сейчас вздохнет. Спокойное лицо не похоже на лицо умершего человека. Встаю на колени, теперь могу встать перед тем, кто терпел меня и молился о мне, кто учил духовной жизни. Кто еще присутствовал, достоверно не помню, знаю только, что все свои, софийские. В первую ночь у гроба я не была. На другой день пришла за несколько минут до того момента, когда навсегда закрывают лицо белым покровом.

Гроб с телом отца Анатолия привезли в церковь апостола Филиппа, где он прослужил тридцать лет, и поставили в приходе святителя Николая Чудотворца. Вокруг гроба много цветов, просто в ведрах с водой. Люди с работы заходят попрощаться и несут, несут цветы.

Всю ночь у гроба читали Евангелие, служили лиши.

Великим постом духовные чада в помощь ему во дни болезни решили вычитать Псалтирь о здравии. Читали двадцать дней, по кафизме в день. И как только кончили, на следующий день батюшка навсегда ушел от нас.

Утром 7 апреля, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, гроб с телом отца Анатолия перевезли в Софийский собор. Постепенно храм стал наполняться людьми. Несли и несли цветы. Цветов было море. Вскоре вокруг гроба образовалось плотное людское кольцо. Так как был рабочий день, большинство людей могли только попрощаться, возложить цветы и уйти, и все равно в храме было так многолюдно, как в большой праздник. После литургии и панихиды, которые совершил архиепископ Новгородский и Старорусский Лев, гроб с телом отца Анатолия обнесли вокруг Софии и увезли в Хутынский монастырь.

Последняя прощальная лития на монастырском кладбище. Вот на крышку гроба брошена первая горсть земли, еще и еще, вот вырос могильный холм, установлен крест, могила покрыта цветами и венками. Вот и всё. Некоторые фотографируют, стараются заснять на память проводы в последний путь любимого пастыря. Стою в стороне от всех. Сердце с ним, с батюшкой.

Раба Божия Любовь

Своим духовным зрением он видел все

Около четырех лет мы с мужем были духовными чадами архимандрита Агафангела (Догадина). Регулярно ездили к нему в Старую Руссу и получали от него советы и наставления в духовной жизни.

Как-то — меньше чем за год до смерти отца Агафангела (он уже болел) — приходим мы с Юрой и детьми в Софию. Служил в тот день отец Анатолий Малинин. И вдруг слышим: знакомый голос — и наш батюшка Агафангел тут. Вдвоем они в алтаре. В тот день все куда-то уехали, праздновали какого-то новгородского святого. Служили они очень дружно, слаженно. Думаю, не случайно Господь дал нам увидеть их вместе и почувствовать их духовную связь.

Когда отец Агафангел отошел ко Господу в феврале 1998 года, мы с мужем расстроились, что он никому нас не передал и ничего по этому поводу при жизни не высказал. И вот когда мы подошли к отцу Анатолию в Софии, он вдруг сказал: «А у меня есть кассета с вами, где вы у архимандрита Агафангела», — и сразу нас принял. А я знаю, что он принимал не всех. Одна моя знакомая подходила к нему, просилась в чада, а он ей сказал: «У тебя есть Евангелие, святых отцов читай», — этим все и кончилось. Оказывается, отец Агафангел передал отцу Анатолию видеокассету с празднования Старорусской иконы Божией Матери, последнего, между прочим, в его жизни. А с этой видеокассетой, выходит, передал ему и нас. Так мы после этого к отцу Анатолия и прилипли. Он все еще хотел эту кассету дать нам посмотреть, да почему-то мы так и не сподобились…

Сначала я его не понимала. Ведь у батюшки Агафангела было четко — «делай то», «делай так». Мы даже не задумывались: главное, исполняй то, что батюшка сказал, — и все будет хорошо. Были спокойны в этом плане. А отец Анатолий заставлял еще и самих думать, как в той или иной ситуации поступить. Я к нему с вопросом, а он в ответ: «А ты сама как думаешь?». А как я могу думать, когда привыкла, что мне говорят «делай так» или «делай этак». Смущенно мычала что-то, а батюшка, видя такую мою беспомощность, пожалеет: «Думаю, так будет лучше, сделай так». Много направлял, конечно. Особенно когда унывали в разных тяжелых

житейских ситуациях. Как тогда чувствовалась батюшкина молитвенная поддержка!

Милостию Божией по батюшкиными молитвами уладился постепенно для нас квартирный вопрос — временами казавшийся нам неразрешимым.

Бывали моменты такие, что — он прямо вроде не говорит, но, тем не менее, дает тебе понять — удачно или неудачно разрешится то, о чем спрашиваешь.

Отец Анатолий был очень осторожен в ответах. Поэтому не спешил с ними. А мужу моему Юре часто не терпелось получить ответ сразу. И вот он приставал как-то к нему, приставал, а батюшка сказал ему: «Ну что мы можем от своей головы-то наговорить?..». И тогда до нас дошло, что когда он отвечал по существу — он говорил от Бога, то есть то, что Господь ему открывал о человеке.

11о поводу прозорливости батюшкиной хочется сказать. Вспоминается, например, такое. Стал мне Юра говорить: «Ты почему ходишь в брюках? Написано же в Библии, что нельзя…» — «А мне в них удобно. И тепло». Раз сказал, другой — я в голову не беру. Пришла на исповедь. И вот в проповеди перед исповедью отец Анатолий вдруг и говорит, посмотрев в мою сторону: «Нельзя женщине носить мужскую одежду. Недаром в Библии об этом написано, не просто же так» (не помню, чтобы прежде он об этом говорил). Я и это как-то мимо ушей пропустила — и опять за свое. Через какое-то время батюшка опять перед исповедью обличал любительниц ходить в брюках. Понимала, конечно, что это и меня касается, но все равно брюки носить не перестала. И вот как-то на исповеди каюсь в одном грехе, а он мне — вроде, и некстати: «А, так ты хочешь штаны носить?» И все! Все я поняла — больше брюки никогда не надевала.

Одно время, как многие помнят, отец Анатолий принимал исповеди перед правой стороной иконостаса, где вход в алтарь, рядом со святителем Никитой. И вот стою я на исповедь, и мне уже подходить. Вдруг батюшка занервничал, забеспокоился явно. Что-то ему как будто не по себе. И пошел вдруг в сторону входа в алтарь. Навстречу ему выходит один из диаконов. И батюшка с такой скорбью, с таким гневом ему говорит: «Разве можно сквернословить в алтаре!». Тот только виновато поник головой и ушел. Кто еще был в алтаре, не знаю. Я-то думала: чего ото батюшка заметался? Уйдет вот сейчас и меня не исповедует… А вот, оказывается, в чем дело было. Своим духовным зрением он все видел.

Я очень каждый раз переживала, если на исповедь к батюшке не попадала. Между прочим, вспоминаю, исповеди писать он не благословлял: а вдруг потеряешь…

Когда я была беременна Сашей, четвертым ребенком, чуть не падала от слабости. Я еще и работала тогда, а у меня гемоглобин был 70. И так — на протяжении всей беременности, с 4–5 месяцев врачи поднимали его чем могли. В больнице полежала, капельницы поделали — и все равно никак выше 90–95 не поднимался. Я батюшке как-то об этом сказала: вот, мол, кровь плохая, гемоглобин низкий. Он вздохнул сочувственно: «Грешим вот, а потом по грехам и получаем». А через неделю прихожу я к своему врачу (я уж и не лечилась особо-то). Она смотрит на меня и улыбается: «Молодец!» — Я думаю: что такое, за что это она меня хвалит? — «140 гемоглобин набрала!» — Такое же просто нереально! Плод растет, с каждым днем забирает все больше. Это уже незадолго до родов было. И потом, еще долго после родов, гемоглобин у меня держался в приличных пределах. Такое вот чудо было явлено мне по батюшкиным молитвам.

Со старшим нашим сыном немало было проблем. Начудит столько всего, подходит на исповедь. Ну, думаю, батюшка сейчас отругает его как следует. А батюшка так ласково с ним разговаривает, улыбается. Даже в том, как он его епитрахилью накрывал, чувствовалось, с

какой любовью он к нему относился. И каждый раз так, даже когда тот проступки серьезные совершал. Однажды его отлучили от причастия (другой священник). Я сказала об этом батюшке. Он даже заволновался: «Кто это сделал?». Я назвала. Он только вздохнул огорченно.

Со временем сын немало доставлял хлопот и учителям в школе. Потеряв терпение, они пришли к отцу Анатолию жаловаться на него — с тем, чтобы он благословил бы их убрать его из школы: мы, мол, больше не можем с ним ничего сделать. Он возмутился: «Как это вы не можете? Вы же педагоги. Это ваш долг. Вы и займитесь им по-настоящему». Он много скорбел из-за этого.

Как-то я ему сказала: «Каюсь — мало с детей требую». «С себя требовать надо», — ответил он с укоризной.

Незадолго до батюшкиной смерти как-то, помню, подошли к нему в Софии. Он стоял между колонн у мощей князя Феодора, разговаривал со старостой Галиной Яковлевной. Скоро она ушла, и отец Анатолий заговорил с нами о преподобном Серафиме Вырицком, вспоминал, как он у него был семинаристом. «Главное помните, — с особенной какой-то проникновенностью сказал он нам, — что *от Меня это было».* И заплакал.

А мне не раз говорил: «Что бы ни случилось, главное — от Церкви не отходи. Это столп. Все надо перетерпеть и пережить. Только не отходи от Церкви».

А совсем незадолго перед своим уходом спросил меня: «Добротолюбие есть? Вот его и читайте. Евангелие и Добротолюбие».

…Стоим как-то со свекровью у раки святителя Иоанна, не в приделе, а с внешней стороны. А отец Анатолий в приделе после службы благословлял. И вдруг выходит мужчина — интеллигентного вида, довольно молодой, лет сорока с небольшим, с дипломатом — и так вздыхает, так вздыхает, что мы даже испугались, не плохо ли с ним; а он вышел, сел, прислонился, лицо закрывает: «Вы меня простите. Вы меня простите… Какой батюшка! Когда он меня благословил — я чуть не умер». Мы со свекровью только переглянулись: вот это да! А он отдышался и потихоньку пошел из храма, потрясенно повторяя: «Какой батюшка! Какой батюшка!».

Как чувствуется, что в Софии без него уж не то стало. Как приходишь в храм, бывало, да увидишь батюшку Анатолия — вот радость-то! А как благословлял! — разом все скорби отступали.

Словами многое передать просто невозможно — на таком тонком духовном уровне происходило общение с ним.

Раз в автобусе ехала. Стою и вдруг вижу, батюшка сидит, а к нему какая-то женщина подсела, что-то спрашивает у него. Я поскорбела, что мне с батюшкой даже и не поздороваться. А он вдруг, не прерывая разговора, повернул голову и поднял на меня глаза. Мне выходить, так что я успела ему только кивнуть — батюшка заулыбался в ответ. И сразу радость такая! Вышла — и полетела как на крыльях.

Какие чудесные, ясные глаза у него были! Никогда не забуду.

Марина Сынкова

Встречи с отцом Анатолием

В тот день, когда батюшка Анатолий Малинин ушел в вечность, я находился в Санкт-Петербурге — работал там. Позвонила из Новгорода тетушка и сообщила об его кончине.

Что я чувствовал тогда, будучи извещен о смерти своего духовника?

Не скажу, что страшное горе, но скорее — опустошение и растерянность. Растерянность, ибо не знал — что мне следует делать сейчас. Но, слава Богу, будучи человеком уже относительно воцерковленным, довольно быстро оправился и открыл Святое Евангелие. Стал читать его, глава за главой, в память и для лучшего упокоения новопреставленного протоиерея Анатолия. Читал, пока не стали сливаться буквы перед глазами, а потом, уже поздно ночью, долго, не в силах уснуть, лежал и вспоминал немногие в общем-то наши встречи с отцом Анатолием…

…Мои первые исповедь и Причастие совершились на Рождество 2000-го года в Софийском соборе. Я не помню уже точно, кто меня исповедовал тогда — батюшка ли Анатолий? может быть, и не он…

Я еще не был готов говорить о своих грехах. Мой родитель посоветовал, что для первого раза будет достаточно просто признания: «Грешен!». К счастью, священник, принимавший мою исповедь, не потребовал от меня большего. Не спросил он также у новоначального, читал ли тот накануне правило ко Святому Причащению. Возможно, ревнителям строгого соблюдения правил это покажется недопустимым, но в моем тогдашнем состоянии это было очень хорошо и правильно — и явилось, думаю, следствием не небрежности, а скорее мудрости, потому что в противном случае я долго еще не пришел бы в храм…

И правило я теперь уже читаю, и каноны, и акафисты; исповедаюсь, насколько могу, старательно. А ту службу еле выстоял — думал, что вот-вот упаду, потеряю сознание. Но выстоял, причастился — толком не сознавая, что тогда со мной произошло, и думал даже, что долго теперь не приду в церковь.

А причащал меня в то Рождество, помню, сам владыка Лев.

К отцу Анатолию Малинину, уже специально, мы приходили вместе с моим папой позднее — когда я уже вошел в церковную ограду. Хорошо помню: когда отец приезжал в Новгород и мы посещали службу в Софии, по ее окончании переходили к приделу Рождества Богородицы, где находятся мощи святителя Никиты, и там ожидали, пока батюшка выйдет из алтаря, чтобы благословиться у старого священника и немножко с ним перемолвиться.

Кроме нас здесь выстраивалась целая очередь — десятки прихожан и даже приезжих паломников. Батюшка выходил из алтаря своей старческой, будто неуверенной походкой и словно исподлобья, осторожно поглядывал на нас. Но в настороженности той на самом деле заключалась его самоуничижительная сконфуженность — дескать, зачем это? ко мне? ко мне, грешному?

Он благословлял, немногословно советовал, иногда морщинистое лицо его озарялось светлой, детской улыбкой, когда речь заходила о каких-нибудь общих знакомых или полезных, хороших книгах — батюшка очень любил хорошие книги, журналы. Мой отец всегда старался привезти ему из Питера что-нибудь новенькое — свежий номер «Православного летописца», православные питерские газеты, аудиокассеты с записями передач «Православного радио Санкт-Петербурга».

Не знаю, как кому, а мне батюшка своим поведением всегда напоминал ребенка. И нет в таком моем восприятии ничего обидного для мудрого старца — его детскость была именно той, о которой Спаситель сказал: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.18:3).

Мой отец, к советам которого я с некоторых пор весьма прислушивался, настоятельно рекомендовал мне почаще бывать у своего духовника, вплоть до того, чтобы даже «напрашиваться» к нему домой в гости. Мой отец знал и понимал всю полезность такого общения для вчера еще светского и воспитанного в атеистических традициях человека. Но я долго не мог решиться последовать его рекомендации. И мешало именно мое прежнее воспитание! Некоторое время я провел в душевном раздрае — недавно обретенное послушание отцу боролось с привычной самостоятельностью, выработанной в период безотцовской юности (так вышло, что он не всегда жил с нами) и укрепившейся в период шоковой «перестройки», далеко не всегда на доброе и полезное.

После внутренней борьбы (одолел все же импульс, побуждающий к послушанию) я набрал номер телескопа, который дал мне отец, и без малейших затруднений договорился с батюшкой о встрече у него дома.

Я ехал на Целинную, робея, но уже заранее предвкушая, что при следующем свидании со своим отцом смогу сказать ему: «Был у батюшки. Отец Анатолий велел тебе кланяться». И мой отец будет мною доволен. Для меня это много значило теперь.

Всегда — и в первый раз, и после — меня немножко смущал домашний вид, в котором видел батюшку: старенькая рубашка, вязаная жилеточка, в застиранных трико и тапочках — по-моему, войлочных. Он встречал меня будто еще более смущенный, чем я сам, недостойный. Спрашивал о моих делах, об отце. Иногда случалась минутная пауза в разговоре, которую я не умел заполнить, а батюшка держал спокойно и с достоинством — он не любил лишних слов.

Отец Анатолий и исповедал, и проповеди говорил без особенного красноречия, но люди чувствовали в нем именно такого священника, которому можно открыться, которому можно верить.

А в тот, первый, раз он очень сильно «выручил меня». Я, если честно, отсидел бы у него пару минут, для порядка, — и поспешил бы восвояси. И кто знает, как скоро пришел бы к нему еще? Но вышло так, что он. едва я подошел под благословение, попросил меня о помощи.

— Я тут перестановку затеял, — тихо промолвил он, — помогите мне, пожалуйста, стол передвинуть.

Как я воспрянул духом! Папаня, я и впрямь оказался здесь кстати! Что бы делал без меня старенький священник!

С готовностью принялся я за работу — переносил со стола, который предстояло передвинуть, книги и иконы, попутно задавал вопросы, ощущая себя «человеком при деле», а не просто праздным посетителем.

Пройдет год, мы с сыном Виталием придем в Софию накануне Пасхи, и меня поразит, как похоже сложится ситуация, — моего сына попросят помочь носить столы из собора в приходской домик.

— Ну и что? — спросит кто-то.

А для меня очень важно, что мы, в недавнем прошлом нецерковные люди, позабывшие веру отцов, начинаем обретение ее в трудах — для начала пускай даже таких малых. Это очень символично и многообещающе!

Не хвалясь скажу, что с тех пор немало чего уже перенес и передвинул и, Бог даст, еще потружусь во славу Божию. А случай с сыном дает мне надежду, что и его, моего потомка, малый труд будет зачтен. И станет основой для последующих трудов — во спасение. Потому что вера без дел мертва!

Незадолго до своей кончины отец Анатолий был награжден вторым наперсным крестом с украшениями. Когда мы, по окончании проповеди, подходили прикладываться ко кресту, то прихожанка Марина Р. поздравила Пастыря Доброго, вручила ему букет белых роз.

— Теперь и умирать можно! — улыбаясь, сказал своей пастве батюшка. Ему никто даже возразить не успел, растерялись отчего-то…

Через месяц он почил — в Великий Понедельник, рано утром, отслужив накануне праздничную Литургию Вербного воскресенья.

— Поклонись от меня отцу Анатолию! — попросил протоиерей Иоанн Миронов, когда я благословлялся у него ехать на похороны в Новгород.

Я входил в Софию, где стоял гроб с телом священника, близкого мне человека, с ощущением для меня совершенно новым, непривычным. Мне, пожившему уже, не раз доводилось хоронить людей, но то были похороны другие, светские. Провожали ли мы в последний путь молодого или старика, похороны оставались гнетущим, печальным событием, различались они разве что по степени своей безотрадности.

Прощание с отцом Анатолием открыло для меня новый вариант завершения человеческой жизни. Печаль моя и всех во множестве здесь присутствующих была другой — светлой и даже с оттенком радости. Здесь можно было видеть улыбки, не воспринимая их как нечто кощунственное, противоестественное. Так провожают дорогих людей в важную командировку, с надеждой на скорую встречу.

И еще — здесь была гармония исполненности. Земная жизнь русского священника Анатолия Малинина сделалась предельно красивой в своей завершенности. Так картина с последним мазком художника становится пригодной к тому, чтобы ее созерцали и приобщались ее совершенству.

Батюшка помог мне при жизни. Батюшка помогает мне и после своего ухода.

Господи, упокой душу раба Твоего протоиерея Анатолия и святыми его молитвами помилуй меня грешного! Аминь.

Андрей Михайлов

«А куда спешишь?»

Вспоминаю, как я начала приобщаться к церковной жизни.

Было это летом. Вернувшись из города своего детства, где по настоятельной просьбе матери исповедалась и причастилась, в скором времени я вновь ощутила потребность в этом. В будний день пришла в Софийский собор. Исповедь принимал седой, пожилой священник, от которого

исходила благодать, как я теперь понимаю. А тогда почувствовала в нем какие-то необыкновенные силу и спокойствие. Это был отец Анатолий Малинин. Взяв мою бумажку с перечнем грехов, он прочитал, порвал и задал несколько вопросов… Впоследствии я не раз поражалась, насколько точно отец Анатолий задавал вопросы — всегда с большой духовной пользой для исповедующегося.

Потом я три года приходила на занятия в воскресной школе для взрослых, которые вел отец Анатолий. Тщательно записывала все, что он говорил. Теперь эти четыре тетради всегда лежат у меня рядом с православной литературой. Откроешь наугад — и в словах нашего незабвенного батюшки получишь ответ на какой-нибудь свой вопрос.

Как-то покаялась: «Не полностью молитвенное правило вычитываю». А батюшка в ответ: «А куда спешишь?». Эти слова всегда со мною. Забудусь в будничной суете, хлопоты мирские затянут, и вдруг как будто вновь слышу слова отца Анатолия: «А куда спешишь?».

Помню, он говорил на занятии: «Если посмотреть на современное общество — люди живут бессмысленно. Смысл жизни — познать, в чем состоит назначение человека. Неужели родились, чтобы посмотреть побрякушки, похоть очес…»

О жизни святителей новгородских рассказывал с радостью и гордостью. «Никита в сонме духовном известен как строгий подвижник, орган духовный, струя любви неистощимая…» И так о каждом. Рассказывал об их подвигах, как они боролись с искушениями, как общались с людьми, что ценили больше всего, — рассказывал так подробно, как о родных. И стоишь теперь в храме, будто под их защитой, и эту защиту в жизнь выносишь.

Жить в миру — страшно. Отец Анатолий помогал мне и проповедями своими, и отдельными высказываниями обретать источник жизненного мужества в вере в Господа. «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый».

А как забыть его призыв-напоминание на каждой исповеди: «Всех простила?». Вроде бы простые слова, а вызывают внутреннюю перестройку всего человека. «Всех простила?» — и ты уже настроена на благодатную волну умягчения, сострадания, сопереживания, а значит и сама обижать других станешь реже.

Молитвами нашего батюшки, убеждена в этом, избежали мы многих ошибок и разочарований.

Отец Анатолий помогал понять, что быть по-настоящему православным верующим нелегко. Он постоянно напоминал о необходимости читать Евангелие, Ветхий Завет, святых отцов: «Для того, чтобы познать Бога, истину, надо быть всегда с Богом, знать Священное Писание, Святое Предание…» Замечательно объяснял: «Как Священное Писание действует? Как молния озарит, и человек получает знания». Это отец Анатолий приучил многих из нас к постоянному чтению этих главных Книг Жизни.

Он хотел, чтобы мы занялись преображением своей души. «Если мы посуду чистим, драим, то и сердце надо… К сожалению, у нас сердце еле теплится к Богу, к страстям же оно возгорается». Кто-нибудь скажет: «У меня нервы испорчены», а батюшка на это: «Не нервы испорчены, а живет в сердце чужой. Стяжай в сердце мир».

Его подвижническая жизнь проходила у всех на виду. Она одна пресекала разные сомнения, предубеждения в адрес Церкви, священнослужителей.

А его скромность? Помню, насколько велико было удивление, когда я увидела отца Анатолия едущим на службу в обычном городском автобусе.

В последний год было заметно, что физически ему тяжело (в основном по походке, сам он старался не подавать вида). Душа же его горела, глаза лучились любовью к нам, грешным. А мы стояли после службы, ожидая, когда батюшка выйдет из алтаря, чтобы получить благословение его.

И как все неожиданно произошло. Вот в Вербное воскресенье стоит он недалеко от раки святителя Никиты, с небольшим букетом вербочек, весь светящийся добротой, так что ты ощущаешь мир, от него исходящий, и благословляет, благословляет… А на следующее утро — тяжелая весть о его кончине. Трудно было смириться с этим известием. Долго боль не утихала.

Но Господь знает, что нам надо. А мы не забудем нашего батюшку отца Анатолия. Приходишь на акафист иконе Пресвятой Богородицы «Знамение» — и слышишь его голос, запевавший, когда людской ручеек выстраивался на целование креста: «Царице моя преблагая…».

Раба Божия Татиана

Чудо первой исповеди

Вспоминаю свою первую исповедь. Это было чудо. Похоже, первое из зарегистрированных мною.

Мне несказанно повезло: впервые в жизни, уже в зрелом возрасте, я исповедовался отцу Анатолию (товарищ посоветовал, почитая его за старца). Батюшка пришел в Софийский собор на вечернюю службу, тут я к нему со своей, как теперь понимаю, неловкой просьбой. Он поначалу предложил прийти на следующий день, утром, как положено, но, поняв, что у меня весьма смутное представление о богослужебном расписании, а может, что-то увидев в моих глазах, распорядился начинать без него и, надев епитрахиль и поручи, подвел меня к аналою в уголке храма. Я достал листок и, втянув голову поглубже в плечи, просто протянул список осознанных мною грехов отцу Анатолию.

Читал он очень внимательно, время от времени уточняя что-нибудь своими вопросами. А потом произошло совершенно для меня неожиданное: «Всех простили?» — спросил батюшка. Я ему — про то, какая я дрянь, а он — про самое сокровенное у меня на душе. «Всех!» — рубанул, понимая, что вот именно сейчас и простил…

Чудо же произошло чуть позже. На службу я не остался, а выскочил из собора с чувством небывалого облегчения прямо в теплый летний вечер. Предзакатное солнце улыбалось конкретно мне. Домой идти не хотелось, я решил побродить по кремлю, по набережной. И вот тогда я понял, что все вокруг изменилось. И причиной тому не было низко сидящее солнце, которое, как известно, сгущает краски. Но именно краски стали другими. Зеленая трава стала **зеленой,** голубое небо — **голубым.** Я понял, что раньше все было… черно-белым. Не хватало насыщенности, как в состарившемся кинескопе цветного телевизора. Теперь же все предметы до оторопи поражали своими красками, как если бы я вдруг обрел свойство различать цвета или вообще прозрел после искусно проведенной операции. Да так ведь оно и было в действительности…

Андреи Колодин

(Из газеты «Покровские врата»)

«На все воля Божия»

Я не была духовной дочерью отца Анатолия, но, как и многие новгородцы, старалась прийти в храм, когда он вел службу. И каждый раз его слова западали в душу, и я получала ответы на многие жизненные вопросы.

И вот батюшки не стало. Боль непередаваемая. Все осталось только в памяти: его беседы о Новгороде, рассказы о храмах в Кремле, которых уже нет, о восстановлении Софийского собора и т.д. А разве можно забыть его благословение — всегда с такой чудесной улыбкой.

Не могу не вспомнить один случай из моей жизни, связанный с батюшкой.

В июне 2000 года мои дети полили свой огород ядохимикатами от сорняков. Мне они об этом ничего не сказали, а я решила им помочь. Когда полола, все удивлялась, что трава какого-то странно-бледного цвета. Руки с трудом отмылись только через несколько дней и покрылись мелкими пузырьками. Пузырьки лопались, причиняя нестерпимые зуд и жжение. Дальше — больше. На ладонях образовались очаговые, мокнущие покраснения, а затем язвочки, которые «гуляли» с места на место. Все это причиняло нестерпимую боль. Стирка, уборка, готовка — все превратилось в ежедневную пытку. Нс помогали никакие мази, никакие примочки (мой сын закончил фельдшерское отделение, и по его рекомендациям я использовала то одно, то другое). Следует добавить, что в это время я «стояла» на бирже по безработице, а с такими руками кому я нужна. Прошло шесть месяцев. Наступила зима. Варежки и перчатки я носить не могла. Даже рукава, прилегающие к рукам, причиняли страдания (с ладоней сыпь пошла дальше). Сын меня ругал, что я не хочу лечиться, а я не верила, что врачи мне помогут, и все оттягивала посещение поликлиники.

11 декабря я пошла в Софию. Душевное состояние у меня было ужасное: работы нет, руки болят. Захожу в храм. В храме почти никого нет. Я очень удивилась, так как считала, что пришла на празднование иконы Божией Матери «Знамение». От прихожан узнала, что праздник был накануне. Свет совсем стал не мил. И тут выходит из алтаря отец Анатолий. Тихо прошел по храму. К нему подходили прихожане, что-то, видимо, спрашивали, он им отвечал, и лица их светлели. Не знаю, какая сила заставила меня встать в очередь на исповедь. Я не готовилась, поскольку до того и не думала исповедоваться. Жила вне времени, даже числа перепутала, и пришла в храм не в тот день, когда хотела.

И вот подошла моя очередь. Я не могу сказать, что это была за исповедь. Я не помню, что говорила, у меня осталось только ощущение, что я перекладываю на батюшку все свои неудачи, всю боль, физическую и душевную. А он все смиренно на себя принимал, и на лице у него было сострадание.

Слезы катились по моему лицу градом. И я скорее ощущала, чем слышала, что никого не должна винить, всех простить, уповать только на Господа и Царицу Небесную. Как бы подчиняясь этому, я подошла к иконе «Знамение». Внутренне слыша слова батюшки: «Вера спасает человека», я украдкой с подсвечника у иконы взяла масло — всего один раз — и стала тут же втирать его в ладони. Как будто кто мне это подсказал. Хотя рядом никого не было. Службу я стоять не смогла. Я чувствовала, что получила что-то необычное, всю меня переполняющее. Домой шла пешком. Перед глазами стоял «светлый батюшка» и образ Пресвятой Богородицы «Знамение».

Когда подходила к дому, почувствовала, что у меня прекратилось жжение и покалывание в руках. Через две недели пришла в Софию и показала отцу Анатолию *чистые, здоровые* руки. Он улыбнулся и тихо сказал: «На все воля Божия».

Любовь Михайлова

Помог сделать первый шаг

Не беру на себя смелость сказать, что хорошо знала отца Анатолия Малинина. Но именно он помог мне сделать первый шаг к духовной жизни.

Я редко ходила в храм. Иногда с мамой. А потом мамы не стало: умерла после операции. Осталась я, еще девчонка, одна, безутешная, в слезах и недоумении, как же теперь жить. Добрые люди посоветовали: «Иди в храм, поминай мать. Будет легче и тебе и ей». Стала ходить. Но редко и по-прежнему поверхностно воспринимая все происходящее в храме. Была, в общем, типичной «захожанкой».

Пришла в церковь апостола Филиппа (которая одна тогда и действовала в городе) на Пасху. Народу масса. Все в ожидании Величайшего Праздника, много священников, атмосфера всеобщего духовного подъема… Люди, которые готовились ко Святому Причащению (как понимаю теперь), шли на исповедь. Я смотрела на сияющие лица людей вокруг, чувствовала их приподнятое, праздничное настроение — и мне так захотелось быть такой же, как они, приобщиться к тому Великому, чем жили эти люди…

Исповедь принимали три священника. Никого из них я, естественно, не знала. Так, видимо, было угодно Богу, чтобы я подошла к отцу Анатолию. «Батюшка, — сказал я ему, — я не постилась, не готовилась, я вообще не знаю, как надо готовиться к Причастию, но мне ОЧЕНЬ хочется сегодня именно, в Пасху, причаститься!» Он посмотрел на меня очень внимательно, помолчал (видимо, молился; он про меня все понял без слов) и благословил подойти ко Святому Причащению.

Когда я причастилась, на душе у меня был настоящий праздник: так светло, легко, радостно — как в детстве! Никогда, наверно, у меня не было такого состояния души. До утра, охваченная всеобщим ликованием, стояла на пасхальном богослужении. Домой летела как на крыльях. С этого момента душа моя начала воскресать к настоящей жизни, к жизни с Богом.

И как же я благодарна отцу Анатолию за то, что он помог мне тогда сделать этот первый шаг, с которого началось мое воцерковление.

Вечная ему светлая память.

Раба Божия Нина

Память сердца

Приходится иногда сожалеть, что не ведешь дневников, не записываешь событий, встреч, бесед с самыми разными людьми, с которыми сводит тебя жизнь, работа. В памяти остаются только живые образы и впечатления, которые годами не тускнеют.

…Кто-то из читателей библиотеки обратил внимание на то, что на фотографиях лица современных старцев — таких, как Николай Гурьянов, Кирилл (Павлов), наш отец Анатолий Малинин, удивительно похожи чем-то друг на друга. Что в них? Простота и покой. Поистине *«печать Духа Святого»*.

Отцу Анатолию по роду своей службы приходилось общаться с очень многими людьми. Каждый день — требы, беседы, советы, благословения. Видя такую его загруженность, иногда просто

хотелось поберечь батюшку и лишний раз не докучать своими заботами.

Во время того Великого поста в библиотеке велась большая работа по подготовке спектакля «Женщины Библии». Постоянно шли репетиции. Я, к сожалению, в это время стала значительно реже бывать на богослужениях. И вот как-то однажды меня останавливает отец Анатолий и, улыбаясь, говорит: «Что-то я давно не видел Маргариту!». «И я вас, батюшка», — ответила я. А потом долго размышляла над этим. При постоянной занятости и множестве людей вокруг заметить чье-то отсутствие мог только неравнодушный человек.

Это была моя последняя встреча с отцом Анатолием. Через несколько дней его не стало. Вспоминаются его похороны в теплый, спокойный и светлый день, в такой же светлый, каким был и сам отец Анатолий.

Вечная ему память в наших сердцах и молитвах!

Маргарита Антонова, хранитель библиотеки Софийского собора

Многое ему было открыто

Чем больше проходит времени со дня отшествия отца Анатолия в мир иной, тем яснее осознаешь, какого пастыря, какого духовного наставника лишились все мы, его чада.

Для нас отец Анатолий — образец смирения и смиренномудрия. Однажды, это было на Светлой седмице, после крестного хода алтарник сказал мне, что батюшка благословил меня пройти в жертвенник через алтарь. Я подумал, что меня лично никто не благословлял и что я, недостойный, не имею никакого права входить в алтарь, и ослушался. Но на выходе из диаконника был поражен — у раки святителя Никиты смиренно стоял молящийся отец Анатолий. В одну секунду все во мне перевернулось. Он не проронил ни единого слова. Сила его молитвы заставила меня повернуть назад и сделать то, что было благословлено. Отец Анатолий — великий молитвенник за всех нас, за нашу Россию многострадальную, его молитва — сразу пред Престолом Господа. Ни единожды приходилось в этом убеждаться.

Это был опытнейший духовный руководитель. Бывало, провожали его чада после службы, а он по дороге что-то рассказывал, наставлял, вразумлял нас. Все помыслы наши и проблемы были ему открыты, прозорливостью он обладал необыкновенной. Часто спрашивал меня, не еду ли я куда-нибудь. Мне самому еще ничего не было известно о предстоящем паломничестве, а он уже благословлял и молился, чтобы и я молился, дабы Господь открыл мне место предстоящей поездки… По батюшкиным молитвам Господь сподобил побывать в паломничестве на Святой Земле, на Синае, в Греции, на Святой Горе Афон. По его благословению и молитвам научился понимать по-гречески и читать Евангелие в оригинале.

Сейчас, конечно, не хватает батюшкиных общих исповедей. На них все было очень просто. Если внутренне не готов, лучше не подходить — не сможешь. Его молитва тебя не допустит. Выход один — стой и молись, плачь, кайся. А когда покаялся перед Господом, всех простил, наплакался, весь как на ладони, — тогда оставалось только преклонить головушку под его епитрахиль…

Великий был старец, многое ему было открыто.

Владимир Федоров

Учительное слово пастыря

«Всегда всем будьте довольны, и за все благодарите Господа», — часто наставлял свою паству отец Анатолий. Всей своей жизнью — и словами, и делами — - он являл любовь к Богу и ближнему. Для каждого из нас уход отца Анатолия — это очень большая потеря близкого и дорогого человека, незаменимого наставника. Про него можно уверенно сказать: жил с Богом и умер с Богом.

Видя его в храме, всего светящегося от благодати, и чувствуя эту благодать на себе при его благословении, без лишних слов можно было понять, что это истинно Божий человек. Пережив долгое безбожное лихолетье, он хранил веру Христову, проповедовал Христа в то время, когда большинство соотечественников были заняты созиданием рая на земле без Бога. Он всю жизнь исповедовал Христа, жил с Ним и донес до нас искру живой православной веры. Я бесконечно благодарна судьбе, что была знакома с этим смиренным, кротким старцем и могла обращаться к нему за советами.

Его жизнь всем нам пример для подражания. Отец Анатолий всегда обращался с другими как с равными — или даже лучшими, чем он сам. После общения с ним всегда, бывало, чувствуешь себя намного лучше и чище. Он никого никогда не ругал, не наказывал, каждого назидал любовью. И всем был заботливым и любящим духовным отцом, готовым пожертвовать ради нас собою, не жалея ни сил, ни времени. Часто, казалось, он переживает, болеет за нас грешных больше, чем мы сами за себя…

Хочется вспомнить некоторые наставления и изречения отца Анатолия.

Насчет причащения Св. Таин он говорил так: *Святое Причащение — это воскресение к вечной жизни, оно возводит человека выше Ангелов. Через покаяние уничтожается связь греха с человеком.* Всегда спрашивал на исповеди: «Всех прощаешь?». *Если ты не всех простишь, то и Бог тебе не простит.* Учил, что каждый христианин должен нести свой крест с верой и надеждой на Бога. Но *одна вера без дел мертва. Надо не только знать, но и делать. Христос, когда будет судить нас, не спросит, сколько мы читали, а спросит: «Когда Я жаждал и алкал — напоили ли, накормили ли вы Меня? когда был в больнице или заточении — посетили ли вы Меня? когда Я странствовал — приютили ли вы Меня?».*

Чем дальше человек уходит от Бога, тем хуже ему становится.

Вразумлял, чтобы никогда и никого не осуждали. «Осуждающий другого человека есть антихрист», — говорил отец Анатолий. И приводил в пример человека, который, не имея добродетелей, после смерти оказался в раю за то лишь, что никогда никого не осуждал. Говорил, что наш судья Христос.

Грех есть грязь, если начнем перебирать чужие грехи, сами невольно испачкаемся. Человек согрешил и покаялся, Бог его простил, а ты остался с этим грехом. Христос, когда будет судить, не спросит, почему грешил, а спросит, почему не каялся.

Печалился, что в наше время исчезает понятие греха, царствует вседозволенность. *Если пристально смотреть, то можно видеть, что вся жизнь наша состоит из греха. И кто не считает себя грешным, у того молитва не принимается Богом. Часто мы бываем как украшенные гробы: только внешне кажемся хорошими, а коснись поглубже, ничего хорошего в нас и нет.*

Предупреждал, что совершенный грех влияет на судьбу ближних.

«Человеческая правда это есть грязная тряпка», — говорил отец Анатолий. «Один суд Божий, другой — человеческий. Не следует верить слухам, а только увиденному своими глазами, и то с большой осторожностью и рассуждением».

«Грешников Господь наказывает через грешников», — учил он. «Не льстите друг другу, не укоряйте, не мстите, стойте в вере, мужайтесь. Будьте чисты телом и душою, бодрствуйте и молитесь».

Помнятся многие его изречения.

Чем праведнее человек — тем больше страданий. Страдание — это очищение души. Всякая скорбь, соединенная с терпением, полезна. Если роптать, то не будет мира в душе. Скорбями, переживаниями истребляются грехи. Скорбящий смиряется, может любить ближнего искренней любовью. Христианам положено страдать больше, чем остальным.

Молитва без сокрушения — прелесть.

Телесное делание предшествует духовному. Пустословить — не иметь чистого ума.

Славолюбие — мятежные помыслы.

Чувства подчинить уму лукавому — это начало зла.

Благодать Духа Святаго осенит человека при смирении, сокрушении, плаче о грехах.

Если в унынии, в скорбях — ищи утешение в Боге. Бог лучше всякого человека знает, что лучше для нас. Бог, что бы ни сделал для человека. — все для блага его.

Когда человек познает себя, то придет к смирению.

Там, где Бог, естество отступает на второй план.

Невозможно познать Христа через рассуждение, только — через непосредственное общение с Ним. Приближаться ко Христу надо отвержением себя.

Вера — это нежный цветок, надо хранить и беречь его. Вера угасает, где нет любви и нет благодати.

Бойся плохих привычек больше, чем врагов.

Самая большая победа — это победа над самим собой.

Гневливость — это обнаженное зло.

Соизмеряй себя с сильными, а не со слабейшими.

Страсти помрачают ум. Ум должен быть свободным от страстей.

Смирение — это постоянная молитва со слезами и трудами, не полагаться на свои силы, а на Бога.

Воображение — сила неразумной души.

Важно не только не грешить, но и иметь отвращение ко греху.

Отец Анатолий учил следить, чем душа занята, ум. Работать над собою. Духовным деланием надо заниматься постоянно, считал он, совершать самоанализ, следить за совестью, внимательным быть ко всем своим поступкам, словам, чувствам, мыслям. *Не мечтать (не допускать парения мыслей). Какие страсти приходят во время молитвы, с ними бороться.*

Сердечная теплота в молитве — это пламень попаляющ для диавола.

Послушание — признак смирения. Гордый человек не способен к послушанию.

Ропот — от лени.

Диавол посредством добра подсевает зло.

В духовном делании надо стремиться к чистоте сердца, а не к умножению знаний. Чистые сердцем узрят Бога.

Смирение — это покорность воле Божией.

В устах гордых — умные слова, а в устах смиренных — небесное знание.

Кто не хочет быть рабом Божиим, тот становится рабом грехов своих.

Грешников сатана держит в подчинении.

Гордость — основа всех страстей. «Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать», — одно из любимых изречений нашего пастыря.

Образ смиренного, кроткого старца, опытного наставника, любимого духовного отца навсегда останется в наших сердцах. Как Бог посылает дождь на праведных и неправедных, так и он и праведников любил и грешников миловал, учил любить врагов и молиться о спасении душ их. Отец Анатолий Малинин был и остается для нас идеалом для подражания, любимым и дорогим нам.

Лидия Ст-а

Его жизнь — урок нам всем

В храм я стала ходить после тяжелой операции. Отец Анатолий сразу, когда я пришла, дал согласие быть моим наставником. Я стеснялась его мучить своими вопросами, а вот помолиться о нас всех часто просила. Он был в этом отношении безотказный. Когда он читал Святое Евангелие, все было понятно.

А какие у него были исповеди! — навсегда останутся в памяти и сердцах. Разве можно забыть беседы Батюшки — они поистине очищали и освящали человека, заставляли задуматься и смотреть на свою жизнь духовным взглядом, видеть свои грехи и прегрешения.

Его жизнь — это урок для современных людей, как можно жить духовной жизнью и спасать свою душу в наше такое трудное время.

…В тот день не взяла я у него благословения. Поняла, что он болен. Только посмотрела ему вслед, и душа моя заныла. Не знала я, что вижу его в последний раз.

Нет слов выразить печали нашей. Приходишь на службу и не видишь нашего дорогого

Батюшку.

Стараюсь побывать на его могилке. Только молчит он, ничего уже не подскажет и не посоветует.

Вечная ему память.

Раба Божия Мария

…И пусто стало на земле

Вскоре после освящения Софийского собора я пришла на литургию, исповедовал протоиерей Анатолий Малинин. С того дня более десяти лет рядом был дорогой батюшка. Это было трудное время — изменялся государственный строй, происходила ломка всех сторон жизни. Многим приходилось нелегко, особенно в 90-е годы. Батюшка никогда не был безразличным к нуждам и горестям окружающих его людей, всегда помогал советом и молитвой. Он всякого внимательно выслушивал, а если надо — и обличал. Не позволял осуждать других, а только себя.

Отец Анатолий учил нас вере, любви, смирению. Он говорил, что Божественная любовь начинается с любви к грешнику.

Батюшка внимательно следил за нашей духовной жизнью. У меня возникли проблемы, потому что никак не могла понять, что значит работать над собой. Батюшка велел прийти к нему домой. Пришла — и он все объяснил, а в благословение дал большую просфору. И так было всегда: придешь к отцу Анатолию вся в слезах, а уходишь радостная.

Как батюшка любил всех нас! Двери его дома всегда были открыты, и позвонить ему всегда можно было.

Смерть отца Анатолия была ударом, и пусто стало на земле.

Нина Нежкина

Слово о батюшке

19 декабря 1999 года был особый день в жизни православного Новгорода. В этот день освящался новый храм — церковь Александра Невского в Григорово. Тогда это было большое событие. Всю предшествующую неделю знакомые только и говорили об этом и собирались на освящение храма.

Накануне вечером я позвонила отцу Анатолию.

— Батюшка, говорят, завтра будет освящение храма Александра Невского.

— Да, говорят.

— Хорошо бы побывать на этой службе.

— Да, хорошо. Но не обязательно.

— Не обязательно?!

— Нет.

— Хорошо. Завтра буду на службе в Софийском соборе. Благословите, батюшка.

Благословил батюшка, чувствую, с улыбкой.

На следующий день на литургии прихожан было меньше обычного. По окончании службы, взяв у батюшки благословение на все доброе, хорошее и светлое, мы с двумя моими сослуживицами, прихожанками Софийского собора, пошли к выходу.

Возле ступенек перед выходом стоял незнакомый мужчина. Он приветливо поздоровался с нами и сказал, как будто только нас и ждал:

— Мы из Воронежа, едем от святителя Тихона Задонского на его родину в Короцко Валдайского района. А сейчас — в новую церковь Александра Невского. Едемте с нами. Автобус на площади стоит, первый у дорожки. Заходите и садитесь. Минут через десять мы отправимся.

Мы переглянулись с ощущением неожиданной радости, свалившейся на нас прямо с неба, и побежали к автобусу. В автобусе нас стали расспрашивать о Новгороде, рассказывать о своих святынях. Очень скоро мы приехали в новоосвященный храм. Служба только что закончилась, и священник еще не ушел. Мы и свечи поставили, и к иконам приложились, и к священнику под благословение подошли, и помолились.

Так вот и вел нас батюшка ко Господу, вразумляя, как малых детей. По молитвам батюшки за послушание наше Господь дарил нам свои милости. И так было все годы, что мы шли рядом с батюшкой, — тысячи рассказов можно написать.

* * *

5 апреля 2004 года отец Анатолий ушел от нас в жизнь вечную. Ушел тихо, спокойно, радостно, с улыбкой — каким был в Вербное воскресенье, последний день его с нами здесь. Господь подарил нам всем праздник с батюшкой перед страданиями потери…

Страдания прощания с батюшкой, осознания нами его ухода из этой жизни совпали со Страстной седмицей — страданиями по Христу. Думается, батюшка хотел уйти скромно, незаметно, никого не обременяя, просил об этом в молитвах, и Господь услышал его и призвал батюшку в первый день памяти Своих страданий — Великий Понедельник.

Даже уходя, батюшка думал о нас и болел душой за нас, осиротевших, старых и малых — все мы были для I let о дети, чада неразумные и любимые.

Величайшее потрясение для человека земного — смерть, переход в иную жизнь, неизвестную, непонятную и оттого вызывающую тревогу и страх, которые усугубляются тем, что там надо держать личный ответ за свою греховную жизнь здесь, что все твое там высветится разом. Что там? Кто меня встретит? Где я буду? Кто там я (ведь тело осталось в земле)? Надо заново учиться двигаться, общаться, делать первые шаги, произносить или думать первые слова; но и «шаги», и «слова», да и «мы сами» там — это совсем иные понятия, иные действия, о которых мы можем лишь отдаленно догадываться.

А батюшка вошел в ту жизнь радостно и спокойно, как в свой дом, где живут близкие, любимые люди, — с заботой не о себе, а о нас.

6 апреля я испытала это на себе. Второй день как не стало батюшки. По радио сообщили, что в 16 часов тело отца Анатолия привезут для прощания в церковь апостола Филиппа. Прибежала домой с работы — и почти сразу позвонила Маргарита Алексеевна и сказала, что батюшку привезут в церковь раньше, в 15 часов. Я прилегла минут на десять, чтобы набраться сил. Очень быстро отключилась от действительности, но не до конца — видимо, такое состояние и называется тонким сном. Вижу, посреди комнаты перед моими иконами стоит какой-то святитель с жезлом в руках, седой, в митре, в серебристо-голубом праздничном облачении, лицо его мне незнакомо. Он смотрит в сторону икон, потом медленно поворачивается, переставляя владычный посох, и сурово смотрит на меня.

Может, наваждение? Батюшка учил, что нужно уходить от таких видений и прекращать их усилием воли. Ничего хорошего от них не бывает. Надо заставить себя открыть глаза и подняться.

И тотчас яркой вспышкой на месте святителя появляется батюшка в таком же серебристо-голубом облачении, в митре, улыбающийся, и смотрит на меня ободряюще с такой несказанной любовью всеобъемлющей, как может смотреть только один батюшка. Я чувствую, как радость и любовь наполняют меня, и уголки рта ползут вверх в улыбке.

Встаю, молюсь в радости и печали одновременно. Иду, встречаю возле церкви апостола Филиппа Руслана Александровича и Любовь Михайловну Дериптазовых, рассказываю им, что приходил батюшка, что он как бы сказал: «Не печалься, Галина, видишь, я не ушел, я продолжаю жить и с вами всегда буду».

До третьего дня батюшка приснился мальчику Саше и сказал: «Не унывайте, душой я остаюсь со всеми вами». Какие родные слова! Батюшка всегда говорил нам всем: «Не унывайте. Положитесь на Господа. Молитесь. Господь управит».

После похорон батюшка приснился внучке, и на ее вопрос, хорошо ли ему там, ответил: «Мне здесь очень хорошо. Здесь всем хорошо, кто готовится к встрече с Господом». Не припомню, чтобы отец Анатолий когда-нибудь в проповедях, на занятиях в воскресной школе в течение двенадцати лет, в общении с нами употреблял слово «очень». Поэтому для меня слово батюшкино во сне означает, что ТАМ ОЧЕНЬ ХОРОШО, что батюшка, как всегда ненавязчиво и деликатно, сообщает нам о том, что он сам увидел и призывает нас готовиться к встрече с Господом. «Ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его». (1Кор.2:9).

Многим чадам своим, прихожанам Софийского собора и верующим людям других приходов, знавшим его, приснился или явился отец Анатолий. И всех он ободрял, утешал, кропил святой водой так, что во сне чувствовали в радости, как на лицо падали прохладные капли, и с этим чувством просыпались; некоторых вразумлял и даже предупреждал о необходимости каких-то конкретных шагов во спасение души, делая это иносказательно, но вполне внятно, при этом с любовью и лаской, и даже после сна чада ощущали тепло его руки.

Спустя три месяца после батюшкиного ухода (сначала написала не «ухода», а «кончины» — нет, это мирское слово, означающее конец, и нам оно не подходит) я писала: «Прошло много времени, но и сейчас невозможно смириться с этой потерей и осознать ее. Со временем боль утраты становится сильнее, так как отсутствие батюшки рядом ощущается на каждом шагу, и к этому нельзя привыкнуть, это нельзя понять. Душа болит и стонет: нет батюшки дорогого и любимого».

Однако очень скоро появилось другое внутреннее ощущение, боль сменилась твердым

убеждением: батюшка с нами, он молится за нас, помогает нам, не оставляет своей заботой. От него к нам по-прежнему идет отчее тепло, которого так всем не хватает. Только сейчас я начинаю осознавать применительно к нему слова Игнатия Брянчанинова о том, что, отходя телом, он приближается духом к своим чадам и всем нуждающимся. Батюшка стал ближе. Он постоянно нас видит, все наши грехи и духовные «подвиги», наши поступки и слова, наши мысли и молитвы. По-прежнему живу с чувством невысказанной благодарности батюшке, с чувством того, что постоянно доставляю ему боль своим много- и пустословием, необдуманными поступками, грехами. А он по-прежнему с любовью опекает и направляет. Знаю, что батюшка со мной в моих радостях, бедах, покаяниях.

Во всех своих проповедях отец Анатолий говорил с тревогой, иногда с возмущением и всегда с болью в сердце о том, что страшное творится в нашем обществе: дети брошены живыми обеспеченными родителями, они лишние, мешают родителям жить, их воспитывает улица, телевизор; страшное зло ведет молодежь к гибели — наркомания, алкоголизм; отвергая Бога, придумали планирование семьи и преподают это дьявольское так называемое учение в школе подрастающему поколению; разрушаются семьи, так как люди стремятся к удовольствиям, нет чувства ответственности друг за друга, чувства долга, любви в Боге, есть страсть, которая разрушает все, ею подменяется любовь. Без Бога семья разрушается, люди страдают, мучаются, даже гибнут.

Батюшкино сердце болело от оскудения любви в людях, все более умножающегося, от равнодушия, теплохладности. Батюшкино сердце горело любовью ко Господу, любовь изливалась благодатью на нас. Вся его жизнь — спасение людей в Боге.

Как бы возрадовался батюшка, если бы увидел, что все мы постоянно стремимся сеять доброе, дарить тепло и помощь нуждающимся. Помолимся, попросим Божией помощи, а батюшка с нами.

Как заветное желание живет мысль о том, что батюшка может встретить нас в смертный час, быть рядом при прохождении мытарств. Очень важно быть достойными этого и жить сейчас так, чтобы не испытать стыда при встрече с батюшкой. Прости и помози, Господи, не оставь милостию Твоею.

Галина Соболева

[1] См.: Интервью протоиерея Анатолия Малинина к 50-летию Ленинградских духовных семинарии и академии — http:/protioann.livejournal.com/5758.html

[2] Перипетии передачи и переноса святых мощей святителя Никиты подробно описаны Л. Галкиным в статье «Вновь со святителем Никитой». См.: София. 2008. №3. С. 8–10.

[3] Горение ко Христу. Духовный преемник праведного Иоанна Кронштадтского новгородский протоиерей Александр Ильин: Жизнеописание, воспоминания, размышления, советы духовным чадам. М.: Ковчег, 2001. С. 56.

[4] Там же. С. 51–52.

[5] Там же. С. 52.

[6] Возлюбленные, не всякому духу верьте: Духовные беседы, наставления и воспоминания протоиерея Анатолия Малинина, старейшего священнослужителя Новгородской епархии, клирика кафедрального собора Святой Софии Великого Новгорода. М.: Параклит, 2003. С. 299.

[7] Горение ко Христу. С. 53–55.

[8] Государственный исторический архив Новгородской области (ГИАНО). Ф.Р–4110. Оп.4. Д.422. Л.37.

[9] «И врата ада не одолеют ее». О судьбах Русской Православной Церкви // «Испытывайте самих себя, в вере ли вы…». Протоиерей Анатолий Малинин и его труды / Сост. прот. Иоанн Малинин, Н.Н.Жервэ. СПб.: Сатисъ, 2009. С. 64–65.

[10] ГИАНО. Ф.Р–4110. Оп.4. Д.112. Л.146–146об.

[11] См.: Там же. Д.422. Л.31–33.

[12] Горение ко Христу. С. 90.

[13] Собрание писем святителя Игнатия, епископа Кавказского. М., 1993. С. 368–369. В этом о. Анатолий был не одинок: многие духоносные пастыри XX века полагали так же.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch